

МИР ЕВРАЗИИ

Научный журнал. Издается с мая 2008 г. Выходит один раз в три месяца

2010. №2(9) Апрель-июнь

Главный редактор

Н.С. МОДОРОВ — доктор исторических наук, профессор, академик РАН (г. Горно-Алтайск)

Первый зам. главного редактора

В.Г. БАБИН — кандидат исторических наук, проректор ГАГУ по научной работе (г. Горно-Алтайск)

УЧРЕДИТЕЛЬ ЖУРНАЛА

Горно-Алтайский государственный университет

НАУЧНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ю.В.ТАБАКАЕВ (председатель совета) — доктор философских наук, профессор, академик РАН, ректор ГАГУ (г. Горно-Алтайск)

А.Н. АЛЕКСЕЕНКО — доктор исторических наук, профессор (г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан)

В.Г. ДАЦЫШЕН — доктор исторических наук профессор (г. Красноярск)

Н.Ф. ИВАНЦОВА — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)

А.Б. КАМЕНСКИЙ — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)

В.Д. КУБАРЕВ — доктор исторических наук профессор (г. Новосибирск)

О. ЛХАГВА — доктор исторических наук, профессор (г. Улан-Батор)

А.И. МАРТЫНОВ — доктор исторических наук, профессор, академик РАН (г. Кемерово)

В.Я. РУШАНИН — доктор исторических наук, профессор (г. Челябинск)

Л.И. ШЕРСТОВА — доктор исторических наук, профессор (г. Томск)

М.В. ШИЛОВСКИЙ — доктор исторических наук, профессор (г. Новосибирск)

Э.М. ЩАГИН — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

М.И. ПАКЛИН (зам. главного редактора) — кандидат исторических наук, доцент (г. Горно-Алтайск)

А.П. АДЛЫКОВА — кандидат исторических наук (г. Горно-Алтайск)

О.М. ГАНБОЛД — профессор (г. Ховд, Монголия)

Э.П. ДВОРНИКОВ — кандидат исторических наук (г. Горно-Алтайск)

Д.М. КАРАЧАКОВ — доктор исторических наук, профессор (г. Абакан)

Подписано в печать 03.09.2008. Формат 60x84/8. Усл.печ.л. 11,57. Тираж 150 экз. Зак. №08532

Отпечатано в типографии
Горно-Алтайского университета.

649000, Горно-Алтайск, ул. Ленина, 1.

© Горно-Алтайский государственный
университет, 2008.

Ответственность за аутентичность и точность
цитат, имен, названий и иных сведений, а также
соблюдение законов об интеллектуальной
собственности несут авторы публикуемых
материалов

СОДЕРЖАНИЕ

Адлыкова А. П. ВЛАДИМИР (ПЕТРОВ) АРХИЕПИСКОП КАЗАНСКИЙ И СВИЯЖСКИЙ И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ	2
Анкудинова Т. В. ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ И ГОРОДА ГОРНО-АЛТАЙСКА В 90-Е ГГ. XX В. (НА ПРИМЕРЕ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ).....	5
Воног В. В. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУР	8
Гилько М. А. ВЛИЯНИЕ ТРАНССИБИРСКОЙ МАГИСТРАЛИ НА РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО КРИЗИСА В КРАСНОЯРСКОМ УЕЗДЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.	11
Гончарова О. А. ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ В 60-Е ГОДЫ XX ВЕКА	15
Дацьщен В. Г., Модоров Н. С. ПОСОЛЬСКАЯ МИССИЯ Ф. И. БАЙКОВА В КИТАЙ И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (1654-1658 ГГ.).	18
Дворников Э. П. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД: ТЕОРИЯ, СТРУКТУРА, ЭТАПЫ	30
Екоеев Н. В. К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АЛТАЙЦЕВ (Х — СЕРЕДИНА XVIII ВВ.)	34
Жилкубаева А. Ш. ИЕРАРХИЯ БЛЮД КАК ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИОННОГО МИРОВОЗРЕНИЯ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ	42
Затеева Е. Г. ВОЛОСТНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ НА АЛТАЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.	46
Захарова Т. В. К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В ГОРНОМ АЛТАЕ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ	53
Кудинов Ю. М. ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ УРАЛО-КУЗНЕЦКОГО КОМБИНАТА В ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (30-Е ГГ. XX В.)	55
Ложкина Н. Н. ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО ГОРНОГО АЛТАЯ В 60-70-Х ГГ. XX В.	58
Модоров Н. С. НАРОДНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПОМОЩИ КРАСНОЙ АРМИИ ПО РАЗГРОМУ ВРАГА В ПЕРВЫЕ ВОЕННЫЕ ГОДЫ ВОЙНЫ — 22 ИЮНЯ 1941 — ФЕВРАЛЬ 1942 Г. (НА ПРИМЕРЕ ТРУДЯЩИХСЯ ГОРНОГО АЛТАЯ)	60
Насонов А. А. ВЛИЯНИЕ БУДДИЗМА И ХРИСТИАНСТВА НА ФОРМИРОВАНИЕ ВЕРОУЧЕНИЯ БУРХАНИЗМА В ХОДЕ ПРОЦЕССА СИНКРЕТИЗАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ АЛТАЕ-САЯН В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.	64
Юдина А. Ю. К ВОПРОСУ О ДЕТСКОМ ЗДРАВООХРАНЕНИИ В Г. БИЙСКЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	68
РЕЦЕНЗИИ	72
ИНФОРМАЦИЯ	74

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленина, 1, Университет,
редколлегия Журнала «Мир Евразии»,
Тел.: 8 (388-22) 2-62-33. Факс: 8 (388-22) 2-67-35. E-mail: mns@gasu.ru

УДК 902

А. П. Адлыкова

ВЛАДИМИР (ПЕТРОВ) АРХИЕПИСКОП КАЗАНСКИЙ И СВИЯЖСКИЙ И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ

В статье, на основе опубликованных и архивных материалов, рассматривается деятельность одного из руководителей Алтайской Духовной миссии архимандрита Владимира (Петрова), его роль в социально-экономическом, общественном и культурном развитии народов Горного Алтая.

Алтайская Духовная миссия, архимандрит Владимир (Петров), Православное миссионерское общество, монастыри, церкви

Одним из наиболее ярких, активных деятелей Алтайской духовной миссии, оказавших непосредственное влияние на социально-экономическое, культурное и общественное развитие региона в середине XIX в. являлся архимандрит Владимир (Петров), впоследствии архиепископ Казанский и Свияжский. Под его руководством Алтайская Духовная миссия в середине XIX в. вышла из кризиса и начала новый этап развития, превратившись в важный фактор жизни народов Алтая.

Сам архимандрит Владимир писал о себе: «Сочувствие к миссионерскому делу заронилось в сердце мое, когда я сидел еще на академической скамье и в одно время было до того сильным, что я совсем было решился, не докончив своего академического образования, устремиться в тот путь, куда звали меня душевные наклонности. Но промыслу Божию угодно было отложить исполнение юношеских порывов на 15 лет» [1, с. 83].

В 1849 году Иоанн Петров окончил Воронежскую духовную семинарию, в том же году поступил в Киевскую духовную академию. На четвертом курсе обучения, 29 марта 1853 года, Иоанн принял монашество с наречением имени Владимира. 14 апреля был рукоположен в иеродиакона. По окончании курса Духовной академии, со званием магистра богословия, 22 октября 1853 года рукоположен в иеромонаха. В дальнейшем, уже будучи архиепископом Казанским, в память о годах, проведенных в Киевской духовной академии, Владимир учредит в ней постоянную, именную свою стипендию — лучшим ее студентам.

С октября 1853 года иеромонах Владимир был определен преподавателем философских наук в Орловскую духовную семинарию. Здесь, наряду с обязанностями преподавателя, он занимался разборкой семинарской библиотеки, а также принимал участие в составлении историко-статистического описания Орловской епархии.

30 апреля 1857 года он был назначен на должность инспектора и профессора по Священному Писанию в Иркутскую духовную семинарию. Но уже в следующем году переведен на аналогичную должность во вновь открытую Томскую семинарию, где прослужил до 13 сентября 1861 года. Затем, как весьма одаренный преподаватель, иеромонах Владимир был перемещен в Петербургскую духовную академию — в качестве инспектора и экстраординарного профессора богословия, с возведением в сан архимандрита, с присвоением лично степени настоятеля третьеклассного монастыря. В июне 1862 г. Владимир (Петров) возводит-

ся в сан архимандрита и с июня 1862 г. становится ее ректором [1, с. 89].

Его решение стать начальником Алтайской духовной миссии, во многом было обусловлено знакомством с попечителем Алтайской Духовной миссии барнаульским купцом А. Г. Мальковым, приехавшим в 1864 г. в Санкт-Петербург «хлопотать об устройстве миссионерских обителей в Алтайской Духовной миссии» [1, с. 70].

Прославив еще в Сибири, что инспектор столичной духовной академии, архимандрит Владимир сочувствует миссионерству вообще, и Алтайской миссии, в частности, он обратился к нему за помощью. Тот, принял Малькова, предоставил ему у себя «квартиру и стол», составил необходимые письма, прошения, доношения и указал лиц, к которым следовало обратиться за помощью. Наконец, он познакомил его с некоторыми высокопоставленными особами, славившимися своею благотворительностью и сочувствием миссионерскому делу. Дальнейшие знакомства в Петербурге Мальков приобретал уже сам [1, с. 86]. В июле 1862 года он обращается в Синод с прошением, в котором особо подчеркивает необходимость учреждения при миссии мужского монастыря. При этом он ссылается на мнение бывших томских епископов и местное гражданское начальство [2, с. 6]. Видимо, не без участия архимандрита Владимира, давно мечтавшего о миссионерской деятельности и занимавшего не последнюю ступень в церковной иерархии (в то время он исполнял обязанности ректора Духовной Академии), Мальков доходит до императрицы Марии Александровны и добивается ее согласия принять участие в «сем благородном деле» [3, с. 8].

По инициативе и при непосредственном личном участии архимандрита Владимира в С.-Петербурге было создано Православное миссионерское общество — для содействия Алтайской и Забайкальской миссии. Он дважды являлся автором Устава данного общества и членом его Совета. В связи с этим многотрудным добровольным поприщем, 24 ноября 1865 года Святейший Синод определил ему новое место служения — Сибирский край, где архимандрит Владимир возглавил Алтайскую духовную миссию и стал строителем нового мужского Благовещенского монастыря (ему была присвоена степень настоятеля второклассного монастыря) [2, с. 5].

Однако по приезду в миссию, архимандрит Владимир, отдохнув в Улале, в начале мая 1866 г. вместе с попечителем А. Мальковым приступил къездзу и всестороннему осмотру Алтайской мис-

ции, обнаруживает, что она находится в глубоком кризисе, связанном, в основном с мошенничеством ее попечителя. В связи с этим, перед новым руководителем всталась непростая задача: разоблачить нечистого на руку купца, присвоившего часть средств Православного миссионерского общества, собранных специально на строительство Благовещенского Чулышманского мужского монастыря, и уже за счет скучных ресурсов самой Алтайской миссии продолжить начатое строительство.

Архимандрит Владимир справедливо должен быть наименован благоустроителем Миссии во всех отношениях. Благодаря его стараниям, на Алтае появляются новые храмы и миссионерские станы, монастыри детские приюты и лечебница.

В центре Улалы к 1875 г. возник своеобразный миссионерский комплекс, который объединил в себе центральный миссионерский храм Всемилостивейшего Спаса, детский приют и лечебницу. Здание детского приюта и больницы было построено, как известно из документов, в 1875 году [4, с. 12]. До переноса на территорию монастыря, приют был приписан к миссионерской церкви Всемилостивейшего Спаса, освященной в том же 1875 году [4, с. 14]. После пожара, уничтожившего старую церковь главного стана миссии, ее руководство взялось за строительство нового храма. Основные расходы на его возведение взяло на себя Православное Миссионерское общество и преосвященный Иннокентий, митрополит Московский [5, с. 67]. Нововстроенный храм во имя Всемилостивейшего Спаса был освящен 21 сентября 1875 года. В торжественном богослужении по этому случаю принимали участие 12 иереев-священников [6, с. 9]. Здание больницы и детского приюта было двухэтажным. На первом его этаже располагался детский приют. На втором этаже, кроме «лечебной палаты», находилась еще аптека и помещения для фельдшера и сестер милосердия [6, с. 7]. Стационар больницы был рассчитан на 20 коек. Начиная с 1875 года, она стала главным «часто посещаемым» медицинским учреждением Горного Алтая (вплоть до 1917 г.). В 1883 году на лечении у миссионерского фельдшера побывало 86 инородцев и 8 русских, а лекарством «вне больницы» воспользовались еще 59 человек. Для больных инфекционными заболеваниями было отведено специальное помещение в одном из домов миссии [7, с. 73]. После переноса приюта в монастырь, большое двухэтажное здание продали врачуству управлению для Улалинской сельской больницы.

В 1877 году в Улале было создано приходское попечительство для помощи бедным. Впоследствии такие попечительства создавались и в других отделениях миссии. Из попечительств выдавалась помощь пострадавшим от пожара или наводнения, безродным и сиротам.

Стараниями архимандрита Владимира (Петрова) в 1867 году было открыто миссионерское училище в Улале для подготовки учителей, переводчиков и церковнослужителей. Миссия начала применять к условиям Алтая систему казанских школ, разработанную знаменитым русификатором «инородцев» Н. И. Ильминским. В 1879 г. в учи-

лище воспитывались 18 мальчиков, которые не только изучали общеобразовательные и церковные дисциплины, но и обучались ремеслам, а некоторые и иконописанию. Руководителем иконописного класса был иеромонах Антоний (Петров), брат архимандритаВладимира.

Миссия стала посыпать в Казань для подготовки квалифицированных работников миссии юношей из среды алтайцев. В 1882 г. на Алтай уже вернулись из Казани окончившие инородческую семинарию некоторые стипендиаты миссии — алтайцы. Из них И. Штыгашев стал впоследствии не только активным миссионером-переводчиком, но и писателем, печатавшим свои миссионерские отчеты и научные работы преимущественно на русском языке. В 1876 г. при миссии была создана переводческая комиссия, работавшая по переводу русской религиозной литературы на алтайский язык (в контакте с Казанью), где главным образом и печатались алтайские переводы.

К приезду архимандрита Владимира на Алтае уже существовали 22 миссионерских селения. За время его деятельности возникло еще 19 селений: 1) Усть-Балыкса, 2) Чепош, 3) Унгуяя, 4) Кан, 5) Тюдрала, 6) Марьинское, 7) Тундинское, 8) Сайдыс, 9) Александровское, 10) Пешпельтир, 11) Карасук, 12) Каинча, 13) Эдиган, 14) Карагем, 15) Курай, 16) Манжерок, 17) Камлак, 18) Усть-Улаган, 19) Балыкса [8, с. 4].

Большое внимание уделял архимандрит Владимир развитию Улалинского Николаевского женского монастыря. 23 октября 1866 г. им была освящена построенная на средства благотворителей деревянная церковь с колокольней во имя св. Николая. В 1875 г. к ней был пристроен придел во имя св. Ольги. Это было осуществлено архимандритом Владимиром на собственные средства. В 1871 г. стараниями о. Владимира для сестер общины был построен дом в шесть комнат на средства благотворителей. В том же году был воздвигнут и свечной завод, который постепенно превратился в «становой хребет» экономического благополучия монастырского хозяйства.

В 1872 г. по инициативе архимандрита Владимира была построена деревянная домовая церковь во имя святой пророчицы Анны. В 1871 г., по указанию о. Владимира, на средства благотворителей строится шестикомнатный дом с кельями для сестер общины. В 1876 г. из «старого материала» строится еще один двухкомнатный дом для сестер. В 1880 г. из такого же «старого материала» строится один трехкомнатный дом, а также дом с шестью кельями. Все вышеуказанное строительство велось за счет средств преосвященного Владимира, архиепископа Казанского. Он же был инициатором и основным жертвователем денег и на строительство нового храма. Деревянная церковь во имя святой пророчицы Анны была не в состоянии удовлетворить нужды трех тысяч паломников, которые каждый год — в день св. Николая — собирались в монастыре. Преосвященный Владимир предполагал построить храм, «соответствующий миссионерскому назначению монастыря». В 1893 г. он пожертвовал 5000 рублей на постройку нового каменного храма, в

1895 г. — 12 225 рублей и в 1896 г. — 2050 руб. Его строительство началось в 1895 г. Храм проектировался трехпридельный и двухэтажный. В нижнем этаже предполагалось устроить кельи для схимниц. В общей сложности на его постройку было собрано более 30 тыс. рублей. Но закончить строительство преосвященный Владимир не успел. Он скончался 2 сентября 1897 г. [8, с. 25].

В звании начальника Алтайской духовной миссии Владимир состоял на протяжении 18 лет. За это время, а именно в 1879 году, он был возведен в сан епископа Бийского, викария Томской епархии. Наречение и хиротония совершены были в городе Томске.

В 1882 году епископ Владимир с разрешения Святейшего Синода открыл новую православную миссию — Киргизскую (противомусульманскую), в Семипалатинской области. Здесь, как и на Алтае, он проявил миссионерский и организаторский талант.

В 1883 году он получил назначение на самостоятельную кафедру в городе Томске, с титулом епископа Томского и Семипалатинского. За трехлетнее служение на этой кафедре Владыка открыл Епархиальное женское училище в Томске, а также противораскольническое Братство св. Димитрия Ростовского в городе Бийске.

В 1886 году, в связи с ухудшением здоровья, епископ Владимир подал прошение в Святейший Синод, с просьбой о переводе его на архиерейскую кафедру в город Ставрополь, на Кавказе. На новом месте своего пастырского служения Преосвященный Владимир, по-прежнему, отличался активной деятельностью. В 1888 году, в память 900-летия Крещения Руси, на архиерейском подворье при нем был выстроен новый каменный храм во имя св. князя Владимира. Кроме того, был открыт епархиальный свечной завод, организовано при Кафедральном соборе Владимирское братство, в здании которого размещались бесплатная столовая для нищих, приют для беспризорных детей, богадельня. Занимающемуся миссионерской деятельностью епископу Владимиру удалось в 1889 году, помимо присоединения к Православной Церкви раскольников самых различных толков, обратить в православие из буддизма 57 человек из числа ставропольских буддистов-калмыков. Для этой цели им было основано новое оседлое поселение, Князь-Михайловское, с православной церковью [1, с. 105].

4 декабря 1889 года Преосвященный Владимир был определен на Нижегородскую кафедру.

Библиографический список

1. Ястребов И. Миссионер, Высокопреосвященнейший Владимир, Епископ Казанский и Свияжский. — Казань, 1898.
2. ГАТО, ф. 184, оп. 1, д. 3.
3. ГАТО, ф. 170, оп. 4, д. 247.
4. ГАТО, ф. 184, оп. 1, д. 11.
5. Отчеты Алтайской Духовной миссии за 1875 г. — Томск, 1876.
6. Кацюба Д.В. Благотворительная роль Алтайской Духовной миссии. // Этнография Алтая. Мат-лы. II науч.-практ. конф. — Барнаул, 1996.
7. Отчет Алтайской Духовной миссии за 1903 г. — Томск, 1904.
8. ЦХАФАК, ф. 164, оп. 1, д. 62.
9. Отчет Алтайской Духовной миссии за 1910 г. — Томск, 1911.
10. http://www.nne.ru/bishops/b_30.php

23 декабря он прибыл в Нижний Новгород, где спустя несколько дней, стало известно, что Владыку утвердили в звании Почетного члена Санкт-Петербургской духовной академии. Несмотря на то, что Преосвященный Владимир прослужил в Нижегородской епархии лишь два с половиной года, он и за столь короткий период времени сумел снискать признательность, уважение и любовь нижегородцев, причем во всех слоях нижегородского общества.

Много трудов положил здесь Владыка на дело народного образования: к отъезду его из Нижнего Новгорода в епархии было 430 церковно-приходских школ с 10000 учащихся детей. Миссионерская деятельность под руководством Преосвященного Владимира ожила и окрепла, получив значительную материальную поддержку. Им же была учреждена пенсионная касса для заштатных священнослужителей (на основание этой кассы Преосвященный лично пожертвовал значительную денежную сумму).

Во время голода в 1891 году Святейший Синод, по ходатайству епископа Владимира, выдал духовенству Нижегородской епархии 15000 рублей в виде безвозвратной ссуды. Вся паства нижегородская почитала Владыку как заботливого отца: в голодный год он учредил бесплатные столовые при всех обителях, мужских и женских, а также пособия для особенно нуждавшихся.

В Нижнем Новгороде епископом Владимиром в августе 1890 года освящено новое здание Козьмо-Дамиановской церкви — величественного пятиглавого храма в русском стиле с колокольней (на улице Рождественской). По свидетельству современников, это был один из лучших храмов Нижнего Новгорода «по своей архитектуре, внутренней отделке и убранству иконостаса». Он был построен по проекту архитектора Л. В. Даля на средства Д. А. Обрядчикова и встал рядом со старой церковью Козьмы и Дамиана, небольшой, сохранившейся с древних времен. К сожалению, в советские годы весь комплекс этих храмов был не только закрыт для верующих, но и варварски уничтожен — взорван в июле 1928 года [10].

7 мая 1892 года указом Святейшего Синода Преосвященный Владимир (Петров) был в очередной раз переведен — на Казанскую кафедру, в сане архиепископа Казанского и Свияжского.

В Казанской епархии Высокопреосвященный Владимир прослужил остаток своей жизни, в течение пяти лет, оставив о себе добрую память мудрого и энергичного архиепастыря.

A.P. Adlykova

VLADIMIR (PETROV) ARHIEPISKOP KAZANSKIY AND SVIYAZHSKIY AND HIS ROLE IN DEVELOPMENT OF THE ALTAY SPIRITUAL MISSION

In article on the basis of the published and archival materials the activity of one of the Altay Spiritual mission's chiefs, archimandrite Vladimir (Petrov), and his role in social and economic, public and cultural development of Mountain Altai's people is considered

**Altay Spiritual mission, archimandrite Vladimir (Petrov),
Orthodox missionary society, monasteries, churches**

УДК 902

T. V. Ankudinova

**ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ
И ГОРОДА ГОРНО-АЛТАЙСКА В 90-Е ГГ. XX В.
(НА ПРИМЕРЕ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ)**

В статье, на основе опубликованных и неопубликованных материалов, проанализированы основные тенденции развития системы социальной защиты населения Республики Алтай и города Горно-Алтайска в 90-е гг. XX в.

Республика Алтай, Горно-Алтайск, социальная защита населения, уровень жизни населения

Важным и неотъемлемым компонентом социального развития любого общества является состояние системы социальной защиты его населения. Если говорить применительно к Республике Алтай (РА) и г. Горно-Алтайску, то следует отметить, что уровень жизни населения РА и, в частности, ее столицы, то он по многим показателям будет ниже среднего российского. Поэтому в Республике остро стояла и стоит проблема оказания социальной поддержки слабо защищенных слоев населения, к каковым можно отнести почти 48% проживающих в регионе людей, чьи доходы на сегодняшний день являются ниже прожиточного уровня, который утвердился в интересующий нас период в России. Тогда, в 90-х гг. на учете в органах социальной защиты состояло 54 тыс. чел., что составляло 26,3% от общей численности населения Республики [1, с. 9].

Если говорить о федеральном уровне, то на нем к 1998 году было установлено более 156 видов социальных пособий, выплат, льгот, дотаций, которые оказывались 236 категориям российского населения. Основная часть расходов на местном уровне приходилась, естественно, на реализацию федеральных законов «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», «О ветеранах» и «О социальной защите инвалидов в РФ».

В декабре 1991 года на основании указа президента Российской Федерации, при Правительстве Республики Алтай был образован территориальный финансовый фонд социальной поддержки населения [2, с. 48]. Состав его правления вошли: Завьялов А. И. — председатель правления фонда, заместитель председателя Правительства РА, Горбунов В. И. — зам. председателя правления фонда, председатель комитета социальной защиты, Сакчаков В. И. — член правления фонда, заместитель комитета финансов, Гайдарбус М. П. — член правления, председатель постоянной комиссии по социальной защите и охране здоровья населения Верховного Совета РА, Лы-

ков Д. А. — член правления, начальник отдела соцзащиты комитета соцзащиты населения, Федотова З. И. — член правления, управляющая отделением Пенсионного фонда РФ по РА, Кожева О. С. — член правления, главный бухгалтер комитета соцзащиты населения [2, л. 50]. Поскольку он находился в ведении Правительства Республики Алтай, то и руководство им осуществлял заместитель председателя Правительства РА. Республиканский фонд обеспечивал: оказание помощи в финансировании мероприятий городского и районных фондов в связи с экстремальными ситуациями и выполнение в этих целях функций резервного фонда системы социальной защиты населения; непосредственное оказание помощи, направляемой на поддержание жизнедеятельности граждан, остронуждающихся в социальной защите путем предоставления денежных средств а частичное возмещение затрат на финансирование натуральной и материальной помощи, коммунальных услуг, проезда на транспорте общего пользования, приобретения и ремонта индивидуального жилья и других видов помощи; финансовая помощь остронуждающимся гражданам могла быть оказана как непосредственно республиканским фондом, так и через подобные фонды созданные в городе и районах республики; координацию и методическое руководство деятельностью городского и районных фондов; взаимодействие с государственными и иными предприятиями, учреждениями, организациями, общественными объединениями, занятыми деятельностью в области социальной поддержки населения.

Республиканский фонд обслуживал одиноких граждан, утративших средства к существованию, пенсионеров и престарелых, несовершеннолетних детей, оставшихся без надзора и попечения родителей, многодетных и неполных семей. Круг лиц нуждающихся в предоставлении помощи мог дополняться органами исполнительной власти [3, л. 50].

К категории населения, которые нуждались в оказании социальной помощи в первоочередном порядке были отнесены: одинокие пенсионеры, неспособные к самообслуживанию, неработающие инвалиды 2, 3 групп; одинокие и многодетные родители, воспитывающие несовершеннолетних детей, детей-инвалидов; дети сироты, выпускники детских домов и школ интернатов; лица, попавшие в экстремальные ситуации (беженцы, бомжи, вынужденные переселенцы). На 1 января 1994 года таковых в Республике органами социальной защиты было зарегистрировано и поставлено на учет 94723 чел. [4, с. 32].

Правительством РА был также принят ряд постановлений, направленных на улучшение условий жизни слабозащищенных граждан. В числе их следует назвать в первую очередь постановление №31 от 26.05.92 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей», постановление №73 от 18.03.93 г. «О мерах поддержки малообеспеченных слоев населения Республики Алтай» и постановление 117 от 20.05.93 «О дополнительных мерах по улучшению материально-бытовых условий ветеранов — пенсионеров» [4, с. 33].

Основные формы и виды социальной защиты, которые практиковались тогда в Республике были: социальное пособие, выплачиваемое на основе учета среднедушевого совокупного дохода семьи; целевые пособия, используемые на конкретные нужды семьи (приобретение топлива, одежды, лекарства и др.), пособия на оплату жилья и коммунальных услуг; дотация на диетическое питание и лечение, в том числе беременным и кормящим матерям, больных сахарным диабетом; оказание материальной, в том числе оплата транспортных услуг, ремонт автомобилей и мотоколясок, компенсация за бензин [4, с. 34].

Но, несмотря на принятые Правительством меры, в его деятельности имели место и существенные недостатки. Главным недостатком функционировавшей тогда системы социального обеспечения и социальной защиты являлась выплата трансфертов независимо от уровня благосостояния получателей. Чтобы устраниТЬ его в Республике были приняты законы об адресной социальной помощи нуждающимся. Другим недостатком существовавшей в 90-е гг. системы социальной поддержки являлась недостаточная межведомственная координация работы органов, осуществляющих установление, назначение, выплату пособий и предоставление льгот, дублирование расходов на социальные цели. Кроме того, федеральные законы не предоставляли муниципалитетам достаточных возможностей для модификации социальной поддержки и приспособления ее к региональным потребностям.

Говоря о социальной поддержке населения, следует отметить, что тогда в Республике имелось большое число инвалидов среди детей и лиц в трудоспособном возрасте. Так, численность детей-инвалидов в 1992 году составляла 346 чел., а в 2000 г. — уже 2016 чел. В силу этого, действия органов социальной защиты, в основном, и были направлены на реабилитацию инвалидов [4, с. 38]. Согласно официальным данным, на начало 2000 года в Республике Алтай проживало 10,5

тыс. инвалидов (или 5,2% от общей численности населения РА), в том числе 782 инвалида Великой Отечественной войны и 822 инвалида с детства. Значительна была в Республике и армия пенсионеров. Их насчитывалось 49,7 тыс. чел. или 24,4% от численности постоянно проживающего населения Республики. Значительная часть пенсионеров получала пенсию в минимальном размере. Число таких в Республике насчитывалось 8,9 тыс. чел. (или 17,9% от числа пенсионеров по старости). Это была самая значительная численность по сравнению с другими соседними регионами (где этот процент составлял от 11-13%). В противовес этому, в Республике был мал процент пенсионеров, которые получали пенсию в максимальном размере — всего 16,9%. Это был самый низкий показатель в сравнении с другими регионами, в которых он колебался от 27,7 до 50,6%) [5, с. 48].

В связи с недостаточным финансированием, с 1994 г. в Республике не выплачивались компенсации взамен санаторно-курортного лечения, а с 1997 г. — были прекращены выплаты компенсаций на бензин и техническое обслуживание автомобилей инвалидам. Наряду с этим, в Республике также выделялись недостаточно средств на приобретение путевок на санаторно-курортное лечение. Но, наряду с указанными негативами, имел место в Республике и положительный момент: на протяжении 1991-2000 гг. все нуждающиеся инвалиды обеспечивались креслами и колясками. Несколько сложнее обстояло дело с обеспечением инвалидов специальным автотранспортом, очередь на который составляла в 1999 году 187 чел.

Инвалиды, семьи, имеющие детей инвалидов, и престарелые, естественно, нуждались в улучшении жилищных условий, что было практически неосуществимо, поскольку муниципальное жилье в 90-е гг. практически не строилось. Достаточно сказать, что на всю территорию Республики Алтай имелся только один дом-интернат для престарелых и инвалидов общего типа, мощность которого составляла 260 койко-мест и выстроен он был в далеком 1975 году. Исходя из этого, его техническое состояние оставляло желать много лучшего: он требовал проведения постоянных капитальных ремонтных работ, так как здание его было расположено на болотистом месте. Ежегодное же финансирование дома престарелых не превышало, как правило, 54,4%. Но и на этом его «беды» не закончились, они с каждым годом еще более углублялись. Дело в том, что в связи с ухудшением социальной обстановки в стране, очередь в дом-интернат с каждым годом возрастала и на начало 1999 года она составляла 53 чел. Из них на очереди более одного года стояло 20 чел. (в основном мужчины), одинокие обездоленные люди, нуждавшиеся в постоянном уходе.

Но, несмотря на все сложности, учреждения социального обслуживания проводили свою работу. В 2000 году они оказали различных видов услуг 23 тыс. чел. Тогда же были открыты центры социального обслуживания в г. Горно-Алтайске и с. Шебалино, отделение дневного пребывания при реабилитационном центре для детей с ограниченными возможностями здоровья.

И все же сеть учреждений социальной поддержки в районах Республики была развита недостаточно. Положение могло изменить создание домов-интернатов на 15-20 мест, а также организация социальной помощи на дому. Такими мерами можно было улучшить положение с обслуживанием одиноких престарелых и инвалидов. Но для этого был необходим комплексный подход к развитию сети учреждений социального обслуживания населения [6, с. 25]. Осознавая это, власти создали в 1992 году республиканский фонд социальной поддержки населения при республиканском комитете социальной защиты населения. Его главной задачей стало оказание помощи, направленной на поддержание жизнедеятельности граждан, остронуждающихся в социальной защите путем предоставления денежных средств на частичное возмещение затрат на финансирование натуральной и материальной помощи, коммунальных услуг, бесплатного проезда на городском транспорте общего пользования, ремонта индивидуального жилья. К категории граждан, которых обслуживал фонд, относились: одинокие граждане, утратившие средства к существованию, пенсионеры, инвалиды и престарелые, несовершеннолетние, оставшиеся без попечения родителей, многодетные и неполные семьи [7, с. 59].

Наряду с указанным, в 1992 году были образованы также республиканский и территориальный фонды социальной поддержки населения [11, с. 172]. Право на получение их помощи предоставлялось особо нуждающимся лицам, имеющим иждивенцев (детей и нетрудоспособных), другим нетрудоспособным гражданам, у которых совокупный среднедушевой доход не превышал установленного на территории РА прожиточного минимума.

Одной из важных проблем социальной политики являлось устранение неблагополучного положения части подростков и несовершеннолетних. В 2000 году в Республике имелось 434 «неблагополучных семей», в которых проживало 960 детей. Нерадостна была официальная статистика относительно правонарушений подростков. Согласно ей, более 300 подростков ежегодно привлекалось к уголовной ответственности. И хотя имелась тенденция к снижению численности привлекаемых к суду подростков, тем не менее, наблюдался рост групповой преступности. Она же, согласно той же статистике, составляла тогда более 50% от общего числа преступлений совершенных несовершеннолетними. Одной из причин роста правонарушений и преступности являлась безнадзорность и бродяжничество несовершеннолетних, свидетельствовавшая об ухудшении их социального положения. Неработающих и не обучающихся несовершеннолетних в 2000 году было 131 чел.

1 октября 1995 года в г. Горно-Алтайске был открыт республиканский центр социальной реабилитации детей и подростков на 20 чел., который позднее стал именоваться «Республиканским центром социальной реабилитации детей и подростков». Данный центр являл собою учреждение государственной системы социальной защиты на-

селения, который осуществлял меры по социальной реабилитации несовершеннолетних с различными формами и степенью деградации и оказавшихся в сложной жизненной ситуации. Оказывал он несовершеннолетним и квалифицированную социально-правовую, медико-психологическую и воспитательно-педагогическую помощь. Одновременно с этим центр являлся временным приютом для несовершеннолетних, которые нуждались в поддержке государства и общества. Созданный Правительством Республики Алтай центр руководствовался в своей деятельности «Конвенцией ООН о правах ребенка» [10, с. 12].

Для реализации своих задач центром были созданы следующие отделы: служба медико-психологической диагностики (изучала нервно-психическое состояние здоровья подростков, особенности личностного развития и поведения подростков, обретших в центре временный приют), служба социальной реабилитации (способствовала восстановлению утраченных контактов с семьей и внутри семьи, искала наиболее приемлемые и комфортные условия для жизнедеятельности ребенка), адаптации детей и подростков, служба социально-правовой защиты (занималась оказанием юридической консультации и правовой защиты детям и подросткам от жестокости и насилия, осуществляла охрану прав на имущество, денежные средства, жилплощадь, пенсионные и сберегательные книжки и др.).

Согласно официальным данным на учете комиссии по делам несовершеннолетних состояло тогда более 570 человек, на учете в органах внутренних дел за различные правонарушения — более 530 чел., было привлечено к административной ответственности 1,5 тыс. чел. Не были редкостью в те годы и случаи алкогольного и наркотического опьянения и венерических заболеваний [11, с. 12].

В процессе перехода в 90-х гг. страны к рыночной экономике, в большой степени от этого пострадали пожилые люди, получавшие пенсии по старости. Особенно в тяжелом социальном положении оказались пенсионеры, для которых пенсия была единственным источником средств существования. Произошло обесценение назначенных размеров пенсии и сокращение дифференциации между максимальной и минимальной пенсиями, так как их размеры практически не зависели от величины прошлых заработков людей.

В конце 90-х гг. в стране был осуществлен переход на новую систему исчисления и выплаты пенсий по старости на принципах, которые были призваны учитывать заработанные доходы пенсионеров и накапливали определенную часть в государственном и негосударственных пенсионных фондах.

Малообеспеченность, неудовлетворительное состояние здоровья и одиночество являлись основными проблемами пожилых людей. Открывшийся в г. Горно-Алтайске Дом ветеранов представлял людям пожилого возраста возможность получать медицинскую реабилитационную помощь, организовывать свой культурный досуг и принимать таким образом активное участие в общественной жизни Республики, страны в целом.

Таким образом, суммируя все вышесказанное, можно утверждать, что с 1991-2000 гг. система социальной защиты прошла путь от свертывания реальной деятельности до принятия комплексных

программ по социальной поддержке населения, от катастрофического снижения расходов, до утверждения дополнительных сроков в бюджете Республики на социальную защиту «Здоровье».

Библиографический список

1. Комитет по делам архивов Республики Алтай (КПДА РА). Ф. 59. Оп. 2. Д.136. Л. 9.
2. Там же. Ф. 689. Оп. 1. Д. 135.
3. Там же. Ф. 689. Оп. 1. Д. 13. Л. 50
4. Там же. Оп. 2. Д. 10. Л. 32.
5. Там же. Ф. 59. Оп. 2. Д. 259.
6. Там же. Д. 260.
7. Там же. Д. 25.
8. Там же. Ф. 689. Оп. 2. Д. 48. Л. 59.
9. Там же. Ф. 689. Оп. 2. Д. 48. Л. 59.
10. Там же. Д. 59. Л. 11.
11. Там же. Д. 59. Л. 12.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 23.05.10.

T. V. Ankudinova

THE PROBLEMS IN SOCIAL DEVELOPMENT OF ALTAI REPUBLIC AND GORNO-ALTAISK IN THE

90TH OF THE XX CENTURY (ON THE EXAMPLE OF THE SOCIAL SAFETY NET)

The main problems (tendencies) in development of social safety net are analyzed in the article on the basis of published materials and archival sources.

Altai Republic, Gorno-Altaysk, social safety net, standard of living

УДК 902

B. B. Воног

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУР

Рост социально-экономических отношений России и КНР привёл к увеличению контактов на государственном и бытовом уровнях обеих стран. Данная ситуация создала необходимость повышения межкультурной грамотности, которая достигается путём изучения культур. Статья посвящена рассмотрению русско-китайских отношений через призму сходств и различий традиций, норм и нравов двух народов. Особое внимание уделяется анализу национального характера русских и китайцев, имеющему историческое обоснование.

межкультурное взаимодействие, сравнительный анализ, национальный характер, традиция, обряд, обычай, кульп предков, нравы, менталитет

В настоящее время, в связи с экономической интеграцией, Китай бурно развивается, упрочивает свои экономические и культурные отношения с Россией. В подтверждение этих слов можно привести наглядные примеры из экономической и политической жизни российских городов. Во многих из них открыты китайские рестораны, банно-оздоровительные комплексы, где предлагается комплекс оздоровительных услуг, включая китайский массаж, иглотерапию, фитотерапию, акупунктуру и акупессуру (надавливание пальцами на определённые участки тела с целью их успокоения или возбуждения).

С ростом социально-экономических отношений между Россией и КНР наметился и рост числа китайцев, посещающих Россию. Например, через пункты пропуска, расположенных на территории Читинской области, в 2000 г. проследовало в Россию 166069, в 2001 г. — 188830 и в 2002 г. — 217807 граждан КНР [1, с. 131]. Согласно подсчетам А. Г. Ларина, численность китайцев, временно или постоянно находящихся на территории России в первые годы XXI в., достигала в среднем 300-400 тыс. человек [2].

С другой стороны, в настоящее время наметился рост русского населения, посещающего и

проживающего на территории Китая. Так, согласно официальным данным председателя Общества российско-китайской дружбы, М. Титаренко, Китай сейчас ежегодно посещают свыше 2 млн. россиян. По этим же данным, сейчас в Кантоне проживают 10 тыс. русских, в Шанхае — более 15 тыс., в Пекине — 15 тыс. Россияне, нашедшие работу в Харбине, покупают там квартиры. Многие из них активно участвуют в бизнесе [2, с. 7].

В рамках российско-китайского партнерства возникает естественная актуальность изучения темы межкультурного взаимодействия между представителями разных народов посредством принятых в них знаковых систем, приёмов и средств использования. Руководствуясь этим, мы рассматриваем межкультурные коммуникации вышеназванных народов через традиции, обряды, обычаи и нормы права.

Традиция применительно к культуре, определяется как культурное наследие, передающееся от поколения к поколению и воспроизводящееся в определенных обществах и социальных группах в течение длительного времени [3, с. 480]. В качестве традиции выступают определенные общественные установления, нормы поведения, ценности, идеи, обычаи, обряды и т.д.

Основная функция традиций — это регуляция межличностных и отчасти межгрупповых отношений, а также передача социального опыта. Традиции культа предков наложила глубокую печать на все стороны духовной жизни китайского народа. Её суть — почитание и обожествление общего предка рода по мужской линии; вера живых людей в продолжение существования умерших родственников, в магическое влияние мертвых на живых, в сохранение постоянной связи ними. Иными словами, культ предков — это вера в самостоятельное существование духа покойника.

В Китае многие крестьяне верят в потустороннюю жизнь их прародителей, поэтому приносят им жертвоприношения — пищу, миниатюрные предметы домашнего обихода. Ныне религиозные суеверия «модернизировались»: в некоторых местах КНР у гроба покойника начали сжигать бумажные изображения телевизора и стиральной машины. В России традиции «культта предков» не существует, а жертвоприношения носят единичный характер, распространенный, в основном, среди представителей различных сект.

Неправомерно культ предков сводить лишь к суеверию: он, помимо суеверного назначения, призван сохранить память живых о мертвых. Культ предков является не только религией для китайского народа, но и единственным нравственным кодексом. В глазах китайца не существовало большей безнравственности, чем неуважение к предкам.

Русские имеют склонность поддаваться различному роду суевериям и предрассудкам. Они мистичны, религиозны, суеверны в душе. Многие верят в различные «бабские рассказни», в приметы, знамения и чудеса, в языческие представления о дурном глазе, в древние народные способы врачевания болезней. Например, считается, что, выйдя из дома, нельзя возвращаться, если что-то забыл, так как это приведет к неудаче; не следует называть место, куда собираешься поехать, чтобы «не сглазили»; перед отъездом все должны присесть и затем, вставая, сказать «Ну, с Богом».

Разновидностью традиции является обряд, который проявляется в межкультурном взаимодействии и характеризует не избирательные, а массовые действия.

Обряды сопровождают важные моменты человеческой жизни, связанные с рождением (крещение, наречение именем), свадьбой (сватовство, выкуп невесты, помолвка), вступлением в новую сферу деятельности (воинская присяга) или переходом в другой возраст (инициация), смертью (погребение, отпевание, поминки). Во время выполнения обрядов люди ощущают единение в сопротивлении отмечаемых событий.

Сравнивая культуру Китая и России на примере обряда погребения, можно увидеть различия: в России покойного человека отправляют в последний путь в черных одеждах, в Китае хоронят в одеждах белого цвета, который считается цветом скорби. Погребение в Китае («чубинь») — это ритуал для ближайших членов семьи и друзей. Могилы чаще всего расположены на холмах и устроены с великолепием, зависящим в основном от финансового положения семьи. Через семь

лет производят вторую часть погребения: могилу открывают, останки переносят в урну, которая устанавливается на могиле. В земле появляется место для следующего мертвеца [4, с. 27].

Межкультурное взаимодействие проявляется и в нравах. Нравы — понятие, регулирующее общий уровень нравственности, ценностные ориентации, образы миропонимания и интерпретации окружающей действительности, нормы и правила человеческих отношений. Нравы — это особо оберегаемые, высоко чтимые обществом массовые образцы действий. От этого слова происходит «нравственность» — этические нормы, духовные принципы, которые определяют важнейшие стороны жизни общества.

Ярким показателем российской и китайской культур являются семейные нравы, причем у обеих культур они имеют много общего. Известно, что к женщине, как в России, так и в Китае относятся как к существу ниже мужчины. С незапамятных времён русская женщина была постоянной невольницей с детства до гроба. Став женой, она не смела никуда выйти из дома без позволения мужа, даже если шла в церковь. Общалась она только с теми, с кем мужу было угодно позволить это, но и тогда её связывали наставления и замечания: что говорить, о чём умолчать, что спросить, чего не слышать.

В современной России женщина имеет больше прав, например, она может участвовать в голосовании или занимать руководящую должность, но мужчины не рассматривают женщину как существо равное себе. Российский мужчина может помочь женщине в покупках, предложить донести тяжёлый груз до дома, но в быту прочно существует идеал российской женщины, пришедший из русской народной сказки о Василисе Премудрой. Известно, что Иван-Царевич обратился за помощью к Василисе Премудрой, чтобы она соткала ковер, построила замок для царя, создала озеро с лебедями. Всё это было выполнено, следует отметить, ночью, когда Иван-Царевич спал. На утро все царские почести доставались Ивану, а мудрость Василисы заключалось в том, что она, помогая мужу, оставалась в «тени».

Говоря о китайской семье, необходимо вспомнить известный лозунг Мао Цзэдуна: «Женщины держат половину неба». То, что они получают за равную работу только половину зарплаты, которая выплачивается мужчинам, — это уже обратная сторона медали.

Согласно исследованиям, китайские женщины работают в среднем на два часа дольше, чем мужчины, их общий доход примерно на 40% меньше. Половина всех водителей автобусов и грузового транспорта являются женщинами, доля женщин в сборе мусора, уборке улиц и дроблении камней отмечается очень высокая [4, с. 150].

Хочется отметить, что современная китаянка имеет больше прав и свобод, чем раньше. Например, женщина имеет право учиться, работать, иметь няню для своих детей, заниматься бизнесом, но, как и российская женщина, несмотря на конституционное равноправие мужчин и женщин, она не стоит на одной ступени с мужчиной.

Наряду с традициями и обычаями неотъемлемой частью культуры, а значит и межкультурного взаимодействия, любого народа является **право**, которое представляет собой систему обязательных правил поведения, санкционированных государством и выраженных в определенных нормах [5, с. 79].

Сравнительный анализ норм права в разных культурах показывает, что они весьма существенно отличаются у разных народов. В основе этих отличий лежит, как правило, различное понимание справедливости. Например, по китайскому закону, муж имеет право в случае смерти жены на повторный брак, что правомерно и для России, но, напротив, повторный брак вдовы осуждался конфуцианскими нормами. Считалось, что повторным браком жена лишает душу покойного мужа спокойствия в загробном мире. В России жена после смерти мужа имеет право на повторный брак, что не противоречит ни гражданским, ни религиозным нормам.

Характеризуя межкультурное взаимодействие через призму морали, норм, традиций и обычаяв культур России и Китая, вспоминаются слова И. А. Ильина в монографии «Русская идея», согласно которым каждый народ по-своему вступает в брак, рожает, болеет и умирает, по-своему ленится, трудится, хозяйствует, отдыхает, по-своему горюют, плачут, сердятся и отчаиваются, по-своему улыбаются, смеются и радуются, по-своему ходят и пляшут, по-своему поёт и творит музыку, по-своему наблюдает, созерцает живопись, по-своему исследует, познает, рассуждает и доказывает, по-своему нищенствует, благотворит и гостеприимствует, по-своему строит дома и храмы, по-своему молится и геройствует.

При межкультурных коммуникациях, возникающем между русскими и китайцами, необходимо учитывать тот факт, что традиции, обычай, обряды народов имеют под собой историческую основу, которая, в свою очередь, повлияла на формирование национального характера народов.

Национальный характер представляет собой совокупность специфических и духовных качеств, норм поведения и деятельности, типичных для представителей той или иной нации [5, с. 181].

К проблеме характера русского народа обращались многие русские мыслители, такие как Н. О. Лосский, Н. А. Бердяев и др. Н. О. Лосский отмечал такие фундаментальные качества русского человека, как свободолюбие, могучая сила воли, доброта, талантливость. Две противоположные тенденции, западная и восточная, существенно повлияли на формирование русского национального характера. Под национальным характером Н. А. Бердяев понимал устойчивые качества, присущие представителям данной нации и возникающие под влиянием природных и исторических факторов, проявляющихся не только в нравах, поведении, образе жизни, культуре, но и в судьбе нации, государства.

Русский человек как исторический психотип видится как двойственное существо. С одной стороны, в нем чувствуется огромный духовный потенциал, светлый полюс, а с другой стороны, су-

щество, часто ничтожное, завистливое, подверженное соблазнам со стороны сил зла.

Среди качеств русского человека наиболее характерными являются трудолюбие, лень, безответственность, доброта, терпение, гостеприимство, смекалка.

Противоречивость, непредсказуемость русского характера хорошо отражены в пословицах и поговорках русского народа, которые превратились в этностереотипы, проверенные и доказанные временем. С одной стороны: «Бог все видит, Бог все знает», с другой — «Богу молись, а своего ума держись»; «На Бога надейся, да сам не плошай». С одной стороны: «Худой мир лучше добрых ссор», с другой — «Не ругать, так и добра не видать». С одной стороны: «От трудов праведных не наживешь палат каменных», с другой стороны — «Не пойман — не вор, а что взято, то и свято». С одной стороны: «Сам погибай, а товарища выручай», с другой стороны — «Своя рубашка ближе к телу» или «Моя хата с краю я ничего не знаю».

Анализ результатов социологического опроса, посвященного исследованию национального самосознания русских, подтверждает, что русское сознание по-прежнему остается противоречивым. Так, в ходе опроса его участникам было предложено выбрать единственную пословицу, наиболее соответствующую их жизненным принципам. В итоге выявились пять пословиц, отражающих самые популярные сегодня среди русских жизненные принципы.

1. Под лежачий камень вода не течет.
2. Терпение и труд — все перетрут.
3. Что не делается — всё к лучшему.
4. На Бога надейся, а сам не плошай.

5. Заработанный ломоть лучше краденого караравая.

Можно сказать, что эти ценности составляют своеобразное «ядро» нового формирующегося российского менталитета и национального характера. Они традиционно противоречивы и во многом не объяснимы никаким здравым смыслом западной культуры [5, с. 202].

В отличие от русского национального характера, необходимо отметить, что китайцы, придерживающиеся конфуцианской точки зрения, находят в себе такие черты, как жесткая дисциплина, высокая степень зависимости индивида от группы, специфическая сплоченность на основе четкого распределения ролей, высокая степень доверия к мнению группы, а также особый характер сочувствия и переживания, проявляющиеся в межличностных отношениях. Кроме конфуцианства на культуру Китая оказывают влияние и некоторые другие факторы, не характерные для западного образа мышления. К ним можно отнести следующие:

- даосизм — философия здорового образа жизни, разумное вегетарианство и великодушие;
- буддизм — достижение гармонии посредством медитации;
- почитание предков — прошлое играет важную роль, так как оказывает сильное влияние на настоящее;

– фэн-шуй — религиозный принцип «вода и ветер», определенный стиль при конструировании и расстановке мебели, зеркал, расположении дверей, окон и прочее;

– лекарственные растения и акупунктура часто используется в медицине;

– гороскоп по названиям животных, наделение человека качествами какого-нибудь животного, соответствующего году его рождения.

В практике межкультурной коммуникации следует учитывать то, что европейцу может показаться примитивным суеверием, для китайцев выглядит как бесспорная реальность.

Для китайской культуры и черт национального характера характерен коллективизм. Его истоки кроются в аграрном прошлом экономики этой страны, при этом он был усилен учением Конфуция. Китайцы принадлежат к четырем основным группам, пленниками каждой из которых они в той или иной мере становятся: рабочей ячейке, семье, школе и общине. Их обязанности перед каждой из них практически лишают китайцев общественной и территориальной мобильности. Ни один рабочий на Западе и в России не подвергается таким ограничениям, поэтому им трудно представить себе, насколько китай-

цы могут быть связаны «по рукам и ногам», при принятии решения, требующего резких перемен или самостоятельных действий. Согласно утверждению Андрея Девятова, автора книги «Китайский прорыв и уроки для России», существует несколько особенностей психологии китайцев, одна из которых — это осознание «лица», чувство собственного достоинства и достоинства других. «Лицо» — то глубоко личное, что идентифицирует душу». Лицо нужно сохранить при любых обстоятельствах, а «потеря лица» — недопустима. «Лицо» держится на добродетелях сердца, которых у китайцев пять: гуманность, справедливость, долженствование, мудрость, верность. Суть добродетели состоит в том, чтобы делать то, что правильно, а не то, что логично [6].

Таким образом, увеличение деловых контактов и сотрудничества между Россией и Китаем привели к тщательному изучению обычая, традиций и моральных устоев обеих стран, что имеет существенное значение повышения межкультурной грамотности, которая, в свою очередь, необходима для максимального понимания двух этносов не только на филологическом уровне, т. е. знания языка, но и уровне культурологии.

Библиографический список

1. Дацьшен В.Г. Проблемы китайской миграции в Сибири на современном этапе развития в России // Междунородные исследования. Общество. Политика. Экономика. — Астана, 2009. С. 128-139.
2. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. — М., 2009. 512 с.
3. Культурология. — М., 1997.
4. Чен Х. Эти поразительные китайцы. М.;2006. 225 с.
5. Кургузов В.Л. Восток — Россия — Запад: теория и практика межкультурной коммуникации: Очерки лекционного курса. — Улан — Удэ, 2003. 351 с.
6. Девятов А. Китайский прорыв и уроки для России. М., 2002. 398 с.

Сибирский федеральный университет
Получено 23.04.10.

V. V. Vonog

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND CHINESE CULTURES

Growth of social and economic relations of Russia and Chinese People's Republic has led to increase in contacts at the state and household levels of both countries. The given situation has created necessity of increase of intercultural literacy which is reached by studying cultures. The article is devoted to consideration of cross — cultural relations of Russian and Chinese through a prism of similarities and distinctions of traditions, norms and customs of two peoples. The special attention is given the analysis of national character Russian and the Chinese, having a historical substantiation.

cross-cultural interaction, comparative analysis, national character, tradition, a ceremony, custom, a cult of ancestors, customs, mentality

УДК 902

M. A. Гилько

ВЛИЯНИЕ ТРАНССИБИРСКОЙ МАГИСТРАЛИ НА РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО КРИЗИСА В КРАСНОЯРСКОМ УЕЗДЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье анализируется состояние сельского хозяйства в Красноярском уезде в период строительства и эксплуатации Транссибирской железной дороги.

Сибирь, железная дорога, сельское хозяйство, модернизация, кризис

Конец XIX века для Сибири и Дальнего Востока ознаменовался активным включением этих

регионов в общероссийский рынок. Важнейшей частью этого процесса было строительство и экс-

плуатация Транссибирской магистрали, которая выполняла целый ряд задач. С ее помощью правительство громко заявляло о своих претензиях на Дальний Восток; капитал Европейской части России усиливал влияние на отдаленные территории страны; российские предприятия получали многочисленные заказы и переживали невиданный экономический подъем.

Транссибирская магистраль способствовала и модернизации восточных территорий России. Под этим процессом понимается широкое проникновение рыночных отношений в аграрное производство и дальнейший переход к индустриальному обществу. Однако это развитие далеко не всегда было стабильным, и, по сути, оно происходило стихийно, попутно с воплощением интересов центральной власти и крупного капитала, как побочный эффект.

Железная дорога как мощный экономический фактор запустила процессы, потребовавшие перестройки отстающих районов. Но последние пронестили ее самостоятельно быстрыми темпами и эффективными методами были не способны. Им были необходимы помощь и руководство со стороны «центра». Проблема заключалась в том, что главной, а зачастую и единственной, целью правительства и капитала было не развитие Зауралья, а извлечение быстрой прибыли. Но то, что было выгодно «центру» далеко не всегда приносило пользу «периферии».

В настоящей работе предполагается рассмотреть, как происходили подобные изменения в губернском городе Красноярске и его уезде. Изучение этой проблемы позволит судить о степени заинтересованности и участии центральной власти в развитии данной территории.

Политика царского правительства по отношению к территориям, по которой прошла Транссибирская магистраль, определялась нуждами центральной части страны. Ресурсы восточных районов были призваны для обеспечения эффективного функционирования железной дороги. Была поставлена задача: заселять прилегающие к ней территории [1, с. 1, 3]. Поскольку плотность населения в Красноярском уезде была значительно выше, чем на остальной территории губернии, то данная задача была выполнена достаточно быстро — за 1893–1894 годы. Затем землеустройенная деятельность активизировалась лишь в 1900–1902 годах, когда участки для переселенцев стали заготавливать на юге уезда. По сути, это был один из немногих районов уезда, где можно было селить новоселов.

Трудность водворения в Красноярский уезд заключалась в дефиците свободных земель. В начале 1890-х годов на одного крестьянина в округе приходилось 12,5 десятины угодий, а в среднем по четырем южным округам — 14,7 [2, с. 30]. Малоземелье округа и относительно высокая плотность его населения были причинами слабой миграции в 1893–1905 годах. За это время в округ водворилось 7,7 тысяч человек, что составляло 6,5% от общегубернского числа переселенцев [3, с. 11].

Столыпинская аграрная политика вызвала новую волну миграции в Енисейскую губернию,

которая была примерно в два раза больше предыдущей. В Красноярский уезд приток переселенцев увеличился примерно в четыре раза и составил не менее 30 тысяч человек [4, л. 1 об., боб., боб., 9об.]. В результате, доля новоселов в округе достигла 9,7% от числа водворившихся в губернию в период 1906–1916 годов.

Статистика показывает, что качество выделяемых участков в этот период значительно ухудшилось. В 1893–1905 годах соотношение между участками, заготовленными в Красноярском уезде в благополучных (степь и лесостепь) и в неблагополучных (подтайга и тайга) почвенно-климатических условиях, было таким же, как и во всей губернии. Во второй период в степи Красноярского уезда не возникло ни одного переселенческого поселка, в лесостепи — лишь 6,4%, все остальные 93,6% — в подтайге и тайге. В губернии в благополучной зоне возникло 24,2% поселков, в неблагополучной — 75,8% [5, с. 547–548, 553–554]. Эти данные позволяют сделать вывод, что в 1906–1916 годах переселенческие поселки Красноярского уезда возникали в местах с гораздо более тяжелыми почвенно-климатическими условиями, чем по губернии в целом.

Такие земли осваивать было крайне тяжело. В 1914 году был собран материал об экономическом положении 13 таежных переселенческих участков Александровской и Вознесенской волостей, из них 9 были образованы в 1911 году. О большинстве из этих участков сказано, что их хозяйство находится в зачаточном состоянии, они поросли лесами, распахано едва по 0,5–1 десятине на хозяйство [6, л. 197].

Понимая это, власти стремились решать проблему обеспечения переселенцев и другим образом — за счет земель местных крестьян. Для этого необходимо было сначала провести землеустройство старожилов. В Красноярском уезде эти работы шли самыми быстрыми темпами — помогала и достаточно хорошая изученность этой территории, — и к началу Первой мировой войны работы по ограничению старожильческих участков от свободных казенных земель были проведены здесь на 94,5% [7, с. 68]. Последующие события вызвали резкое сокращение переселенческого движения и массового урезания старожильческого земельного фонда не произошло. Тем не менее, подселение к старожилам имело место. К 1917 году 2991 переселенческая семья водворилась в селения старожилов [8, л. 10об.]. Это около 18 тысяч человек. Таким образом, за 1893–1916 годы в уезд переселилось не менее 55 тысяч человек.

Практически все переселенцы являлись земледельцами. Количество последних росло под влиянием еще одного фактора. Построенная железная дорога «совершенно убила извозный промысел притрактового населения, а также производство широких изделий и экипажей и другие занятия», например, дворничество [9, с. 30]. Потеряв эти возможности для заработка, крестьяне вынуждены были возвращаться к активному землепашеству. Таким образом, фактор магистрали и напрямую, и опосредованно — через переселение — способствовал росту земледельческого класса в Красноярском уезде, как и во всей Сибири.

Спецификой изучаемого уезда были недостаток пригодных для сельского хозяйства земель. Это выражалось в том, что активно заселялись даже трудные для освоения участки. Если в целом по губернии к 1917 году было заселено 64,3% долей поселкового и единоличного пользования, то в Красноярском уезде — 82% [4, л. 1об., 5об., боб., 9об.]. Учитывая отмеченные ранее менее благоприятные почвенно-климатические условия этого уезда, можно сделать вывод, что местные крестьяне находились в самом тяжелом положении, а переселенцам наладить хозяйство было еще сложнее.

Это вело к падению урожайности на фоне постоянного прироста населения уезда, происходившего во многом за счет городских жителей, которые сами в производстве продуктов сельского хозяйства не участвовали. Некоторое представление об этом дает нижеприведенная таблица.

Таблица 1
Сбор хлебов в Красноярском уезде
в 1895-1913 гг.

Пятилетия, год	Ежегодный средний валовой сбор с 1 каз. дес., пуд.			Года	Численность населения, тыс.				
	Ржи				Ежегодный средний валовой сбор трех хлебов, тыс. пуд.	Городского	Уездного	Всего	
	Озимой	Яровой	Яровой пшеницы						
1895-1899	40	41,6	42,7	1467	1894	20,6	73	93,6	
1900-1904	59,2	49	45,3	1758,4	1902	40,3	81,7	122	
1905-1909	43,5	45,9	47,1	2093,6	1906	43,3	81,9	125,2	
1913	28	44	43	1775,1	1914	86,6	111,8	198,4	

Источники: Памятные книжки Енисейской губернии на 1896, 1903, 1907, 1915 года; Корнаков, Н. П. Енисейская губерния как производительница хлебов и их урожай за время с 1895 по 1909 год / Н. П. Корнаков // Справочник Восточно-Сибирского общества сельского хозяйства, промышленности и торговли в Енисейской губернии. — Красноярск, 1912. — №3. — С. 16; Сельскохозяйственный обзор Енисейской губернии за 1913 год. — Красноярск, 1914. — С. 22.

Примечания: Таблица составлена нами — М. Г. Подсчеты также наши — М. Г.

Выходом из такой ситуации для зажиточных крестьян уезда могла стать эксплуатация неимущих мигрантов и местных бедняков. Тем самым старожилы могли интенсифицировать свое производство и продавать хлеб даже на отдаленных рынках. Но лишь 5,3% хозяйств использовали наемную рабочую силу [10, с. 114-119]. Наладить вывоз зерна по железной дороге не удалось: в 1912 году из Красноярского уезда было вывезено 344,9 тысяч пудов хлебных грузов — в 4,6 раз меньше, чем из Ачинского, в 7 раз меньше, чем из Канского [11, с. 7].

Более того, баланс хлебной торговли Красноярского уезда был отрицательным, как в самом конце XIX века, так и накануне и в начале Первой мировой войны. Объемы прибывших на станцию Красноярск хлебных грузов значительно пре-

вышли вывоз этих продуктов, и эта разница со временем лишь увеличивалась. Следовательно, село уезда не могло обеспечить растущий город зерном. Очевидно, не последнюю роль в низкой производительности и товарности красноярского хлеба играла и слабая распространенность усовершенствованных сельскохозяйственных орудий. Из четырех южных уездов, в Красноярском этот показатель был самый низкий и, наоборот, был самый высокий уровень использования примитивных деревянных орудий труда [12, с. 146-147].

О степени востребованности сельскохозяйственных орудий в Красноярском уезде говорит тот факт, что открывшийся в 1896 году в Красноярске склад Переселенческого управления через несколько лет был закрыт по причине убыточности [13, с. 27]. Он был восстановлен лишь во время массовой миграции во второй половине 1900-х годов. К 1913 году из 41 губернских складов 7 находилось красноярском уезде [14, с. 39].

Плохое качество земель, слабое распространение наемного труда и усовершенствованных орудий труда — все это определяло низкую прибыльность зернового хозяйства Красноярского уезда. Вследствие этого, неизбежно возникал избыток рабочих рук. Частично их поглощала промысловая деятельность, которая стала достаточно быстро развиваться в связи с проведением железной дороги. За 1908-1913 годы в губернии возникло 36,3% от числа промыслов, возникших в 1820-1913 годах, а в столичном уезде этот показатель составил 43,7% [14, с. 47-48]. Данная особенность Красноярского уезда объясняется, видимо, именно избыточностью рабочих рук и насущной потребностью крестьян повсеместно переходить к промысловой деятельности. На основе статистических данных А. Г. Шлихтера можно сделать вывод, что в изучаемом уезде по сравнению с другими частями губернии кустарное производство было размещено более равномерно, а специализированных промысловых селений не было. Промыслы здесь появлялись не как более доходная отрасль приложения труда, а как единственная возможная альтернатива, вернее, дополнение к неприбыльному земледелию.

Но отмеченный рост кустарного производства в 1908-1913 годах, похоже, не мог быть долгим. Во-первых, в пользу этого говорит отсутствие специализации. Во-вторых, по имеющимся сведениям, красноярские промысловики в 1913 году планировали развивать свое производство в значительно меньшей степени, чем жители других южных округов [15, с. 17].

Таким образом, сельское хозяйство и кустарное производство не могли поглотить всей массы свободной рабочей силы. Главными центрами ее притяжения были город Красноярск и железная дорога. Можно предположить, что значительная иммиграция в Красноярский уезд во многом и объясняется стремлением крестьян устроиться поближе к этим центрам. Здесь концентрировался капитал, и уровень оплаты труда был самым высоким. Важнейшим фактором роста заработной платы было строительство Транссибирской магистрали. Городским властям в 1895 году при-

шлось даже увеличить размер окладов пожарным и полицейским, чтобы те не уходили на земельные работы по строительству железнодорожных путей [16, л. 288-288об.]. Блюстители порядка получали в месяц 12-14 руб., а на прокладке пути даже поденные рабочие зарабатывали 160-180 руб. за строительный сезон, временные рабочие — 241 руб., постоянные — 413 руб. [17, с. 54].

Сначала такие высокие жалования, а затем удорожание жизни в городе оказывали воздействие и на сельское хозяйство. В начале 1890-х годов среднегодовая оплата труда рабочего «на харчах хозяина» в Красноярском округе была чуть ниже, чем по губернии в среднем — 54,4 руб. и 55 руб. соответственно [18, с. 259]. В 1913 году труд этой категории работников по губернии даже подешевел — до 54 руб., а в Красноярском уезде вырос до 58,2 руб. [19, с. 47]. Высокий уровень оплаты труда был важным фактором слабого привлечения наемных рабочих в деревне Красноярского уезда.

Кроме работы на железной дороге крестьяне занимались мелочной торговлей, промыслами, поденной работой. Небольшая часть городских жителей работала на фабриках и заводах. По имеющимся данным, в 1910-1914 годах численность рабочих на городских предприятиях была менее 4-х тысяч, подавляющее большинство которых являлись рабочими железнодорожных мастерских [8, л. 53об.]. Численность кадров на заводах и фабриках стало еще меньше, когда с началом Первой мировой войны было закрыто производство алкогольных напитков, которое и было самым прибыльным в городе [8, л. 67об.].

Таким образом, в Красноярске не было сферы реального производства, которая бы обеспечивала население рабочими местами и создавала общественно полезный продукт. Торговлю и сферу услуг (извоз, мелкие промыслы), при всей их необходимости, нельзя считать реальным производством. Они являлись посредническими операциями между производителями товаров, которыми были, как правило, губернии европейской России, и местными потребителями.

Неразвитость местной промышленности вкупе с упадком сельского хозяйства и быстрым ростом населения представляли опасность для стабильности региона, который попадал во всё большую зависимость не только от ввозимых товаров, но и от привозного сырья.

Опасность кризиса не могли не заметить власти. Об упадке сельского хозяйства губерни и, в первую очередь, Красноярского уезда, было официально заявлено губернским комитетом о нуждах сельскохозяйственной промышленности еще в 1903 году, то есть еще даже до массового переселения [20].

В 1908 году А. А. Кауфман писал о Средней Сибири как о регионе, которому нужна не интенсификация труда, а создание условий для вывоза производимого продукта. Этими условиями были отмена внутренних пошлин — Челябинского тарифа и использование Северного морского пути, для чего необходима была отмена внешнеторговых пошлин [21, с. 116]. Челябинский «пере-

лом» был отменен в 1913 году, однако, кардинально это ситуацию не изменило. П. М. Головачев в 1914 году писал, что тарифные ставки понижать дальше уже нельзя, а хлеб Средней Сибири, по-прежнему, дороже западносибирского. Выход из ситуации, в противовес Кауфману, он видел именно в удешевлении производства [22, с. 127]. Однако, шаги для модернизации сельского хозяйства не предпринимались.

Также обстояли дела и в промышленности. Единственной попыткой увеличить местное производство было решение городской думы в 1915 году поместить объявление в центральной прессе с предложением об эвакуации западнороссийских предприятий подальше от фронта в Енисейскую губернию [23, л. 30, 30об.].

Несомненно, ситуация была значительно сложнее, и какой-то одной мерой ее решить было невозможно, требовался комплексный подход. Необходимо было вмешательство центральной власти, но его не последовало, поскольку положение дел в Красноярском уезде и Енисейской губернии правительство вполне устраивало: эти территории принимали переселенцев и создавали рынок для торговцев хлебом Западной Сибири, которые были потенциальными конкурентами помещикам Центральной России. Последним было выгоднее, чтобы сибирский хлеб оставался внутри региона и не претендовал на европейские рынки. Какими издержками это оборачивалось для местных рынков, правительство не интересовало. Описанная ситуация являлась следствием полного пренебрежения местными интересами в угоду государственным.

Транссибирская магистраль так и осталась в изучаемом регионе единственным модернизационным проектом, влияние которого далеко неоднозначно. Ее строительство и эксплуатация вызвали значительные социально-экономические изменения в Красноярском уезде. Прежде всего, увеличился поток переселенцев. Почвенно-климатические условия этого уезда были относительно неблагополучны, поэтому завести хозяйство мигрантам было непросто. Треть от их числа в уезде водворилась на старожильческие земли, что вызвало сокращение возможностей для экстенсивного земледелия. Интенсификации производства зерна также не произошло: усовершенствованные сельскохозяйственные орудия покупали меньше, чем в других уездах, наемный труд использовался мало.

Ни земледелие, ни промыслы не могли поглотить избыточную рабочую силу. Важным фактором этого было удорожание наемного труда под влиянием железной дороги. На ее строительство в Красноярск устремлялись тысячи крестьян. Но возведение путей и мостов было окончено еще в 1899 году. То слаборазвитое производство, которое существовало в городе, не нуждалось в таком большом количестве рабочих. Тем не менее, городское население продолжало увеличиваться, и необходимо было все больше продовольствия для его обеспечения.

Товары и продукты, начавшие поступать по железной дороге, были более конкурентоспособными, чем местная продукция. Это было харак-

терно для всей Сибири, но Красноярский уезд, в силу развития кризиса в сельском хозяйстве и высокого уровня потребления в губернском городе, попал в большую зависимость даже от привозного хлеба. А это приводило к тому, что местного зерна производилось все меньше. Это являлось угрозой продовольственной безопасности региона. Более развитые губернии пользовались предоставленной, благодаря возведению магистрали, возмож-

ностью сбывать свою продукцию в Красноярске. Тем самым возводилось еще одно препятствие для развития Красноярского уезда. О необходимости что-то менять в сельском хозяйстве и промышленности, развивать эти отрасли, говорили на местном уровне. Но предопределяли эту ситуацию действия центральных властей, точнее, их бездействие. Проблемы в регионе накапливались и не находили своего разрешения.

Библиографический список

1. Временные правила для образования переселенческих и запасных участков в районе Сибирской железной дороги. — Б. м., 1892.
2. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Енисейская губерния. Т. 4. Вып. 3. — Иркутск, 1893.
3. Доклад начальника II отделения Енисейской казенной палаты по переселенческому делу. — Красноярск, 1904. Этот источник дает сведения лишь о переселенцах, водворившихся до 1904 года в новых поселках. Более точных поуездных данных не имеется.
4. ГАКК. Ф. 262. Оп. 1. Д. 271. В этом документе указано число душ мужского пола, водворившихся на новых участках. Это число мы умножаем на два, поскольку женщин среди переселенцев было примерно столько же, сколько мужчин.
5. Степынин, В. А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма / В. А. Степынин. — Красноярск, 1962.
6. ГАКК. Ф. 262. Оп. 1. Д. 262.
7. Полгода Советской власти в Енисейской губернии. — Красноярск, 1920.
8. ГАКК. Ф. 262. Оп. 1. Д. 30.
9. Соболев, М. Пути сообщения в Сибири / М. Соболев // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. — СПб., 1908.
10. Список населенных пунктов. — Красноярск, 1921.
11. Маракулин, В. Условия сбыта сельскохозяйственных продуктов в Енисейской губернии / В. Маракулин. — Красноярск, 1916.
12. Степынин, В. А. Влияние переселений на развитие агротехники в деревне Енисейской губернии в эпоху капитализма / В. А. Степынин // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1961.
13. Кривошеин, А. В. Сельскохозяйственные склады Переселенческого управления Министерства внутренних дел / А. В. Кривошеин. — СПб., 1901.
14. Енисейская губерния. — Полтава, 1913.
15. Шлихтер, А. Г. Кустарные промыслы в Енисейской губернии / А. Г. Шлихтер. — Красноярск, 1915.
16. ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 2376.
17. Сухозимов, Ю. К. Как жилось железнодорожникам / Ю. К. Сухозимов // Стальное звено Транссиба. 100 лет Красноярской железной дороге. 1899-1999. — Красноярск, 1998.
18. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Енисейская губерния. Т. 4. Вып. 4. — Иркутск, 1893.
19. Сельскохозяйственный обзор Енисейской губернии за 1914 год. — Красноярск, 1915.
20. О нуждах сельскохозяйственной промышленности Енисейской губернии. — Красноярск, 1903.
21. Кауфман, А. А. Земельный вопрос и переселение / А. А. Кауфман // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. — СПб., 1908.
22. Головачев, П. М. Экономическая география Сибири / П. М. Головачев. — М., 1914.
23. ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 2412.

Сибирский федеральный университет
Получено 25.05.10.

M. A. Gilko

TRANSSIBERIAN MAIL LINE'S INFLUENCE ON PROGRESS OF AGRICULTURAL CRISIS IN KRASNOEARSKIY UYEZD IN THE LATE XIX — EARLY XX CENTURIES

In article analyzed condition of agriculture in Krasnoyarskiy uyezd in period of building and exploitation Transsiberian railway.

Siberia, railway, agriculture, modernization, crisis

УДК 902

O. A. Goncharova

ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ В 60-Е ГОДЫ XX ВЕКА

В статье на основе опубликованных и архивных материалов прослеживаются условия и особенности сохранения здоровья через систему социальной защиты и поддержки населения Горного Алтая.

Горный Алтай, социальная история, социальное развитие, здравоохранение, охрана здоровья, санаторно-курортное лечение

Охрана здоровья не ограничивалась только работой органов здравоохранения. Поддержка здо-

ровья осуществлялась и через систему санаторно-курортного лечения, профилактории. Получить по-

добную помощь (хотя и разного качества) в 60-е годы могли почти все нуждающиеся и желающие, зачастую бесплатно. Достаточно было обратиться в профсоюзный комитет или получить направление от лечащего врача. На многих предприятиях оплачивалась и дорога до места оздоровления. Такая политика была значимой для населения Горного Алтая, прежде всего потому, что и в 60-е годы врачебная помощь оказывалась не во всех районах и не в полном объеме. Диагностического оборудования и соответствующих специалистов не было даже в областном центре. Актуализировали обращение население за врачебной и профилактической помощью в другие регионы недостаток квалифицированных медиков (в 1961 году в области работало 112 врачей, в 1965 — 188) и текучесть кадров. В 1958-1959 годах из области уходило 37 врачей [1, л. 10]. В последующие годы в 1961 — 37, в 1962 — 29, 1963 — 27, в 1964 — 93. Наибольшая текучесть кадров была в сельской местности и в отдаленных районах. Там практически ежегодно шло обновление медицинского персонала. Медики не задерживались в Кош-Агачском, Онгудайском и Шебалинском районах.[2, л. 1]. Частично проблемы, связанные с недостатком кадров и с оказанием специализированной помощи, решались с помощью выездов специалистов из области и края на места; и через отправку остро нуждающихся в краевые лечебные учреждения

Осложняло ситуацию в регионе, причем не в малой степени, изменение структуры заболеваемости населения, а также ухудшение демографических показателей. На первые позиции причин снижения рождаемости, повышения смертности, заболеваемости выходили как социальные проблемы, так и социальные болезни. Последние, в частности, трахома были искорены. Этому в значительной степени способствовала функционировавшая в области в конце 50-х — начале 60-х гг. противотрахоматозная служба. Благодаря ей, медики постепенно добились почти всеобщей диспансеризации. Начиная с 1951 г., через трахоматозные диспансеры и пункты было осуществлено всеобщее обследование населения. Все больные получали тогда квалифицированную стационарную помощь. Глазные операции с 1956 г. делались силами медиков Горного Алтая. Только за 1956-1960 гг. в глазном отделении областной больницы пролечилось 318 больных, из них 217 прошли через операции. Кроме этого, в области были созданы оздоровительные лагеря для больных трахомой детей. За 4 года через них прошло 607 детей.

Однако неблагоприятные условия жизни, труда, недостаток медпомощи продолжали влиять на характер заболеваемости в регионе.

Уровень заболеваемости как в Сибири так и в Горном Алтае не имел четко выраженной тенденции к снижению. К концу 50-х г., как отмечают исследовали, структура заболеваемости изменилась. Практически полностью были ликвидированы тифы, малярия. На 1-е место вышли сердечно-сосудистые заболевания, болезни почек, мочевыводящих путей, нервной системы, злокачественные новообразования [3, с. 160].

В 1987 г., выступая на Всесоюзном съезде врачей министр здравоохранения Е.И. Чазов признал, что «в конце 50-х — начале 60-х годов все яснее стали обозначаться изменения в структуре заболеваемости населения страны. Среди причин утраты трудоспособности и смерти ведущее место заняли различные формы неинфекционной патологии — сердечно-сосудистые, онкологические заболевания, заболевания легких, диабет и т.д.» [4]. Но на статистику о здоровье были навешаны замки секретности и, как было отмечено выше, система не сделала поворота к новым формам и методам организации охраны здоровья [5, с. 247-268].

В Горно-Алтайской области структура заболеваемости (1964 г.) выглядела следующим образом: травмы (27%); нервные болезни (21%); женские и простудные заболевания (15%); желудочно-кишечные болезни (12%) [6, л. 148].

По данным, озвученным в докладе на VI сессии областного совета депутатов трудящихся (1965 г.) высокий процент заболеваемости простудными болезнями давали промышленные предприятия (12-28%), совхозы (13-16%). Самые высокие показатели были в Байгольском леспромхозе (28,1%), на руднике «Веселый» (27,7%) и на Ткацкой фабрике (19,4%). Основная причина этому неблагоприятные условия труда. Этим же обуславливается и высокий травматизм. Кроме того, значительный процент травм отмечался в быту (2-10%). А это было связано, прежде всего, с общими условиями жизни населения [7].

Рост инфекционной заболеваемости вызывал озабоченность медиков и облздрава от дела с конца 50-х гг. В Горно-Алтайской автономной области высокий процент заболевших был по острым кишечным инфекциям и, прежде всего, по дизентерии. Из года в год количество заболевших оставалось примерно на одном и том же уровне. Это обуславливается, прежде всего, социальными причинами, порождавшими вспышки заболеваний и эпидемий в отдельных районах. По мнению облздрава от дела, «высокая заболеваемость кишечными инфекциями имела прямую зависимость, во-первых, от низкого санитарно-гигиенического состояния населенных пунктов; во-вторых, от их плохого благоустройства; в-третьих, от невнимания руководителей различных уровней к улучшению условий труда [6, л. 159]. Частые вспышки дизентерии на протяжении второй половины 50-х — начала 60-х годов фиксировались в Онгудайском, Кош-Агачском, Шебалинском, Улаганском районах и в городе Горно-Алтайске [6, л. 161].

Помимо этого, в начале 60-х гг. продолжали фиксироваться и случаи других инфекций, таких как тиф, бруцеллез, дифтерия [6, л. 154-155]. Специализированная помощь инфекционным больным оказывалась через развертывание специального коечного фонда в районах и инфекционным отделением областной больницы. В 1960 г. отделение помещалось в небоксированном деревянном здании. В отделении работало 2 врача. За 1960-1963 гг. через отделение прошло 3481 больной, из них 78,2% заболевших кишечными инфекциями, прежде всего, дизентерией. За 3 года от этих болезней в отделении умерло 14 человек [8, л. 13].

По сути, условия, в которых оказывалась помощь инфекционным больным, не соответствовали остроте проблемы. Стабильно высокий показатель заболеваемости требовал более радикальных, плацебо-мерных, а не разовых мероприятий. Обострение ситуации произойдет в конце 60-х гг. и это будет прямым следствием неразрешенных проблем.

Социальная неустроенность способствовала и распространению чесотки. Только в 1963 г. в областном венерологическом диспансере было пролечено 2475 таких больных. Самое высокое количество заболевших фиксировалось в национальных районах Усть-Коксинском, Усть-Канском, Майминском и Шебалинском [6, л. 142].

Известное влияние на структуру заболеваемости продолжали оказывать ядерные испытания на Семипалатинском полигоне. До конца 80-х гг. реальные исследования влияния взрывов в регионе не изучались. Лишь современные исследования позволяют говорить о негативном воздействии ядерных испытаний на жизнь и здоровье населения региона. В течении 1953-1962 годов загрязнены были территории почти всех районов области Чойского, Онгудайского, Улаганского, Усть-Канского, Усть-Коксинского, Турочакского, Майминского районов [9, с. 50-57].

В период ядерных испытаний радиационный фон в различных местах области повышался до 35-10000 мкР/ч, длительность повышения фона составляла 24-624 часа [10, с. 158-159]. Как следствие ядерного воздействия в области постепенно нарастала заболеваемость по отдельным болезням. По современным оценкам выявлена довольно высокая зависимость патологии у взрослых и детей от дозы облучения по отдельным классам болезней (психических, нервных, мочеполовой системы). Влияние радиации проявлялось в основном у лиц, непосредственно подвергавшихся радиационному воздействию, а также у их ближайших потомков [9, с. 117].

С начала 60-х гг. четко начала проявляться тенденция роста онкологических заболеваний. Однако пиковый подъем онкопатологии, как показало время, придется на 70-е годы, пока же в 60-е гг. в области было положено начало диагностированию этих заболеваний. В областной, городской и районных больницах создавались онкологические службы и отделения. По данным обследования районных больниц, в 1961 г. известно, что онкологические службы в районах были развиты слабо, не было специальной диагностики и патологоанатомической экспертизы, отсутствовала диспансеризация онкобольных [11, л. 88]. В решении Медицинского Совета при Горно-Алтайском облздравотделе (20.05.64) отмечалось, что ни в одном из районов области не велась ранняя диагностика онкозаболеваний, боль-

ные получали лечение и помочь только в онкодиспансере [6, л. 131].

Считалось, что заболеваемость туберкулезом предопределялась условиями и уровнем жизни. Однако, несмотря на «социалистический образ жизни» туберкулез продолжал занимать верхние строчки в медотчетах. Основное лечение больных сосредоточивалось в тубдиспансерах, но в 1964 году из-за отсутствия достаточного количества специализированных коек стационарно было пролечено лишь 17% нуждающихся, остальные получали амбулаторное лечение. Ситуация усугублялась поздней диагностикой туберкулеза [6, л. 92]. Это происходило на фоне общего роста количества туберкулезных больных.

Все названные условия повышали значимость профилактической, санитарно-просветительной и санаторно-курортной деятельности. В укреплении здоровья населения особое значение имело региональное санитарно-курортное лечение. Однако, благоприятные природные условия для лечения и отдыха, которыми располагали районы Горного Алтая, использовались очень слабо. Реально функционировал лишь санаторий «Чемал». В 60-е г. там имелось 4 спальных корпуса на 250 коек. Здания были нетиповые, приспособленные для жизни отдыхающих, но ухоженные.

В санатории постоянно не хватало врачей и медработников. Укомплектованность штатов в среднем составляло до 60%. Тем не менее, во возможности работники санатория «Чемал» проводили собственными силами занятия по повышению квалификации, делали обзоры полученных медицинских журналов. Для лечения туберкулезных больных применялись новейшие, по тем временам, антибиотики, витаминогармональная терапия, наложение искусственного пневмоторакса, переливание крови и т.п. Больные направлялись на лечение в санаторий «Чемал» направлялись из ближайших регионов. Так, в 1961 г. согласно приказа Минздрава РСФСР на курорте «Чемал» Омский тубдиспансер получил 40 мест, Новосибирский — 60, Кемеровский — 50, Алтайский краевой — 89, Новокузнецкий — 17 [12, л. 6-11]. Санаторий имел свое подсобное хозяйство, огород и небольшую овцеферму. Это хозяйство способствовало снабжению санатория, расширению ассортимента питания.

Суммируя все вышеизложенное, можно с полным правом констатировать, что в 60-е гг. в Горном Алтае функционировала, причем вполне успешно, развитая система здравоохранения трудящихся. В успешном решении ею своих задач немалую роль играли профессиональные союзы. Именно через их систему жители области имели возможность приобрести путевки на санитарно-курортное лечение не только внутри своего региона, но и в различных здравницах нашей страны.

Библиографический список

1. ГАРА, ф. 1, Оп. 2а, Д. 663, Л. 10.
2. ГАРА, ф. 44, Оп. 11, Д. 83, Л. 1.
3. Букин С. С. Социальное развитие Сибири в 60-80-х гг. XX в. — Новосибирск, 1989.
4. Медицинская газета, 1988, 10 октября. № 84.
5. Кричагин В. И. Народное здравие: время решений // В человеческом измерении. — Москва. Прогресс, 1989. С. 247-268.
6. ГАРА, ф. 44, Оп. 6, Д. 17.
7. В доклад на VI сессию областного Совета депутатов трудящихся справке // Текущий архив облздравотдела. 1965 г.

8. ГАРА, Ф. 44, Оп. 11, Д. 56, Л. 3.
9. Мешков Н. А., Жиляев Е. Г. и др. Экологические и медико-биологические последствия воздействия ядерных испытаний на территорию и населения Республики Алтай. — Москва, 1999.
10. Куропятник Н. И., Мешков Н. А. и др. Влияние ядерных испытаний на медико-экологическую ситуацию в Республике Алтай. — Томск, 1996.
11. ГАРА, Ф. 44, Оп. 1, Д. 17.
12. ГАРА, Ф. 1, Оп. 4, Д. 86.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 23.05.10.

O. A. Goncharova

HEALTH PROTECTION IN THE SYSTEM OF SOCIAL SUPPORT OF GORNY ALTAI POPULATION IN THE 60TH OF THE XX CENTURY

The conditions and peculiarities of health preservation through the system of social protection and support of Gorny Altai population are traced in the article, on the basis of published materials and archival sources.

**Gorny Altai, social history, social development, public health,
guarding of health, sanatorium and resorien treatment**

УДК 902

B. Г. Дацышен, Н. С. Модоров

ПОСОЛЬСКАЯ МИССИЯ Ф. И. БАЙКОВА В КИТАЙ И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (1654-1658 ГГ.)

В статье, на основе опубликованных (отечественных и зарубежных) источников, а также архивных материалов освещена история посольской миссии Ф. И. Байкова в Китай и ее результаты (1654-1658 гг.).

**Центральная Азия, Русское государство, Китай, дипломатические связи, посольская миссия
Ф. И. Байкова, ее конечные результаты**

Окончательный разгром в конце XVI века Русским государством Сибирского ханства и последующее его продвижение (в начале XVII в.) «встречь солнцу», т.е. на восток, способствовало присоединению к нему (мирным и немирным путем) новых земель, их освоение, а также приведению обитавших на них народов «под высокую руку белого царя». Этот невиданный доселе процесс существенно преобразил «Московию»: на рубеже XVI-XVII вв. она становится не только европейским, но и азиатским государством. Что же способствовало столь быстрому ее продвижению от Урала до Тихого океана, ибо эти походы совсем не были «увеселительными прогулками». Достаточно сказать, что от голода, холода, болезней и стычек с аборигенами русские землепроходцы понесли немалые потери. В частности, из 500 казаков «Ермаковской вольницы» на Русь не вернулось 400 с лишним человек, из 133 участников «Поярковской экспедиции» достигли Амура только 50 человек. Еще большие потери понесли землепроходцы С. Дежнева и В. Атласова: первый потерял 88 человек из 100, второй — 45 из 60 [1, с. 67].

Каким же образом удалось русским казакам и землепроходцам решить, без всякого преувеличения, поистине глобальную задачу: за 60-70 лет покорить столь огромную территорию? Не вдаваясь в подробности данной проблемы, отметим лишь некоторые моменты. В частности, этому содействовали: слабая плотность населения осваиваемых земель, низкий уровень социально-экономического развития сибирских аборигенов, межродовая и межплеменная вражда, бытовавшая у них, не позволяла им организовать достойным отпор при-

шельцам. Наконец, быстрое продвижение последних на восток объясняется и их погоней за «мягким золотом» (т.е. за соболем), за которым они готовы были идти, не взирая на трудности и лишения, даже «на край света» [1, с. 67].

Не говоря больше о том, что помогло Русскому государству столь быстро дойти до Тихого океана, подчеркнем лишь одно: в ходе этого его продвижения (на восток и на юг Сибири) произошло соприкосновение «Московии» с «центрально-азиатским миром». Это обстоятельство потребовало от русского правительства безотлагательного решения целого ряда внешнеполитических задач. Первостепенное значение в этой ситуации обретала необходимость быстрейшего налаживания «бесконфликтных» отношений с государством Алтынханов, Джунгарским ханством и Китаем. Такого решения возникших проблем требовала от Москвы и ее внешнеполитическое положение. Последнее уже не одно десятилетие беспокоило Русское государство. Главной «головной болью» его правительства, конечно же, являлись военные противостояния: сначала с Польшей и Швецией, а затем — с Турцией. В условиях почти непрекращающихся на западе войн, Москве необходимо было выработать такую внешнеполитическую линию, которая бы позволила ей «чинить» на востоке и юге Сибири «приращение себе новых земель и народов» и в то же время не вступить ей в военный конфликт ни с монгольскими, ни с «иными центрально-азиатскими феодалами».

Наибольшую заботу у русского правительства в этом плане вызывала позиция джунгарских правителей и маньчжурской династии Цин. Первые,

сломив сопротивление Алтын-ханов, превратили Джунгарию в сильное государство кочевников-скотоводов, которое вобрало в свой состав земли, раскинувшиеся между Алтаем, Тянь-Шанем и пустыней Гоби. Наряду с ними, в состав Джунгарии вошли восточноказахстанские земли, Кашгария и западная часть Южной Монголии [2, с. 46]. Не менее активно действовали в этом плане и маньчжуры. Захватив в 30-х гг. XVII в. Южную (Внутреннюю) Монголию, они вплотную столкнулись с северо-монгольскими ханами и стали оказывать на них «сильнейшее давление» [2, с. 46]. В силу этого, рубеж XVI-XVII вв. стал для Северной Монголии не только временем особых «внутренних забот», но и «внешних беспокойств». Именно в этот период она лишилась, в результате агрессивных устремлений маньчжурских завоевателей, своего «живого щита» от них — Чахарского ханства, прикрывавшего от них ее рубежи с юга.

Но, прежде, чем начать разговор об этом, скажем пару слов о внешней политике маньчжурских завоевателей, позаимствованной ими у китайских императоров, характеризуемой сегодня исследователями как «китаецентризм», которая появилась у них еще в глубокой древности и находилась в тесной связи с древним религиозным учением, превратившимся в политическую доктрину о «Сыне Неба» и его роли в общественной жизни [3]. Суть же ее с давних пор была направлена на захват и подчинение — различными методами — соседних народов «Сыну Неба» — Богу на земле, поставленному Небом для управления всей Вселенной. Именно так и никак иначе представляли себе древние китайцы фигуру своего императора. И такое представление о нем внедрялось в сознание народа китайскими философами древности, политиками и учеными. И эта политика поддерживалась ими на протяжении всего средневековья. Иначе говоря, китаецентристская доктрина рассматривала Китай как центр всей Вселенной или Поднебесной (так называли в древности ученые и политики свою страну), а все остальные народы, согласно вышеупомянутой доктрине, являли собой периферию этого центра и неотъемлемую часть единого комплекса, именуемого Поднебесной. В силу этого, все некитайские народы должны были подчиняться этому центру, принимать и следовать установленным им порядкам, а его мироустройство считать обязательным для всех народов. И это, при том, что последние имели свои национальные особенности, обычаи, традиции, религиозные, социальные и этнические отличия от китайской нации. Однако все это китаецентризм отвергал и обязывал все народы безоговорочно принять китайскую цивилизацию со всеми ее морально-этическими и общественными институтами как нечто идеальное и совершенное. Наконец, Китай, согласно вышеназванной доктрине, являл собой наилучший образец мироустройства и цивилизации, а его император, объявленный ею «Сыном Неба» представлял собою земного бога, самого мудрого, щедрого и великодушного, самого могущественного правителя всех народов на земле, их заботливым отцом. А посему,

гласила она, все народы — близкие и дальние — обязаны были быть послушными детьми китайского императора, почитать его, подчиняться ему и чтить его [4, с. 32].

Данная концепция о «Сыне Небе», легшая в основу китайской внешней политики, привела с естественной закономерностью к осознанию ею, что все некитайские народы являются вассалами Китая. И коль они не пожелают стать таковыми добровольно, то их надо силой заставить сделать это. Такими путями и зародилась политика агрессии по отношению к некитайским народам. Эту политику всецело восприняли и цинские императоры, которая устраивала их во всех отношениях. Из нее и «выросли» у них в дальнейшем вассалы — «данники», где бы они ни находились. В действительности же, это было далеко не так. Многие народы, которых китайские источники зачислили в разряд вассалов, таковыми не были. Это были независимые от Цинской империи народы, жившие и руководствовавшиеся своими законами, обычаями и традициями, и не желавшими становиться чьими-либо вассалами. На этой почве то и дело зарождались войны, инициаторами которых почти всегда становилась Цинская империя. С такого рода внешней политикой маньчжурского государства столкнулись на рубеже XVI-XVII вв. многие народы.

Не стали исключением в этом плане и представители Русского государства. Внешнеполитические же устремления его правительства на сибирских и дальневосточных рубежах в указанное выше время во многом зависели от общей внешнеполитической обстановки, складывавшейся в «собственно Центральной Азии» и на Дальнем Востоке, являвшейся непосредственным результатом взаимоотношений «тамошних владельцев» между собой, а также с «Московией» и Китаем. Последние, как справедливо отмечали в свое время отечественные и зарубежные исследователи, являлись в то время «самыми сильными государствами в данном регионе». Однако стабильных дипломатических контактов между ними в то время не было, хотя попытки установить такие российской стороной предпринимались (еще до установления в Китае господства цинской династии — Авт.).

Не был пассивным наблюдателем в деле установления дипломатических связей с Русским государством и Китай. Свидетельство тому — переводы двух китайских грамот времен Минской династии, адресованных русскому царю — Михаилу Федоровичу, которые были обнаружены отечественными исследователями в российских архивах. Первая из них, по свидетельству русского синолога Н. Н. Бантыш-Каменского, относится к 1619 году и связана с именем минского правителя Чжу И-цзюня (1573-1620) [4, с. 5-7]. И здесь следует дать одно пояснение относительно имен китайских императоров. Они же, согласно китайской традиции, имели три имени: первое — личное; второе — по девизу правления и третье — храмовое (посмертное). В нашем случае — «Чжу И-цзюнь» — это личное имя; по девизу же правления — он звался «Вань-ли». После его же смерти

он стал именоваться «Шэнъзун». В данной работе мы будем использовать только личное имя правителя.

Вторая же грамота, по свидетельству советских востоковедов Н. Ф. Демидовой и В. С. Мясникова, относилась, скорее всего, к периоду правления последнего минского императора Чжу И-цзяня (1628–1644 гг.), которую они датировали второй половиной 1641 — апрелем-маем 1642 г. Она, по их мнению, была доставлена «на Москву» тарским конным казаком Е. Вершининым, ездившим в 1641–1642 гг. в среднеазиатские и китайские города с торговым «караваном торгутского тайши Дайчина» [7, с. 167].

Говоря о вышеупомянутых переводах китайских грамот, следует упомянуть о замечании (существенном и справедливом) отечественных историков по их поводу. Дело в том, что подлинники указанных грамот исследователями не были обнаружены. В их распоряжении, как уже упоминалось выше, находились лишь только переводы этих грамот, которые были впервые обнародованы российским синологом Н. Н. Бантыш-Каменским. Они же, по авторитетному заявлению советского востоковеда Л. И. Думана, вызвали справедливые нарекания как по тону и титулатуре, так и по общему стилю составления указанных выше грамот. Китайские документы, которые направлялись правителям иностранных государств, заявил он, подобным образом, никогда не оформлялись [7, с. 266].

И завершая разговор о «главных источниках», свидетельствующих о зарождении в начале XVII века русско-китайских отношений, можно подчеркнуть (опираясь на мнение наших предшественников, относительно содержания упоминавшихся выше китайских грамот), что минские правители (исходя, опять-таки, из переводов вышеназванных китайских грамот) «приветствовали» не только торговлю русских в Китае, но также и приезд в их страну русских послов, в также обмен подарками между государями двух стран. И последний штрих о переводах двух китайских грамот. Та и другая, отмечал в свое время известный востоковед Л. И. Думан, написаны «в доброжелательном духе» и не содержали даже каких-либо намеков на столкновение интересов или на недоразумения, имевшиеся между правительствами Китая и России [8, с. 266].

Совсем другая ситуация возникнет между двумя странами после того, как в Китае установится господство Цинской династии (это произойдет в 1644 г. — Авт.). В результате «приискивания той и другой стороной новых земель», границы двух государств к середине 40-х гг. XVII века существенно сблизились, хотя между ними, по-прежнему, имелись громадные территории, на которых проживали многочисленные «независимые народы», неподвластные пока еще ни Русскому государству, ни Цинской империи, ни какой-либо другой третьей державе. Эти «вольные земли и независимые народы», обитавшие на них, особенно те, которые проживали в бассейнах Амура, Сунгари, Уссури и других рек превратились в 40-е гг. XVII века в объект «притязаний» и Китая, и России.

Однако, прежде чем говорить подробно об этом, — два слова о зарождении маньчжурской династии Цин, истоки которой уходят к концу XVI столетия. Именно на его исходе и появляется на политической арене Восточной Азии новое действующее лицо — маньчжурское военно-феодальное государство, правители которого сыграют в последующем печальную роль в истории китайцев, монголов, корейцев и других азиатских народов. Так, кто же такие «маньчжуры (или «маньчжу»), снискавшие себе у азиатских народов, недобрую славу? Это, как известуют источники, была одна из ветвей многочисленных южнотунгусских племен, обитавших в древности на территории Маньчжурии (наименование современной северо-восточной части Китая в древности, но в географическом плане более узкое, чем современное понятие «Дуньбэй» — «северо-восток КНР — Авт.»), история которых берет свое начало во второй половине VII века. Основу их хозяйственной деятельности составляли скотоводство, охота и земледелие. Во главе маньчжурского общества стояли их «природные вожди», всецело распоряжавшиеся принадлежащими роду пастбищами и охотничьями угодьями. В процессе зарождения у маньчжуров — в конце XV столетия — (как и у большинства народов Центральной Азии — Авт.) феодальных отношений, их племенные предводители превращаются в «наследственных князей» («бэйлэ» — титул высшей маньчжурской знати 3-й степени), которые активно включаются в борьбу за пастбища и охотничьи угодья, а также за наиболее выгодные условия торговли. Согласно данным китайских источников, во второй половине XVI века в пределах Маньчжурии имелось свыше 60 мелких тунгусских феодальных владений, главы и население которых были весьма заинтересованы в торговле с Китаем, которому маньчжуры сбывали — в обмен на продукты китайского земледелия и ремесла — лошадей, пушнину и женщины (по-маньчжурски «орхода» — Авт.) [9, с. 28].

В 1575 году правителем маньчжуров становится князь Нурхаци, резиденция которого находилась в местности Хэтуала (в 195 км к востоку от Мукдена — Авт.). Воспользовавшись выгодным географическим положением своих земель (через них тогда проходили основные торговые пути в Китай — Авт.), он постепенно подчиняет своему господству ближайшие к нему княжества. Когда в его руках оказалась большая часть последних, Нурхаци принудил их правителей провозгласить себя ханом Маньчжурского государства. Однако это, еще не означало их политическое подчинение новоявленному маньчжурскому правителю [10, с. 40]. И, тем не менее, это свидетельствовало о завершении многолетней борьбы правителей тунгусских княжеств за верховную власть, участие в которой приняли и монгольские феодалы, владения которых находились по соседству с маньчжурскими княжествами. Укрепляя свое могущество, Нурхаци подчинил своему влиянию (в конце XVI — начале XVII века — Авт.) южно-монгольские и северо-монгольские княжества. Решив эту важную внешнеполитическую за-

дачу, он двинул свои войска на Корею. Данным походом, он открыл в 1618 году эпоху маньчжурских завоевательных войн. Тогда же он вступил и в борьбу с империей Мин. Этот шаг Нурхаци неоднозначно оценили монгольские феодалы, с давних пор обогащавшиеся (за счет подарков, подносившихся им китайским правительством, за службу по охране китайской границы, а также и за счет военных набегов на пограничные территории Китая — *Авт.*). Поэтому война с Минской династией была воспринята монгольскими феодалами, как лишение их «законной статьи своего дохода». Поэтому, когда в августе 1619 года маньчжуры овладели китайским городом Телинчэном, на победителей напало 10-тысячное монгольское войско, но безуспешно. В результате поражения, победители пленили многих крупных монгольских феодалов, в т.ч. «бэйлэ» Дзасай с двумя сыновьями, тайджи Сэбэн из княжества Джаруд, сына хорчинского тайджи Мингана и др. [10, с. 43].

Поражение монголов под Телинчэном вызвало неоднозначную реакцию у правителя Чахарского княжества Лигдэн-хана, не принимавшего участия в этом походе. В декабре 1619 года в ставку Нурхаци прибыли одновременно и его послы, и послы князей «пяти халхаских племен». Лигдэн-хан в резкой форме потребовал от Нурхаци не совершать больше военных походов на территорию империи Мин, угрожая, в противном случае, войною [11, гл. 6, с. 32а]. Заявление Чахарского правителя вызвало у маньчжуров бурю негодования. Первым делом Нурхаци задержал послов Лигдэн-хана. Но предприняв это, он, тем не менее, послал к нему своего дипломата с письмом, в котором предлагал ему (правда, в ультимативном духе — *Авт.*) заключить военный союз двух родственных (по обычаям и общественному устройству) народов против Минов [10, с. 43]. Однако, Лигдэн-хан отверг маньчжурский ультиматум и тоже задержал посла Нурхаци. Вскоре до него дошел слух и о его казни. Не проверив его, маньчжурский правитель тут же казнил посла Лигдэн-хана [10, с. 43].

Совершенно с иными целями прибыли в ставку маньчжурского правителя послы «пяти халхаских племен». В переданном ему от их владетелей письме содержались извинения за действия Дзасайя, а также предложение заключить военно-политический союз против минского Китая. «Мины, — говорилось в монгольском письме, — враждебное нам государство. Если идти против него войной, необходимо совместно составить... планы похода... В случае заключения мира с Минами следует также совместно принять об этом решение... Если Мины пришлют много подарков для Вашего государства и меньше для нашего, Ваше государство не должно их принимать». Со своей стороны монголы обязывались поступать таким же образом [11, гл. 6, с. 33а]. Словом, действия владетельных князей «пяти халхаских племен» в полной мере соответствовали внешнеполитическим амбициям маньчжуров и развязывало, таким образом, им руки.

Агрессивные устремления соседей, естественно, обеспокоили монголов. Не были спокойными

(начиная войну) и сами маньчжуры. Но их беспокойство было совсем другого порядка: они отчетливо понимали, что их военные успехи всецело будут зависеть от прочности и надежности их правого фланга, где соседями маньчжуров были независимые монгольские княжества. Вот почему ликвидация их независимости и стала одной из первостепенных внешнеполитических задач Нурхаци и возглавляемого им государства.

Но устремления его правителя, никак не совпадало с интересами монгольских феодалов, стремившихся любыми путями сохранить свою политическую независимость. Не чуждо было это их стремление и народным массам Монголии, ибо установление над их страной маньчжурского господства не сулило им ничего хорошего, кроме дополнительного гнета. Именно это противостояние интересов двух сторон — монгольской и маньчжурской — и предопределило ожесточенную борьбу между ними, которая затянется на полутора с лишним века.

Чтобы добиться в ней победы, маньчжуры умело воспользовались феодальной раздробленностью Монголии. Она же в то время была разделена на три части: Южную Монголию, Северную Монголию (или Халху) и Ойратию. В свою очередь, каждая из названных частей делилась на множество мелких феодальных владений, правителей которых и надо было сокрушить маньчжурам. И они справились с этой задачей, умело использовав, для этого подкуп, обман, провокации, а кое-где и силу оружия. Благодаря этому «арсеналу», маньчжурские завоеватели уже в первые два десятилетия XVII века смогли установить свое господство почти над всей территорией Монголии. Вне их контроля оставалось лишь владение уже упоминавшегося выше «хагана Лигдэна» (правнука старшего сына Даин-хана — *Авт.*). И хотя в одиночку противостоять маньчжурам ему было трудно, тем не менее, он отказался принять предложение нового маньчжурского правителя — Абахая (сына Нурхаци, последний умер в 1626 г. — *Авт.*) перейти к нему на службу [4, с. 193]. Продолжая борьбу с маньчжурами, «упрямый варвар» попытался даже заключить антиманьчжурский союз с Минской династией, но безуспешно. Летом 1634 года он был наголову разбит Абахаем. Одержав победу над «непокорным смутьяном», он сурово расправился с ним. Захватив Чахарское ханство, Абахай «раздробил» его на мелкие владения, которые «милостиво пожаловал своим послушным вассалам» [4, с. 194]. «Обесченный» Лигдэн-хан отступил с остатками своих войск к Кукунору (Цинхаю — бессточному, соленому озеру в горах Наньшаня — *Авт.*), где вскоре и умер. После его смерти «дело отца» — борьбу с маньчжурами — продолжил его сын — хан Эчже. Но безуспешно: вскоре он был окружён маньчжурами, схвачен и казнен ими [12, с. 194].

Победа Абахая над владетельными князьями Южной Монголии «принесла» ему в 1636 году титул «хана Монголии». Этим «провозглашением и закончился, как принято считать, первый этап завоевания Монголии маньчжурскими завоевателями. Следующим их шагом к установлению

своего господства стало покорение Северной Монголии, которая на рубеже XVI-XVII вв. состояла из семи самостоятельных княжеств, а потому и имела она еще одно официальное название — «Халхайн долон хошун» («Семь халхаских хошунов») [10, с. 46]. В это время в ней особенно выделялись своей силой и могуществом три феодала: Тушэту-хан, Дзасакту-хан и Цэцэн-хан. Владения первого (аймак — *Авт.*) простирались по берегам р. Толы, верховьям Орхона и далее на запад, вдоль р. Тамир, второго (т.е. Дзасакту-хана) — находились в районе Хангая и третьего (Цэцэн-хана) — по р. Керулен. К началу века эти феодалы подчинили своему влиянию всех остальных владетельных князей и стали играть первостепенную роль в истории Северной Монголии [10, с. 46].

Но, став «вершителями» народных судеб и своей родины в целом, они совсем не «по-хозяйски» распорядились предоставленными им историей шансом. Когда их соплеменники, проживавшие в южно-монгольских княжествах, истекали кровью в борьбе с маньчжурскими захватчиками, «три северных бога», блюя свои личные интересы, способствовали своим «бездействием» превращению Южной Монголии в провинцию Маньчжурского государства. В защиту «южан» выступил лишь известный в Халхе поэт и сторонник объединения страны Цокто-тайджи, вступивший в союз с Лигдэн-ханом, за что и был изгнан «северными богами» из Халхи. После смерти своего союзника, он продолжил борьбу с захватчиками и их пособниками — тибетскими и кукунорскими феодалами — и геройски погиб в одном из сражений в районе озера Кукунора [12, с. 194].

Столкнувшись с печальной судьбой южан, правители Халхи сразу же предприняли попытку «завоевать доверие» у победителей Чахарского ханства. С этой целью и прибыло в январе 1636 года ко двору маньчжурского правителя посольство от Цэцэн-хана (4 посла и 132 сопровождающих — *Авт.*). В доставленном послами «Сыну Неба» письме выражалось желание Цэцэн-хана жить «с Ним в мире и согласии». Словесные заверения Цэцэн-хана послы «подкрепили» богатыми дарами: верблюдами, лошадьми и собольими шкурками [12, с. 194]. «Почтение признательного варвара» с «увольствием» было встречено правителем маньчжурского государства и он весьма щедро вознаградил первых халхаских послов [5, гл. 27, с. 17а]. Внимание и дары «Сына Неба», естественно, воодушевили Цэцэн — хана. Чтобы завоевать у него еще большее доверие, он отправляет в Пекин новое свое посольство, которое и прибыло туда в сентябре 1637 г. Выражая от имени своего «досточтимого Цэцэн-хана» высокие пожелания и благодарности «солнцеликому Абахаю», послы передали в дар последнему 40 лошадей и «множество шкурок соболя и выдры» [12, с. 194].

Пример Цэцэн-хана увлек и других владетельных правителей Халхи. В октябре 1637 г. в Пекин прибыли послы Тушэту-хана и весьма «изумили» Абахая своими дарами, в числе коих значились «два золотых лука и три коня» [12, с. 194]. Но еще более удивило «Сына Неба» второе Тушэ-

ту-ханово посольство (совместно с феодалами аймака Тумэт — *Авт.*), прибывшее в столицу в сентябре 1638 г. В числе «даров» были лошади, верблюды, собольи шкурки, меха выдры, дикого кота, перья орла, дробовики и прочие предметы. Как и в случае с предыдущими посольствами, Абахай не остался в «долгу»: в очередной раз он щедро одарил и халхаских послов, и отправивших их правителей [5, гл. 43, с. 15а].

За «северными богами» Халхи потянулись в ставку маньчжурского правителя и другие халхаские феодалы, добровольно предложившие ему «свою дружбу». До поры до времени Абахай милостиво принимал халхаских

«доброхотов» и их «подарки». И здесь нельзя не сказать несколько слов относительно «даров», послыавшихся «Сыну Неба» владетельными феодалами (не только монгольскими — *Авт.*), и «наград», которыми удостаивал он послов и владельцев «варваров». Первые (согласно доктрине «китаецентризма» — *Авт.*) китайские источники неизменно именуют «данью». Хотя пестрый состав и эпизодичность приезда — в нашем случае — халхаских послов дают все основания рассматривать вручаемые ими подношения не как дань, а как обычное для норм феодальной дипломатии подарки от одного правителя другому при установлении между ними дипломатических контактов. Эта норма общепринятых дипломатических связей, естественно, тоже была взята китайскими правителями на «вооружение» в отношениях с «варварами», в частности, с южными монголами, с естественной для себя поправкой. Ставясь привлечь их правителей на свою сторону, Пекин щедро одаривал и награждал последних. Именно так поступил и Абахай и по отношению к халхаским князьям, в частности, Цэцэн-хану и к другим владельцам, направляя к ним свои посольства с подарками в марте 1636 г. и в январе 1637 г. [5, гл. 32, с. 7а].

И такая практика посольских связей между владельцами феодалами Халхи и Пекином будет иметь место и в последующие годы. Так, в октябре 1643 г. подданный Тушэту-хана преподнесет «Сыну Неба» «оседланных коней, серебро, деньги, чай, благовония и другие вещи», которые с «благодарностью были приняты» последним [11, гл. 2, с. 116]. Подобного рода «дары» (согласно, китайской терминологии) преподносился им «Сыну Неба» и в дальнейшем, частности, в декабре 1644 г. (мулы, лошади и другое и в 1645 г. (только — лошади, но сколько, источник умалчивает — *Авт.*). И это «умолчание» уже отнюдь не халатность чиновника — делопроизводителя, а уже политика. Наряду с этим, нет в этих записях и сведений относительно одаривания (согласно установленным дипломатическим этикетом нормам) прибывших монгольских послов, что было характерно для дипломатических отношений между Цинской империей и халхаскими владельцами прошлых лет.

Теперь в 1638 году, когда положение маньчжуротов в Южной Монголии при императоре Фулине («Шуньчжи» — по девизу правления («благоприятной правление»; «Шицзу» — храмовое

имя — *Авт.*) окрепло, характер маньчжуро-халхаских отношений резко изменился. Отныне в дипломатии пекинского двора все отчетливее стал просматриваться диктат, а также стремление добиться от халхаских феодалов признания их зависимости от Пекина.

Иначе говоря, «игра» в дипломатию ему надоела и он решительно потребовал от них прекратить (за «свою дружбу с ними» — *Авт.*) поставку ими лошадей в армию «своих противников» (т.е. в армию Минской династии — *Авт.*), пригрозив, в противном случае, поступить с халхаскими «доброхотами» также, как с «непокорным Лигдэн-ханом». Окрик недавнего «благодетеля», естественно, подействовал на халхаских владетелей. Не посмев ослушаться «лучезарного хана», они тут же прекратили свои торговые связи с Минским Китаем. После этого, маньчжурские завоеватели стали бесцеремонно вмешиваться во внутренние дела Северной Монголии. Это обстоятельство убедило, в конце концов, ее феодальных владетелей — больших и мелких — в том, что маньчжурская агрессия на Халху не за горами. Чтобы предотвратить ее, они собираются в 1640 году на всемонгольский съезд и принимают на нем два основополагающих решения: а) урегулировать свои, внутримонгольские отношения и б) объединить усилия всех монгольских правителей в борьбе с надвигающейся маньчжурской угрозой, претворение которых они отложили «до наступления благоприятного момента» [12, с. 195]. И он наступил: в 1643 году умер маньчжурский хан Абахай. К этому времени «северные боги» — Тушету-хан и Цэцэн-хан — в полной мере осознали опасность маньчжурской агрессии, нахисшей над Халхой. Поэтому, чтобы отвести ее, они приняли решение поддержать антиманьчжурское выступление главы южно-монгольского аймака суннитов Тэнгиса. Последний, как известно, пренебрег «цинским подданством и бежал летом 1646 года со своими людьми от своих «покровителей» и укрылся (на беду халхасцев) во владениях Цэцэн-хана. Используя это обстоятельство, маньчжуры тут же решили нанести удар не только по беглецу, но и по халхаскому владетелю [11, гл. 26, с. 26]. 14 июня 1646 г. в Южной Монголии был обнародован императорский указ о мобилизации всех южно-монгольских войск для похода на Халху. Спустя несколько дней, войска уже выступили в поход. В ходе нескольких сражений «бунтовщики» были разбиты. Но их «главарю» (Тэнгису) удалось спастись. 27 августа населению Южной Монголии было объявлено об «усмирении» суннитов [13, гл. 27, с. 106].

Преследуя Тэнгиса, маньчжуры начали продвигаться все дальше на запад от р. Толы. Тушету-хан и Цэцэн-хан пытались «оружно» остановить их продвижение. 23 августа, у урочища Чжацзыбулак, на пути маньчжуров стала 20-тысячная армия во главе с двумя сыновьями Тушету-хана. Однако задержать тут маньчжуров не удалось. Не смогла это сделать, день спустя, и 30-тысячное войско Цэцэн-хана, пытавшегося закрыть маньчжурам выход Чжацзыбулака [13, гл. 27, с. 196]. Главная причина удач монгольских войск заклю-

чалась в разобщенности халхаских феодалов и в разрозненности их действий.

Однако одержав две важных победы, маньчжурская армия не пошла дальше на запад. Она была измотана и нуждалась в отдыхе. Поэтому уже 26 августа она двинулась в обратный путь. Ее командующий (Додо — *Авт.*) был в «сильном волнении». Несмотря на разгром войск Тушету-хана и Цэцэн-хана, решить главную задачу похода (плениТЬ Тэнгиса и Цэцэн-хана) ему не удалось. Это-то и страшило возвращавшегося домой Додо [13, гл. 27, с. 196].

Но, несмотря на нерешенность главной задачи, Пекин, тем не менее, получил в ходе вышеуказанного похода один важный для себя результат: ему удалось «обкатать» идею подчинения себе Халхи военным путем. Обрел Пекин, благодаря этому же походу и понимание, что в решении «халхаской проблемы» нецелесообразно прибегать к услугам армии. Причины такого отказа были налицо: тут и отдаленность этой области от империи, а также сложности в обеспечении войск всем необходимым, связанных с этим. Однако вопрос с Халхой (и это было очевидно) Пекину надо было решать, поскольку он был связан с обеспечением безопасности северных границ империи, что имело особое значение в условиях непрекращающейся войны в Китае. В силу всех этих обстоятельств было решено подчинить халхаских ханов своему влиянию мирным путем.

Эта победа над восставшими, что, вне всякого сомнения, придала уверенность маньчжурам. Воспользовавшись предательством китайских феодалов, они овладели в 1644 году столицей Мингов — городом Пекином — и положили, тем самым, начало маньчжурской династии Цин (или «Дай Цин» — «Великое Цин»). После захвата Пекина название «Дай Цин» стало применяться ими как для обозначения маньчжурской династии, начавшей управлять Китаем, так и для обозначения всей китайской империи.

Происшедшие в стране события существенно осложнили положение и ее населения, и княжеств Северной Монголии. Если раньше халхаские ханы отказывались присыпать маньчжурам своих заложников, то теперь они вынуждены были капитулировать перед Цинами и отправлять в Пекин — в обязательном порядке — своих заложников. Все это свидетельствовало о том, что дни независимости Халхи сочтены.

Решение этой важной для себя задачи, — подчинение ее своему влиянию — Пекин начал с конкретных шагов. 12 октября 1646 года он направил владетельным правителям Халхи императорский указ с требованием разыскать, схватить и передать маньчжурам «бунтовщика» Тэнгиса и его брата Тэнгитэя. Невыполнение ханами указа «Сына Неба» грозило вторжением маньчжуров в Халху [13, гл. 28, с. 6а]. Получив его халхаские владетели, в частности, Цэцэн-хан, блюдя свои личные интересы, направил «Сыну Неба» послание в котором просил его восстановить былье меж ними мирные отношения. И Пекин отреагировал на это послание. В мае 1647 г. Цэцэн-хан получил на свою просьбу восстановить мирные отношения с

Пекином характерный ответ. От лица «Сына Неба», ему предоставлялось сделать выбор: либо схватить Тингиса и его людей и выдать «бунтовщиков» маньчжурам, либо «оружно» уничтожить их. В случае «неповиновения», проситель и все северо-монгольские феодалы обязаны были прислать в Пекин «своих близких и доверенных сановников в качестве заложников, гарантируя их жизнями свое невмешательство в «судьбу» нового карательного похода против суннитов [13, гл. 31, с. 14а-14б].

Однако излюбленный прием маньчжуров — натравливать своих противников друг на друга (в нашем случае — одних монголов на других) дал на это раз осечку: халхасцы ответили молчанием на все их требования. Это обстоятельство послужило главной причиной «охлаждения» их дипломатических контактов с Пекином. Лишь сдача в 1646 г. Тэнгиса маньчжурам сделала возможной их реанимацию. Первопроходцами в этом «деле» вновь стали Тушету-хан и Цэцэн-хан, пославшие послов с подарками и, как известует источник, «доклады с просьбой о прощении» и «выкупы за совершенные проступки». Последний, посланный Цэцэн-ханом Фулиню, состоял из 100 верблюдов и 1000 лошадей [11, гл. 3, с. 36]. Но это «не размягчило» императорское сердце: он потребовал (от Тушету-хана и Цэцэн-хана) прислать ему в качестве заложников своих сыновей, на что последние опять ответили молчанием [14, гл. 3, с. 36].

В те годы в отношениях халхаских ханов и Пекина сложилась весьма занятная ситуация: последний продолжал принимать их послов и подарки — «дань» — и в то же время стремился усилить зависимость Халхи от Цинской империи. Воспользовавшись вооруженным нападением подвластного Дзасакту-хану феодала — Омбо-эрдэни — на Гуйхуачэн, император Фулинь предъявил халхаским владельцам правителям (большим и малым — *Авт.*) требование — ультиматум: «принести клятву перед Небом и Землей», что они «заключат дружественный союз с Цинской империей» [11, гл. 48, с. 5а]. Главной особенностью его являлось то, что договаривающиеся между собой стороны не были равноправными: слабый должен был уступить сильному и подчиниться ему, т.е. халхаские ханы должны были признать свою зависимость от маньчжурского государства. Ее они обязаны были подтверждать регулярным представлением «Сыну Неба дани из одного [белого] верблюда и восьми [белых лошадей] (так называемая «дань из девяти белых» — *Авт.*), за что император благосклонно соизволял ханам присыпать к нему своих сановников [11, гл. 51, с. 86].

Занятый «междоусобными» делами с Южной (Внутренней) и Северной Монголией (Халхой), Пекин упустил, по сути дела, активные действия представителей «Олосыго» (так китайский источник называет Русское государство — *Авт.*) в Приамурье и в Приморье, освоение которых они начали в конце 30-х — начале 40-х гг. XVII века. В частности, в 1639-1640 гг. Иван Москвитин со своими людьми добрался, согласно источнику, до Охотского моря, а казаки, ведомые Василием

Поярковым, прошли по Амуру и Зее к устью Сунгари, к Охотскому морю и далее по реке Улье. До этих земель (по Амуру, в устьях рек Сунгари и Кумары) добрался в 1649-1650 гг. землепроходец Ерофей Хабаров. Немного позднее побывают здесь Онуфрий Степанов и другие русские землепроходцы.

Эти походы русских казаков и «охочих людей» сопровождались, как правило, подчинением тамошних аборигенов «высокой государевой руке» и принятием ими русского подданства и выплатой ясака «белому царю» («Чагань-хану», по китайским документам — *Авт.*). Вне сомнения, что присоединение и освоение «новоприисканных земель и объясачивание инородцев» не обходились и без насилия. Но последнее явно не играло главной роли в этих делах. Дело в том, при небольшой численности землепроходцев (чаще всего — не более 100 человек) трудно было бы присоединить такие огромные территории к Русскому государству, если бы аборигены были против этого. Явно, что это его «приращение» новыми землями без поддержки со стороны аборигенов не обходилось. Свидетельство тому — документы, предписывающие землепроходцам «чинить расширение нашему государству», но тамошних «инородцев — войною не разорять, не грабить и не побивать... а учинять под нашю... высокою рукою... ласкою и приветом, а не жесточью...» [15, с. 204]. Именно такое отношение русских землепроходцев к «присканию новых земель и приведению в вечное холопство тамошних инородцев» позволило им построить к середине XVII в., к примеру, в Приамурье несколько острогов (Албазинский и Аchanский (1651), Кумарский (1652) и Нерчинский (1654) и с помощью их прочно обосноваться там. Но эти действия «лоча» (так именовали русских людей китайские источники — *Авт.*), естественно, противоречили планам «Сына Неба». Поэтому цинские власти, следя его указаниям, предпринимают попытки вытеснить русских с Амура, из бассейна Аргуни и Сунгари. Этот их шаг знаменовал собою было начало проведения цинским правительством агрессивной политики против Русского государства [8, с.263].

Первое нападение цинские войска (они были отправлены из гарнизона Нинггуты во главе с джангином Хайсе — *Авт.*) совершили в марте 1652 года на Аchanский острог, расположенный в Амурском бассейне. На утренней заре (24 марта — *Авт.*), как донесет потом Е.П.Хабаров, на них неожиданно напали маньчжуры, используя «огненный бой» — ружья и пушки. Однако казаки, возглавляемые Е.П.Хабаровым, не только выстоали против превосходивших сил противника, но и нанесли ему сокрушительное поражение. В этом бою маньчжуры потеряли только убитыми 676 человек, у казаков же было убито 10 и ранено 78 человек. Немало нападавших попало в плен. Один из них — «именем Кабышейка» сообщил на допросе, что он «служил человек Нюлгуцкого города... ехали они на конях [до Ачанска] три месяца» [15, с. 136-137]. Снести такого «позора» цинский император, естественно, не мог. Поэтому 9 (19) октября 1652 года он издал указ, в соответствии с которым командующий войсками

Хайсе был казнен, а его заместитель Сифу наказан 100 ударами плетьюми, отстранен от должности и оставлен служить в Нингуте [13, гл. 68, с. 24а].

Говоря об этом нападении маньчжуротов на Ачанский острог, следует отметить, что он находился от гарнизона Нингуты за несколько сот километров. Это лишний раз свидетельствует, с одной стороны, о том, что границы России и Китая были разделены значительными расстояниями, а с другой, — что «Амурский бассейн» не находился под властью Цинской династии, в силу чего направление ею своих войск на столь удаленное расстояние означало ничто иное, как вторжение в чужие пределы.

Однако это обстоятельство не было принято во внимание Пекином. Более того, после «Ачанского инцидента» он развязывает военные действия против русских в Приамурье, причем не объявляя им войны и не выдвигая каких-либо претензий к ним по дипломатическим каналам. Иначе говоря, цинское правительство официально не вступало в военный конфликт с Русским государством, а имевшие место «военные стычки» с русскими землепроходцами в Приамурье и Приморье оно рассматривало как «карательные меры», применявшиеся против «частных лиц — нарушителей» границ, поставивших себя своими действиями «вне закона». Этой «ширмой» Пекин будет прикрываться и позднее, чтобы оправдать свои агрессивные действия. Это составляло одну из главных особенностей агрессивной политики Цинской империи по отношению к Русскому государству. Такого рода устремления Цинов, несомненно, вытекали из идеи, унаследованной от китайских императоров, о величии «Сына Неба» как господина всей Вселенной и его миссии установления господства по крайней мере над соседними странами. Видимо, следуя этим принципам, и китайские источники, в частности, Да Цин личао шилу» («Хроника правления всех государей великой [династии] Цин») фиксировали (весьма лаконично) информацию о походах цинских войск против русских, почти полностью исключая данные об официальных взаимоотношениях с Русским государством.

Первое сообщение о дипломатических связях Цинов с ним зафиксировано вышеупомянутой «Хроникой» 25 июня 1655 года. Его текст (в уточненном советским востоковедом Л. И. Думаном варианте — Авт.) таков: «Указ [императора Цин] Чагань-хану Русского государства (Олосыго) гласил: «Твое государство находится далеко на северо-западе. Прежде, еще никто [от Вас] не прибывал в Китай (Чжун-хуа). Ныне ты (обращение не как к правительству государства — Вы, — а как к подданному — во втором лице) искренно обратился к [нашей] цивилизации и направил посланника с данью (не с подарками — выражение применяемое в официальной дипломатической практике, а «данью», получаемой сузереном от вассала) из местных изделий. Мы весьма одобряем это. Специально жалуем (естественно, «тебя») наградой. Тотчас же отпускаю твоего посланника. Выражают наши чувства гуманизма [дословно: мягкости], далеко распространяющиеся. Ты

их с уважением прими. Навеки будь предан и послушен, и этим (ты) ответишь на милость и любовь [нашу]» [8, с. 273]. К сожалению, подчеркнул автор данного перевода, китайский источник ничего не сообщил нам, в связи, с чем увидел свет вышеупомянутый указ китайского императора. Однако, опираясь на косвенные данные китайских и русских архивных документов, а также боясь во внимание дату указа, он предположил, что указ «Сына Неба» появился в связи с прибытием в Пекин гонцов П. Ярыжкина и С. Аблена, отправленных из Тобольска (с торговым караваном — Авт.) 9 июля 1653 года, чтобы сообщить о скором прибытии в Китай русского посла Ф. И. Байкова (его посольство отправится из Тобольска 25 июня 1654 г. и прибудет в Пекин в 1656 г. — Авт.) [7, с. 89].

Обосновывая свои доводы, в связи с чем было связано появление приведенного выше императорского указа, Л. И. Думан приводит еще один аргумент в пользу своего заключения: русские гонцы П. Ярыжкин и С. Аблон в третьей декаде июня 1655 года (т.е. на время датировки указа «Сына Неба» в «Хронике») еще находились в Пекине. Но какие-либо сведения об этом «Хроника» не сохранила. Но это подтверждает один из вариантов статейного списка Ф. И. Байкова, в котором говорится, что маньчжурские чиновники довели до его сведения, что «...от вашего де великого государя приезжал, прежде тебя, посол Петр Ярыжкин, а сказывался тот посол... [что он] у своего великого государя первой человек, да и тот где повеление все творил нашева царя — в приказ де к царевым людем приезжал и, на колено припадши, кланялся...» [7, с. 131]. Трудно судить, говорит Л. И. Думан, что именно так обстояло дело, как говорили об этом Ф. И. Байкову цинские чиновники, действительно ли совершали русские гонцы обряд «коу-тоу», ибо такое событие — как принятие «Сыном Неба» русских послов, несомненно, нашло бы отражение в «Хронике» [8, с. 344]. Хотя, как подчеркивает исследователь, не это самое главное, а то, что результатом поездки русских гонцов в Пекин стала первая официальная грамота цинского императора русскому царю [8, с. 274]. Однако этот официальный документ в полной мере продемонстрировал стремление правителя Цинской империи рассматривать Русское государство как своего вассала и строить на этой основе все отношения с ним, в том числе и в сфере внешней политики. Это в еще большей степени продемонстрирует дипломатическая миссия Ф. И. Байкова, которая прибудет в Пекин, как уже упоминалось выше, в 1656 году.

Однако, прежде, чем повести разговор об этом, отметим, наряду с «заблуждениями» правителей государства Цин относительно границ России, ее населения и ее могущества, авторитете международной арене, и «слабые познания» русского правительства о Цинской империи, о ее внутреннем и внешнем положении, ибо только этим можно объяснить, что даже в 1650-1651 гг. оно не «ведало», кто же стоит во главе маньчжурского государства, а потому и слало оно своих служилых людей к богдайскому и никанским царям с предло-

жениями «учиниться под высокую руку Великия и Малыя и Белыя России Самодержца» [15, с. 201].

Словом, в такой ситуации, когда русское и цинское правительства не имели друг о друге четкого представления, решать какие-либо внешнеполитические и иные проблемы, касавшиеся интересов двух государств, было очень сложно. Но решать их было необходимо. И кто-то из них должен был сделать это первым. Таким первоходцем и стало Русское государство.

Взяв инициативу на себя, оно направило в Китай, как уже упоминалось выше, в 1656 году посольство, во главе которого был поставлен Ф. И. Байков. Его посылка, по справедливому замечанию Н. Ф. Демидовой, «было подготовлено всей предысторией русско-китайских отношений» [7, с. 87]. Действительно, приближение русских владений на Амуре к границам Цинской империи (хотя в действительности, их разделяли еще сотни километров) порождало необходимость установления между двумя государствами добрососедских отношений и развития торговых связей с Китае и соседними с ним странами. Однако главная цель, которую должна была решить посольская миссия Ф. И. Байкова, заключалась (это отразила данная последнему царская грамота, адресованная цинскому императору — Авт.) в установлении добрососедских дипломатических контактов с Китаем. «А ныне, мы, великий государь, — гласила она,.. — слыша, что вы, бодыхан-царь, со окрестными своими соседями, которые к Китайскому царству поблизу, держиши дружбу и ссылку, и послы, и посланники между вами о дружбе и о любви на обе стороны ходят, и для того, что ваше Китайское царство подошло нашим царского величества отчину к украинным городом Сибирского царствия, хотим мы,.. с вами, бодыханом-царем, от нынешнего времени вперед бытии в приятной дружбе и любви и в ссылке так же, как мы [находимся] ...в ссылке... стурскими салтаны и с персидскими шахи и с иными окрестными великими государи...» [15, с. 167].

Но, наряду с этой, перед посольством Ф. И. Байкова стояла и другая задача, которую отразила, причем предельно четко, наказная память, данная ему 2 феврале 1654 года. Согласно ей, послу надлежало разузнать, какие товары следует покупать в Китае, а какие товары вывозить туда и на какую сумму...». Кроме того, необходимо было выяснить, «...будет ли торг впредь п[ро]чен и чаять ли [России]...прибыли [него]» [15, с. 151].

Решая задачи «торговой направленности», Байков обязан был уяснить (причем во всех подробностях — Авт.) условия торговли в Китае, цены на товары, их номенклатуре, получаемых купцами, государством прибылях и др. Предусмотрена была и тактика посла на случай, если «ближайшие люди императора» будут задавать ему вопросы о «торговых делах в Московском государстве». На это ему следовало ответствовать: «...если маньчжурский государь пошлет в Московское государство своих послов и купецких людей с товарами, то русский царь пожалует ево послов и купчин своим государевым жалованием,

торговать им разрешит повольно, а государевых пошлин велит не брать...» [15, с. 158-159].

Помимо указанных задач, посольство Ф. И. Байкова обязано было собрать сведения о внутреннем и внешнеполитическом положении маньчжурского государства, особенно в части, с кем оно состоит в дружбе, а с кем воюет. Но больше всего Москву интересовало: пойдет ли китайский император на установление с нею дипломатических отношений и отправит ли он своих послов и купцов в Россию.

Говоря о задачах, которые должно было решить посольская миссия Ф. И. Байкова, следует сказать еще об одной «заботе» правительства, которую отразил данный послу наказ. Речь идет шла о соблюдении главой дипломатической миссии посольского ритуала. Согласно ему, «государеву грамоту» Байков обязан был вручить лично и только императору, ни в коем случае не давая ее «ближним [его] думным людем» и «речи [им] не говорить» [15, с. 154]. Иначе говоря, русский посол не должен был вступать в переговоры с представителями «Сына Неба».

Конкретизировал наказ и правила поведения посла при посещении императорского дворца. Будучи в нем, Байкову предписывалось «никакому порогу не кланятьца, а коль будет предложено, то «в ногу царя отнюдь не целовати» [15, с. 155-156]. На приеме у императора Байкову рекомендовалось «поклонитися, по обычаю, рядовым поклоном», справиться о его здоровье и передать, что [русский] царь пребывает «в добром здоровье» [15, с. 156]. В случае, если бодыхан не справится о здоровье царского величества, то Байков обязан был сказать, «что к великому государю нашему, к его царскому величеству, он, бодыхан-царь, оказуетца (относится с) нелюбовью, что про его царского величества здоровье, как ведется у всех великих государей, не вспросил и тем ему, великому государю, чести не учинил...» [15, с. 156].

Предписал наказ Байкову и о том, как поступать ему с государевыми «дарами» — «любительскими поминками» китайскому императору. Их, согласно предписанию, посол обязан был вручить только «бодыхану», притом «вежливо и осторожно» и только после вручения ему государевой грамоты [15, с. 157].

Немало наказов было сделано Байкову и относительно приема им ответной грамоты от китайского императора. Ее посол мог взять только в присутствии последнего. И лишь в крайнем случае (если Байкову не удастся добиться личного присутствия «Сына Неба») он мог взять ее «на подворье», но непременно потребовать от приближенных императора «копии грамоты», дабы «видеть, с чем его к царскому величеству их государь отпускает» [15, с. 163]. Особое внимание посол обязан был обратить на соблюдение китайцами «титулования царя». Если таковое будет сделано неправильно или будет отсутствовать совсем, то Ф. И. Байков не должен был принимать такую грамоту [15, с. 163]. И, наконец, наказ определял, как должен был поступить он, если его пригласят «к столу» во дворец императора: туда Бай-

ков обязан был пойти только в том случае, если там будут присутствовать послы других государств [15, с. 159].

Таким образом, суммируя все вышесказанное, можно констатировать, что русское правительство придавало посольскому ритуалу весьма значительное внимание, ибо его выполнение принимающей стороной обеспечивало поддержание престижа Русского государства, а нарушение его — могло свидетельствовать о «нелояльности» принимающих к нему.

Однако в Китае, в том числе и в цинском, с давних пор бытовал посольский церемониал, в корне отличавшийся от русского и европейского в целом. Основу его составляли отношения, характерные для отношений между сузереном и вассалами. В силу этого, посольская миссия Ф.И.Байкова уже изначально была обречена на неуспех. Но русское правительство, отправляя своего посла в Китай, естественно, не знало об этих «тонкостях» китайского посольского церемониала и поставило тем самым его в очень сложное положение. Ничего не ведал об этом и глава русского посольства.

С таким «багажом» и отправился 23 мая 1653 года Ф. И. Байков из Москвы в Тобольск, а 25 июня 1654 года — оттуда в Пекин, куда и прибыл он 3 марта 1656 года [7, с. 93]. Уже в первый день его прибытия в столицу цинского Китая, Ф. И. Байков столкнулся с необычным для европейского посла обращением: встретившие его в полверсте от Пекина цинские чиновники заставили русского посла встать на колени перед ламаистским храмом и кланяться, отдавая таким образом (по их словам) поклон императору. Чего, естественно, русский посол не стал делать [15, с. 176, 185].

На следующий день Байков столкнулся с новыми «нюансами» китайской дипломатии: «ближние люди императора» потребовали передать им «подарки», предназначенные для «Сына Неба». Однако, следуя предписаниям наказа, он отказался сделать это. После долгих споров и заверения цинских властей о том, что русский посол будет допущен «на аудиенцию к Сыну Неба» для вручения ему «государевой грамоты», Ф. И. Байков отдал 4 марта 1656 года «подарки по росписи» [15, с. 177]. Однако вместо встречи с императором, его пригласили привезти 6 марта 1656 года «государеву грамоту» в Палату внешних сношений (Лифаньюань — Авт.). Но русский посол вновь отказался сделать это, заявив чиновникам, что он «прислан ...от великого государя к вашему царю, а не к вам, приказным людем» [15, с. 177].

Подобное поведение русского посла обусловило негативное отношение к нему причастных к переговорам чиновников и цинского правительства в целом. В силу этого, он, согласно источникам, был переведен в «другое помещение», где и находился с апреля по август месяца 1654 года. За этот период нет каких-либо сведений о жизни русского посла в Пекине и его переговорах. Лишь в день прибытия в Пекин голландского посольства во главе с Нейгофом — 7 июля 1656 года, имеются упоминания о встрече голландцев с от-

дельными членами посольской миссии Ф. И. Байкова [7, с. 93]. Хотя, как отмечает Л. И. Думан, трудно предположить, что в течение этого времени русский посол ни разу не встречался с представителями цинского правительства. Скорее всего, он предпочел не писать обо всем, что могло бы бросить тень на его поведение в Пекине и вызвать «неудовольствие в Москве» [8, с. 280].

Возобновились переговоры, как следует из статейных списков (они существуют в двух вариантах — Авт.) лишь 12 августа 1656 года. Именно в этот день Ф. И. Байков был приглашен в «приказ для того, чтобы...посмотреть, как [надо] кланяться царю» [15, с. 177]. Это же, согласно китайской традиции, следовало делать «троекратным земным поклоном, стоя на коленях». Выполнять предложенное, Байков вновь отказался мотивируя, что «не быв у вашего царя, в приказ мне ехать негоже» [15, с. 186].

Несговорчивость русского посла обозлила цинских чиновников и они, согласно статейному его списку (второй вариант — Авт.) стали угрожать ему. «Царь, — говорили они, — ...тебя велит казнить, [потому, что] ты царева указу не слушаешь» [15, с. 187]. В ответ на это Байков говорил, что его они могут казнить, но я «царя вашего очей не видев, к вам, приказным людем, в приказ не поеду и государевы...грамоты вам не отдам» [15, с. 187].

Вышеприведенные ответы посла воочию демонстрируют стойкость русского посла, его верность наказу, данного царем, даже перед лицом смерти. Столкнувшись с непреклонностью Байкова, Пекин вернул ему, сославшись на приказ «Сына Неба», «любительные поминки». «Ты, — разъясняли чиновники суть решения своего императора, — царя нашего...повеления ни в чем не слушал... в приказ... ты с государевою грамотою к приказным [его] людем не поехал и по нашему, припадши на колено, не кланялся» [15, с. 178, 187].

Итог такого послования мог быть только один: высылка посла ни с чем из страны. Так оно и случилось. 4 сентября 1656 года Ф. И. Байков был выслан из Пекина, не выполнив ни по одному пункту московский наказ. Покидая страну, он подметил, что «выслали его не само вежливо и царскому величеству чести никакой не учинили» [15, с. 178]. Обдумывая на обратном пути все произошедшее в Пекине, глава миссии понимал, что невыполнение возложенного на него задания добром ему не обойдется, хотя его вины в случившемся, т.е. в провале посольской миссии, нет. Поэтому взвесив все «за» и «против», он решил (уже в девяти днях пути от Пекина — Авт.) пойти на компромисс с цинскими властями. Приняв такое решение, он тайно посыпал в Пекин слугу индийского купца, находившегося в Байковском посольстве, с сообщением, что признает «свою вину за нарушение повелений императора» и готов выполнить его волю. А для этого прошу. «...чтоб... ныне ваш царь пожаловал и велел меня с государевою грамотою и с казной взять [меня] назад к себе в Канбалык, а я... повеление царя вашего во всем стану слушать» [15, с. 180].

И Пекин откликнулся на «предложение» Ф. И. Байкова: 19 сентября 1656 года русского посла догнал императорский гонец и сообщил ему, что он прибыл, дабы лично услышать от него («Сын Неба» не поверил словам байковского посланца — Авт.) «...поедешь ли [ты] в приказ...к царевым людем и государя соего любитеную грамоту, которая прислана к нашему царю, с собою к приказным людем принесешь ли, и по нашей вере припадши...на колено, кланяется станешь ли?» [15, с.180]. Получив от Байкова положительные ответы на все заданные вопросы, гонец тут же ускакал в Пекин.

Спустя неделю, 25 сентября 1656 года — Байкова в очередной раз нагнали цинские гонцы и их «старшой» сообщил послу, что император, будучи оскорблен поведением русского посла, не дал согласия на его возвращение в Пекин для продолжения переговоров. В заключение он передал русскому послу не очень лестный отзыв императора о Ф. И. Байкове [15, с. 180-181]. Суть его в полной мере отразили источники. В их числе статейный список Ф. И. Байкова, а также грамота ойратского тайджи Аблая царю Алексею Михайловичу (март 1657 г. — Авт.). Кстати, последняя подчеркивает, что причина «нелюбови» цинского императора к русскому послу заключается в том, что он «...государеву грамоту китайского царя людем не отдал, а просился с тою, государевою грамотою к самому [ихнему] царю» [15, с. 217]. Эту и другие причины «не посольского поведения» Ф. И. Байкова отмечают и китайские источники, в частности, уже неоднократно упоминавшаяся выше «Хроника правления всех государей великой Цин». Ее «нелюбовь» к нему, похоже, стала и причиной того, что даже «Хроника» всегда скрупулезно фиксировавшая приезд в Китай иностранных послов, миссии Ф. И. Байкова положенного внимания не уделила. Непонятно почему, но свидетельство о его визите датировано в «Хронике», во-первых, 10 июня 1660 года, а во-вторых, оно посвящено не только посольской миссии Ф. И. Байкова, но и еще двум русским посольствам, не имеющим никакого отношения к визиту первого в Китай. Чтобы подтвердить это, приведем сообщение «Хроники», перевод которого был осуществлен советским исследователем Л. И. Думаном. «Прежде, — свидетельствует оно, — в 12-й год Шуньчжи (т.е. 1655 г.), Белый царь («Чагань-хан») Русского государства направил посла спросить о здоровье [нашего императора, представил дань местными изделиями, но не имел грамоты (в данном случае, как справедливо отмечал в свое время переводчик, речь идет о П. Ярыжкине и С. Аблине, которых, как уже упоминалось выше) отправил в Пекин Ф. И. Байков). Так как он [русский царь], впервые представил [нам] дань [мы] наградили и отправили его[посла] обратно. Вместе с тем, [мы] пожаловали грамоту, приказав каждый год вносить дань».

Впоследствии, в 130-м году (1656 г.), снова прибыл [русский] посол (Ф. И. Байков). Хотя [он] имел грамоту, но действовал [он] по обрядам своей страны, стоя вручил грамоту (источник ис-

кажает факты: грамоты Ф. И. Байков не вручал) и не встал на колени для поклона. Тогда Палата (видимо, Лифаньюань — Палата по делам вассальных территорий): «[Так как] прибывший посол не понимает посольского церемониала, [то его] не следует допускать на аудиенцию к императору, отказать в [в приеме от] него дани и вернуть его обратно» [8, с. 282]... Через год, Белый царь вновь отправил [своего] посланца (речь идет об И. С.Перфильеве и С. Аблине, посланных в Китай в 1658 г. — Авт.), который захватил с собою грамоту и дань. В дороге находился три года и только к этому времени прибыл [к нам] (выше отмечалось — это сообщение в «Хронике» датировано 10 июня 1660 г. Минус «три года в пути» — получается 1657 г. Однако китайцы не следуют нашему летосчислению и в грамоте ошибочно назван 7165 г., а надо 7166 г. — Авт.).

...Себя [царь] называет великим ханом, в словах [грамоты] много нескромности... [Все это мы] передали на решение (на суд) князей и сановников... [Они] ...высказались за то, что следует выслать его посланника и отказать [в приеме] дани. [Когда] доклад об этом был представлен, получен указ [императора]: «Белый царь, хотя и является [лишь] главой племен, [он] самонадеян, а грамота [его] кичливая и нескромная. Однако иноzemное владение следует цивилизации (естественно, китайской — Авт.). [Но нам] надлежит быть снисходительным, чтобы показать [наши] мягкость и уступчивость.

Россия находится далеко на западной окраине (безусловно, Цинской империи), [она] недостаточно цивилизована. И вот [то, что она], смогла прислать посла с грамотой, [в этом] также видно искреннее стремление [ее правителя] к выполнению [своего] долга (естественно, долга вассала перед сузереном — Авт.).

[Что касается] прибывшего посла, [то] приказать этой палате (опять-таки, Лифаньюань — Авт.) дать [для него] банкет и дань, [им привезенную], проверив [по описи], принять. Белого царя и его посла соразмерно наградить [подарками]. Однако не следует отправлять с послом ответной грамоты. Ваше ведомство (видимо, Лифаньюань — Авт.) может не допустить [посла] на аудиенцию по той причине, что их грамота [по содержанию] кичлива и непочтительна. Указать об этом посолу и вернуть его обратно» [13, гл. 135, с. 26-За].

Основываясь на содержании процитированного выше перевода текста, нашедшего отражение в «Хронике», можно вполне определено говорить о предвзятом отношении цинского Китая к Русскому государству. Его правитель относится к России не как к равноправному партнеру, а как сузерен к вассалу. Порукой тому — все высказанные «Сыном Неба» претензии в адрес российского правителя — «Чагань-хана». С точки зрения китайского богдыхана, последний не имеет права именоваться «великим ханом», а только лишь «главой или вождем племени», ибо «его страна затерялась где-то на западной окраине» Китайской империи и она не является «просвещенным государством», он не может пользоваться своим

летосчислением (оно существенно отличается от китайского — *Авт.*) и т.д. В ситуации, которую преподносит читателю китайский источник, лишь одно утешает «Сына Неба»: а именно стремление «Белого русского царя к цивилизации» и его «искреннее стремление выполнить свой долг вассала», что и он доказал присылкой «Сыну Неба» своей грамоты и дани».

Таким образом, подводя итог вышеописанному «Хроникой» эпизоду, можно с полным правом говорить об неуважительном отношении китайского источника к Русскому государству, ибо он характеризует все три посланные Москвой посольства к Сыну Неба как миссии «вассального государства, пославшего дань Цинской империи». Но последний, подчеркивает китайский источник, «гуманен, мягок и уступчив» по отношению к «заблуждающемуся вассалу», а потому и «благосклонно» принимает от него «дань» в знак того, что правитель Цинской империи не отказывается от выражения «Чагань-ханом» верноподданнических чувств и с верой, что последний будет и «в дальнейшем предан и послушен [нам]». Но, проявив к нему «свою гуманность», «Сын Неба», то же время, счел необходимым «строго» напомнить правителю «Олосыго», что в следующий раз он уже не простит нарушения последним норм «поведения вассалом». В противном случае, его посол не будет допущен Пекином до «аудиенции», а грамота «Чагань-хана» не будет принята [8, с. 283].

Говоря о процитированном выше сообщении китайского источника, а также о включенном в него указе цинского императора, следует, хотя бы кратко, сказать об отдельных нюансах, содержащихся в них. Дело в том, что «Хроника», не понятно чем руководствуясь, но совершенно по разному оценила, деятельность и поведение русских послов. Так, к гонцам П. А. Ярыжкину и С. Аблину, а также к П. С. Перфильеву и С. Аблину к китайский источник не предъявляет каких-либо претензий и доставленные ими «поминки» — подарки — («дань» — по китайской терминологии). С первыми даже была отправлена ответная грамота в Москву. А вот к Ф. И. Байкову китайский источник проявил настоящую «нелюбовь». «Хроника» не удостоила русского посла «похвал», а, наоборот, она, обвинила его во всех «смертных грехах»: он не знал и не соблюдал посольский церемониал, принятый в Цинской империи. Не встал, к примеру, (как требовал он) на колени, в силу чего посол не был допущен

к аудиенции с императором, от него не были приняты «поминки» и т.д. За все эти нарушения, как свидетельствует «Хроника», Ф. И. Байков был, в конечном итоге, выслан из страны.

Однако его высылка из Китая, по мнению исследователей, мало была связана с поведением русского посла и с невыполнением им посольского церемониала, который в дипломатических отношениях Цинской империи со странами «варваров», без преувеличения играл первостепенную роль. Главную причину «нелюбви» Пекина к Ф. И. Байкову многие китаеведы увидели совершенно в другом, а именно: в незнании Цинами того, что же на самом деле представляло собой в данное время Русское государство. Это их «незнание» и проявилось на практике, в использовании ими старой китайской традиции в дипломатических отношениях «с великим северным соседом», продолжая рассматривать его, как и прежде, вассалом Поднебесной империи. Потому-то они так «болезненно» восприняли титулование правителя «Олосыго» «великим государем». Данный титул, по мнению «Сына Неба», может иметь только один человек — это правитель «Чжан-хуа», т.е. цинского Китая.

Словом, первые попытки Русского государства установить дипломатические контакты с последним (учетом направлений внешней политики цинского правительства, практику и методы его дипломатии) завершились для Москвы откровенным провалом. Да другого результата, единодушно отмечают исследователи, и трудно было ожидать. И даже эти, не совсем удачные попытки наладить дипломатические связи с Китаем не были безрезультатными для России. Первые визиты русских послов и торговых людей в Пекин, позволили Москве существенно пополнить свои знания о Цинской империи, изучить, в известной степени, условия для развития с нею торговых контактов. Кроме того, эти визиты, особенно Ф. И. Байкова, показали русскому правительству, что ему предстоит в дальнейшем иметь дело не с «безвестными князьями» — типа «Боробоя, Богдоя или Шамшакана», а правительством «большой и сильной (по тем временам — *Авт.*) державы», которая располагает сложившимся, достаточно стройной системой дипломатии и устоявшимся в ней посольским церемониалом, который представители русского дипломатического корпуса обязаны хорошо изучить, чтобы не иметь негативных результатов в последующем.

Библиографический список

1. Зуев А. С. Сибирь: вехи истории / А. С. Зуев. — Новосибирск, 1999.
2. Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.) / В. А. Александров. — М., 1969.
3. Думан Л. И. Внешнеполитические связи древнего Китая и истоки даннической системы / Л. И. Думан. // Китай и соседи. — М., 1970.
4. Ганболд О.М., Модоров Н.С. Из истории завоевания маньчжурами Северной Монголии (первая половина XVII в.)/О.М.Ганболд, Н.С.Модоров.//Мир Евразии. № 2. — Горно-Алтайск, 2008.
5. Да Цин Тайцун Вэньхуанди шилу (Хроника правления императора Тайцзуна великой династии Цин). — Токио, 1937. Здесь и далее использованы переводы В. А. Моисеева.
6. Бантыш-Каменский Н. Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год / Н. Н. Бантыш-Каменский. — Казань, 1882 г.
7. Демидова Н. Ф., Мясников В. С. О датировке грамот китайских императоров минской династии царю Михаилу Федоровичу // Проблемы востоковедения. 1960. № 1.

8. Внешняя политика государства Цин в XVII в. — М., 1977.
9. Дацышен В. Г., Модоров Н. С. Из истории становления Маньчжурского государства Цин и его взаимоотношений с соседями в XVII — начале XVIII вв. / В. Г. Дацышен, Н. С. Модоров // Мир Евразии. — Горно-Алтайск, 2009. □1.
10. Н. С. Модоров, В. Г. Дацышен. Народы Саяно-Алтая и Северо-Западной Монголии в борьбе с цинской агрессией. 1644-1758 гг. / Н. С. Модоров, В. Г. Дацышен. — Горно-Алтайск—Красноярск, 2009.
11. Да Цин Тайцзу Гоухуанди шилу (Хроника правления императора Тайцзу великой династии Цин). — Токио, 1937.
12. История Монгольской Народной Республики. — М., 1983.
13. Да Цин Шинцзу Чжанхуанди шилу (Хроника правления императора Шинцзу великой династии Цин). — Токио, 1937.
14. Хаунчаго Фань бу яо люе (Краткий свод основных данных о вассальных племенах при царствующей династии). Сост. Шоу Ян и Ци Юнь-ши.[б.м.]. 1884.
15. Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и док-ту. Т.1. 1608-1683. — М., 1969.

V. G. Dachishen, N. S. Modorov

Сибирский федеральный университет,
Горно-Алтайский государственный университет
Получено 17.04.10.

THE EMBASSY OF F.I.BAYKOV TY THE CHINA AND HIS RESULTS (1654-1658 YEARS)

In article, on the basis paper written publications (native and foreign) and archive materials throw light the history of embassy of F.I.Baykov ty the China and his results (1654-1658 years).

Central Asia, Russian state, China, diplomatic relations, embassy of F.I.Baykov, finally results.

УДК 902

Э. П. Дворников

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД: ТЕОРИЯ, СТРУКТУРА, ЭТАПЫ

Работа посвящена анализу исследований по теории погребального обряда, определению его структуры и этапов.

обряд, религия, некрополь, культура

Представленная работа является продолжением серии статей, посвященных теории погребального обряда. Как мы уже отмечали ранее, для археолога понятие «погребальный обряд» — вещь более или менее очевидная. Археологи, как известно, изучают погребальный обряд как овеществлённый остаток погребальной церемонии, которая формируется при неком среднем этапе погребального церемониала и в процессе собственно похорон.

Изучение археологических культур во многих случаях ведётся специалистами на основе анализа погребального обряда какого-либо конкретного общества. Это связано с тем, что другие типы памятников, кроме погребений либо неизвестны ученым, либо исследованы ими в недостаточной степени. Погребальный обряд, согласно уставившейся в науке практике, можно рассматривать в двух аспектах: знаково-символическом и структурно-аналитическом. В первом случае исследователю предполагается давать семантическую интерпретацию зафиксированному явлению, а во втором — анализировать отдельные части погребального ритуала, которые, в свою очередь, тоже представляют систему реализованных определенным образом элементов. Используя такой подход к погребальному ритуалу, можно реконструировать разные стороны жизнедеятельности древних людей [1]. В то же время многие захоронения часто бывают ограблены и разрушены. В результате этого, погребальный памятник, как тип сооружения с конкретными конструктивными особенностями, становится единственным источником информации о культуре древнего народа.

Интерес к проблеме погребального обряда обозначился, как известно, не вчера. История его научного изучения составляет, по крайней мере, три века. Материалисты XVIII-XIX вв. видели в погребальном обряде проявление древнейшей формы религии [2, с. 22] В этот же самый период начинает формироваться и новое направление в науке, позднее обозначенное как этноархеология. Исследователи отметили важность сопоставления археологических и этнографических материалов, в том числе при реконструкции погребального обряда. Изучением погребальной обрядности по материалам этнографии народов Сибири в первой половине XX века занимались такие исследователи, как Л. Я. Штернберг, А. П. Дульzon, Е. Д. Прокофьева, В. Н. Чернецов [2, с. 23]. Особое место в этой плеяде исследователей, бесспорно, занимает Л. Я. Штернберг, посвятивший изучению истории религии цикл классических работ. Изложение своих взглядов на возникновение и развитие религиозных верований он начал в свое время следующими словами: «Современные религиозные представления даже самых низших племен... представляют... цельную и глубокую систему, возникшую путем сложной работы мысли», что не подлежит никакому сомнению. А раз это так, то Л. Я. Штернберг начинает выяснять, как же формируется эта система? Мыслительный аппарат первобытного человека, по мнению автора, был устроен у нашего далекого предка точно так же, как и наш. Процесс мышления у него происходил по тем же самым законам, что и у нас. Подобного рода утверждения показали, что

Л. Я. Штернберг — это решительный противник теорий, признающих мышление первобытного человека принципиально отличным от мышления человека цивилизованного. Говоря далее о первобытном человеке, учёный добавляет, что его «я» — это единственное существо, которое он лучше всего знает, поэтому от него, как от известного, он идет ко всему неизвестному, объясняя последнее по аналогии с самим собой. Именно так — от себя к окружающему миру — шел и первобытный человек по пути своих религиозных построений. Стимулом же для этого у него было естественное стремление к самосохранению в борьбе за свое существование. Именно так и складывалось мировоззрение первобытного человека. Единственным критерием познания «первобытного анимиста», и это мы ныне знаем вполне определенно, было «его собственное я, его собственные ощущения, которым он, безусловно, доверял и руководствовался. Его философией являлся сенсуалистический монизм. Все окружающее — он уподоблял себе».

Появление же первой классификации погребальной обрядности принято, как известно, связывать с научной деятельностью отечественного этнографа С. А. Токарева. Обсуждаемой проблеме им посвящены следующие его работы: «Проблемы изучения ранних форм религии в советской науке», «Религии в истории народов мира» и др. Их анализ показывает, что Сергей Александрович, отказавшись от анимистической теории своих предшественников, наглядно показал в своих работах, что такие явления как анимизм, фетишизм, магия не следует рассматривать в качестве самостоятельных форм религии. Анимизм, согласно его утверждениям, является собой неотъемлемую составную часть любой религии, особенно тех, которые наиболее развиты и признаны сложными религиями. «Периода анимизма», утверждает учёный, никогда не было. Присыпывание же сверхъестественных свойств неодушевленным (а иногда и одушевленным) предметам и поклонение им, т.е. то, что называют фетишизмом, — это свойственно любой религии. То же относится и к магии, поскольку, и она присуща всякой религии.

Рассматривая проблему исторической преемственности форм религии, С. А. Токарев возражал против восходящих к эволюционизму попыток «расположить» формы религии в строго последовательный ряд. Иначе говоря, все это было решительным разрывом с эволюционистской традицией советского религиоведения. Поступая таким образом, С. А. Токарев исходил из марксистского положения, согласно которому религия как одна из форм общественного сознания в своем возникновении и развитии отражает различные стороны жизни общества. При этом, он признавал, однако, что нельзя отрицать и генетической связи между верованиями: Новые религиозные представления, порождаемые изменившимися условиями, подчеркивал он, складываются чаще всего из традиционного материала. И все же, несмотря на генетическую преемственность, каждая форма религии, заявлял учёный, вырастает из собственных своих корней, отражает определенные условия жизни первобытного человечества.

Одной из древнейших форм первобытной религии, полагал С. А. Токарев, был тотемизм, т.е. вера в то, что группы людей (роды) связаны сверхъестественным родством с определенными видами животных, растений, предметов. Не меньшую древность, указывал он, имеют лечебная, вредоносная и половая магия. К древнейшим он относил и верования, связанные со смертью, а также погребальный культ. На поздних этапах родового строя появляются, писал он, родовые культуры предков, культуры «тайных союзов», развивается шаманизм. Для раннеклассового общества характерны были, по его мнению, культуры вождей, племенных богов. Уже с самых древних времен, подчеркивал он, в первобытных общинах выделялись люди, руководившие выполнением религиозных обрядов, специалисты в области магии и культа.

Словом, попытка С. А. Токарева выделить наиболее раннюю совокупность форм религии, отражающих различные стороны жизни первобытного общества, безусловно, заслуживает внимания. Правда, эти формы у него предстают скорее механической совокупностью, нежели органической целостностью, как это, вероятнее всего, и было в действительности. И когда мы говорим сегодня о происхождении религии, проблему следует ставить несколько по-иному, т. е. речь должна, скорее всего, идти не о первоначальной форме, или формах религии, а о некоей первичной целостности, из которой вырастают со временем все более разнообразные и сложные формы религии, отражающие развитие и усложнение самой первобытной социальности [3].

Не оставил без внимания С. А. Токарев и вопросы погребальных культов и погребальных обычаев. Исследователь вполне определенно указал на причины формирования погребения как следствия животного инстинкта опрятности и инстинктивно-эмоционального переживания. Мотивация погребения, согласно С. А. Токареву, обусловлена двумя моментами: а) стремлением удалить умерших от живых и б) привязанностью и уважением к их памяти. Учёным дана при этом и классификация способов погребения в зависимости от мотивации (оставление, выбрасывание трупа, кремация, эндоканнибализм, мумификация и пр.) [3].

Внес свою лепту в изучение интересующих нас проблем (на примере неандертальских погребений) и исследователь Ю. А. Смирнов, объяснивший механизм интересующих нас «явлений», как совместное действие двух противоположных факторов: заботы о члене своего коллектива, возникшей в результате осознания его единства, и, в то же время, страхом перед мертвыми. Так, захоронения костей медведя в пещерах мустерьской эпохи (Драхенлох, Петерсхеле и др.) Ю. А. Смирнов связывает с зоофагическими праздниками типа медвежьих (известных у народов Сибири — Э. Д.), с ритуальной заботой о черепе и костях животных, с продуцирующей обрядностью, направленной на воскрешение, «возвращение» убитого зверя. В этих случаях привлечение сравнительного этнографического материала, относящегося к народам, которые находились в недавнем прошлом

на сравнительно низком уровне социального развития, делает такую интерпретацию древних памятников достаточно правдоподобной [4].

Однако с такой постановкой вопроса согласились не все исследователи. В частности, Ю. И. Семенов, отринувший религиозное содержание первобытной мифологии на том основании, что мифические существа, якобы, не оказывали на жизнь людей никакого влияния [5], что, на наш взгляд, безусловно, неверно. В мифологии, как известно, нашла свое отражение вера людей в реальное существование демиургов, культурных героев, существ, воплощавших разрушительные или созидающие силы природы, — вера людей в то, что эти мифические образы оказывают на их жизнь самое непосредственное воздействие.

Нельзя обойти вниманием постановку вопросов о генезисе представлений об «ином мире», становление первобытной мифологии в русле зарождающихся религиозных представлений, с которой выступил И. В. Бестужев-Лада. В частности, рассмотрение им появление возможности заботиться о заболевших и умерших, в связи с экономическими факторами, присутствие их образов в снах. Вопрос о смерти был вплетен им в систему первобытной мифологии в русле зарождающихся религиозных представлений [5, с. 122-123].

Наряду с отечественной, в середине XX века складывается и американская школа археологии («процессуальная» или «новая археология»), в основе которой лежало стремление объяснить прошлое на основе материальных источников. В связи с этим, археология соединялась с антропологическими науками, теоретической базой которых являлся эволюционизм. Лидер этой «новой археологии» — Л. Бинфорд — предлагал использовать теорию системного анализа для реконструкции жизни древних обществ. По его мнению, главная задача археологии заключается в реконструкции исторической культуры и далее реконструкция культурных процессов в пространстве и времени [6]. В середине 1970 годов получило развитие социоархеологическое направление археологии в СССР (В. М. Массон, В. А. Алексин). Масон теоретически разработал связь погребального обряда с социальной стратификацией общества. Он предлагал учитывать физические затраты на возведение некрополей [7, с. 3-8].

В 1986 году выходит в свет статья В. С. Ольховского о содержании и структуре погребально-го обряда. Им дано определение терминов «погребальный памятник» и «погребальный обряд» [8, с. 65-76].

Наибольшее число публикаций по теории погребального обряда приходится на 1990-е гг.: специальный выпуск «Кратких сообщений Института истории материальной культуры», междисциплинарный сборник «История исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд»; коллективная монография киевских ученых во главе с В. Ф. Генингом «Формально-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников)». Разворачивается дискуссия на страницах журнала «Российская археология» в 1990-е гг. (1993, 1995, 1997).

Проявляется немалый интерес к проблемам погребальной обрядности, выразившийся в ряда тематических конференций («Смерть в духовном опыте человечества», «Жизнь. Смерть. Бессмертие», 1993), научных сборниках («Смерть как феномен культуры» (г. Сыктывкар, 1994), монографиях (Ю. А. Смирнов. Морфология преднамеренного погребения (1997) и т. д.

Обобщающим трудом в этом ряду, безусловно, стал 4-х томный коллективный труд «Очерки культурогенеза народов Западной Сибири». Особенно интересен для нас стал второй том, который посвящен миру реальному и потустороннему. Во вводной части вышеизданного тома речь идет об ключевой части проблемы вовравшей в себя «погребальный обряд». Историкам-археологам данное понятие, с одной стороны, настолько привычно и понятно, что говорить особо о нем не приходится, а с другой, — оно столь же не-определенко, размыто, что оно даже как-то выходит за рамки археологической методики. Как мы обозначили выше, еще В. С. Ольховский отметил в свое время в своей работе, что погребальным обрядом занимается половина археологов и имеет некоторое понятие об аспектах проблемы. Для многих, к сожалению, «погребальный обряд» и «погребальный памятник» понятия синонимы. В силу этого, проблемы начинают возникать для них уже на первой стадии изучения источника обряда, то есть погребального объекта. Археолог изучает, как известно, набор предметов. Он же может быть примерно одинаков в рамках культуры или различен даже на одном могильнике. И здесь исследователи начинают, образно говоря, «плодить» бесконечные варианты культуры. Мы очень часто не учтываем тот момент, что многие вещи особенно органические могли просто не сохраняться. На международном симпозиуме, организованном ЮНЕСКО в Горно-Алтайске, ректор Алтайского государственного университета Ю. Ф. Кирюшин на столь высоком археологическом форуме наряду с проблемами сохранения историко-культурного наследия поднял вопрос о необходимости изучения и сопоставления материалов из «замороженных» и «незамороженных» погребений Горного Алтая. Как отмечает исследователь «было бы неправильным ограничить изучением скифской эпохи исследованием отдельных находок или могил даже таких уникальных, как Пазырыкские курганы или некрополи на плато Укок». По мнению Ю. Ф. Кирюшина материалы из рядовых курганов скифской эпохи могут быть не просто дополнением инвентарного комплекса пазырыкцев, но и транслировать общую историю скифского населения. Важен и факт массовости и иногда уникальности некоторых предметов фиксируемых на периферии пазырыкской культуры, например на памятниках Тыткескень, но отсутствующих на Башадарских и Туектинских некрополях, в элитных погребениях пазырыкцев.

Подводя промежуточный итог развития теории погребального обряда, отметим, что проблема появления погребального обряда, как культурного явления, занимает определенное место в научной литературе. В частности, в XIX веке ани-

мистическая теория зарождения обряда во главу угла определяла страх перед мертвцом и его душой, что в последствии и породило культ предков. Значит, погребальная обрядность является результатом страха и необходимости защиты от умершего. В последующем стал преобладать социальный фактор значения обряда, а именно урегулирование смятения в сознании и постепенное осознание факта смерти человека. Даже в наше время человек не видящий факт похорон родственника, где-то подсознательно считает, что он жив. Существует и ещё одна трактовка погребального обряда как обязательного условия для перехода в иной мир. Мы поддерживаем позицию исследователя В. И. Семеновой и отмечаем очень подробное изложение приведённых концепций в докторской работе (2006 г.).

Ещё в 1975 году В. П. Дьяконовой была предложена структура погребального обряда включающая действия до похорон, похороны, после похорон. Она же отметила основные смысловые блоки, которые могут быть выражены либо этнографически, либо археологически и будут полезны при создании моделей обрядности.

I. Обряды предпохоронного цикла.

Они выражают отношение к умершему до похорон. Очевидно, что ритуальные действия этой стадии не всегда или не в полной мере могут фиксироваться археологией, но вполне доступны археологическому обследованию. Исследовательница предлагает блоки основных вопросов, на которые нужно обратить внимание

1. Признаки смерти и причины (в результате болезни или без неё).

2. Размещение умершего или больного. Обращение с умершими. Наличие или отсутствие изоляции (наложение маски, связывание).

3. Существование или отсутствие, каких либо способов общения членов коллектива, связанных со смертью.

4. Выделение или отсутствие промежутка времени между смертью и захоронением.

5. Форма и прощание с умершим. Траур.

6. Погребальная одежда (форма и ситуативная обусловленность).

7. Наличие или отсутствие ритуала очищения у умершего.

8. Выбор и подготовка места захоронения. Пространственное выделение и планировка могильника. Наличие ограждения. Расположения могильника относительно места поселения.

Библиографический список

- Алексин В. А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. — Л.: Наука, 1986. 190 с.
- Семёнова В. И. Мировоззренческие истоки погребальной обрядности в культуре народов Западной Сибири в эпоху средневековья. Автореферат докторской диссертации на соискание степени доктора культурологии. — Кемерово, 2006.
- Токарев С. А. Проблемы изучения ранних форм религий в советской науке. — М., 1964.
- Смирнов Ю. А. Мустьерские погребения Евразии: Возникновение погребальной практики и основы тафологии. — М.: Наука, 1991. 341 с.
- Бестужев-Лада И. В Развитие представлений о будущем: первые шаги. (Презентизм первобытного мышления) // Советская этнография. 1968. № 5.
- Binford L. R Archeological systematics and the study of culture process. — American Antiquity 31, 1965.
- Массон В. М. Культура в понятийном аппарате археологии // Южная Сибирь в скандинавскую эпоху. — Кемерово, 1976.
- Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // Советская археология. № 1. 1986.

9. Оформление места предстоящего захоронения (внутримогильные конструкции, наземные сооружения).

Признаки, обозначенные в последних двух пунктах, фиксируются археологами всегда, этнографами иногда, что оказывается ошибочно на археологических реконструкциях.

II. Похороны.

1. Круг лиц участвующих в похоронах.

2. Способ доставления умершего к месту похорон. Действия над транспортными животными.

3. Способ захоронения. Положение и ориентировка умершего.

4. Действия сопровождающие захоронение. Его атрибутика и символика (сопроводительный инвентарь, напутственная пища)

5. Представления о месте, устройстве загробного мира пути к нему.

6. Действия, завершающие захоронение. Тризна. Его атрибутика и объяснение.

III. Послепохоронные обряды.

1. Представления о дальнейшей судьбе умершего. Действия, предпринимаемые в связи с этим. Отношение живых к возможному посещению их покойными.

2. Посещение погребённого. Их периодичность, окончание и атрибутика.

3. Отношение к одежде и жилищу умершего.

4. Круг лиц, которые не заслужили поминальных обрядов.

Последний этап в основном является объектом этнографического исследования, но отдельные элементы вполне доступны археологическому изучению.

В целом представленная схема «работает» и сейчас, имеются, конечно, некоторые дополнения, но в целом структура, предложенная более 30 лет назад, остаётся актуальной и применимой при изучении обрядов любой из культур. Следует отметить так же и тот факт, что археологическая методика, на сегодняшний день не должна ограничиваться изучением материальных остатков погребальной церемонии, поскольку это лишь второй этап анализируемой структуры. Для восстановления модели обряда, начиная со смерти человека и заканчивая поминальной тризной, следует применять этнографические методики, анализ обрядов ныне живущих этносов. Лишь в комплексном подходе залог глубокого и развернутого изучения погребального обряда.

E.P.Dvornikov

FUNERAL CEREMONY: THEORY, STRUCTURE, STAGES

Work is sacred to the analysis of researches on the theory of funeral ceremony, determination of his structure and stages.

ceremony, religion, necropolis, culture

УДК 391/395

H. B. Екеев

К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АЛТАЙЦЕВ (Х — СЕРЕДИНА XVIII ВВ.)

В статье на основе опубликованных летописных (монгольских, персидских, китайских) и нарративных (алтайских легенд) источников и накопленного опыта исторических исследований предпринята попытка рассмотрения основных этапов этнополитической истории алтайцев с X до середины XVIII вв.

Центральная Азия, Алтай, средневековые, этнополитические образования (тумены, ханства), теленгуты, тэлесы, ойротские племена, алтайцы

Вопросы этнополитической истории алтайцев, как и других народов страны, относятся к сложным проблемам отечественной исторической науки. Конец XX — начало XXI вв. ознаменовалась публикацией серии научных трудов по этнической и политической истории тюрко-монгольских народов от раннего средневековья до нового времени. В их числе работы по истории башкир (Н. В. Бикбулатов, Р. З. Янгузин), татар (Д. М. Исхаков), тувинцев (М. Х. Маннай-оол), хакасов (В. Я. Бутанаев), якутов (А. И. Гоголев), бурят (Б. Р. Зориктуев, Д. Д. Нимаев), калмыков (Г. О. Авляев, В. П. Санчиров), казахов (С. М. Ахинжанов, Б. Е. Кумеков, Ж. О. Артыкбаев), кыргызов (А. А. Асанканов, Т. О. Бейшениалиев), а также общие труды по истории государств и народов Евразии (О. Ф. Акимушкин, С. Г. Кляшторный, Л. Р. Кызыласов, Е. И. Кычанов, Т. И. Султанов, В. В. Трепавлов и др.).

Отдельные аспекты этнополитической истории алтайцев интересуемого периода, главным образом XVII-XIX вв., рассматривались в работах Л. П. Потапова, А. П. Уманского, Н. С. Модорова, В. Н. Владимириова, В. А. Моисеева, Г. П. Самаева, А. Ш. Кадырбаева, Л. И. Шерстовой и других исследователей. Все предыдущие и современные исследователи сталкивались и до сих пор испытывают объективную трудность, обусловленную тем, что история Алтая и соседнего Верхнего Приобья периода средневековья практически не освещается в письменных источниках того времени. Объясняется тем, что указанные территории находились в большом удалении от политических и культурных центров государств киданей, чжурчженей и, наконец, монголов и тюрков во главе с Чингисханом и его потомками (чингизитами) на востоке (Монголия, Китай), юге (Монголистан) и на западе (Золотая орда). Имеются лишь единичные факты, отразившиеся в монгольских, китайских и мусульманских летописях. Более конкретные сведения о племенах и народах этих территорий появляются с XVII столетия, в связи с присоединением Западной Сибири в со-

став Русского государства. Вторая, трудность связана со слабой разработанностью проблем этнической и политической истории народов Алтая-Саянского региона, в особенности енисейских кыргызов и ойратов (калмаков), с которыми предки современных алтайцев (теленгуты, тэлесы) состояли в этническом родстве и тесно взаимодействовали или входили в общие этнополитические объединения (тумены, ханства) на протяжении интересуемого времени.

При написании настоящей статьи использованы опубликованные арабо-персидские (Рашид ад-дин, Шараф ад-дин Али Йезди), китайские (Ляо ши, Юань ши), монгольские (Сокровенное сказание, Шара Туджи, Алтан тобчи), калмыцкие и другие летописи, а также ряд документальных материалов, введенных в научный оборот историками предшествующего и современного периодов. Особую группу источников составляют нарративные источники — алтайские легенды и предания, которые до сих пор не подвергались историко-этнографическому анализу. На основе указанных источников, накопленного опыта исследования историков-предшественников и обоснования собственных суждений, автор попытался охарактеризовать в общих чертах этнополитическую историю алтайцев в предложенных хронологических рамках. Данная статья является продолжением авторской публикации, посвященной этнической истории алтайцев более ранних периодов [1]. Учитывая состояние источников и общую канву исторических событий, этнополитическую историю алтайцев удобно рассмотреть в контексте истории этнополитических (государственных) образований Центральной Азии интересуемого периода. Тем более, что в отечественной исторической науке подобный подход и периодизация были ранее уже предложены [2].

Домонгольское время

В X столетии этнополитическая ситуация в Центральной Азии существенно изменилась. В 916 г. правитель киданей Елюй Амбагань со-

вершает поход на запад. Сначала он берет г. Хэдун (Хатун-балык) на Орхоне, затем направляется на Эдзин-гол и Ордос, покоряет тюрков-шато и тухуней. К 924 г. влияние киданей распространялось вплоть до верховьев Иртыша. В 947 г., при Дэгугане — преемнике Елюя Амбаганя, империя киданей стала называться Ляо. В «Ляо ши» (хроника династии Ляо) нет прямых указаний о сражениях киданей с енисейскими кыргызами. По-видимому, к тому времени основная часть енисейских кыргызов покинула Монголию и вернулась в долину Енисея, что в свою очередь привело к переселению племен кештеми/кэсдем (жили на р. Кемчик) [Киселев 1951: 562] и урасутов на территорию Верхнего Приобья, по соседству с теленгутами, тёлэсами и другими племенами.

Согласно «Ляо ши» племена северной Монголии назывались общим именем *цзубу*. Их земли были разделены на три наместничества во главе с представителями из правящих киданьских кланов Елюй и Сяо [3, с. 164]. Скорее всего, киданьские наместничества были образованы на основе трех крупных административных единиц (*бу*), на которые ранее делились завоеванные земли Кыргызского каганата [4, с. 124]. В течение X–XI вв. в северной Монголии (Халхе) сформировались новые этнополитические объединения — ханства керайтов (керайтов), татар, меркитов и найманов. Их государи стали вассалами империи Ляо, а после ее разгрома чжурчжениями перешли в подданство империи Цзинь (Алтан-ханов). Например, в 1175 г. два найманских правителя с 30000 юрт присоединились к империи Цзинь [5, с. 78]. Керайты занимали территорию от долин Толы-Керулэна до Ордоса. Соседями керайтов на севере были меркиты долины Селенги, на востоке — татары Буйр-нора и на западе — найманы. В «Ляо ши» упоминаются также дархаты (около оз. Ко-согола), урянхайцы и дэрбэны (рядом с татарами) [3, с. 165, 168].

В найманские владения входили земли от северного Хангая до верховьев Иртыша. Политическое влияние найманов распространялось и на южные окраины нынешней территории Горного Алтая, потому что в составе их владений указаны Улуг-таг, местности по Сокаяу, горы Элуй-Сираб и другие земли между Синим Иртышем (Кёк Эртиш) и «областью киргизов» [6, с. 150–151]. На современных картах Улуг-таг соответствует горному узлу Табын-богдо-ула, где сходятся хребты Сайлугемский, Катуньский и Алтайин-нуру (Монгольский Алтай). Местность Сокаяу — это верховье долин Ойгора и Кобдо с горным перевалом Суок на пути в бассейн Синего Иртыша. А горы Элуй-Сираб соответствуют горной части бассейна рек Алей и Чарыш (Чараб) на западе Алтая. В «область киргизов» входили, если верить алтайским преданиям, долины Чолушмана и Башкауса. Но основная территория Горного Алтая оставалась под контролем алтайских тюрков — тёэлэсов и телегов (теленгутов). Обширные земли к западу и востоку верхнего течения Оби занимали племена кыпчаков, алтайских тюрков и кыргызов.

В X–XI вв. города — столицы киданьских наместников превратились в крупные торгово-ре-

месленные и культурные центры, где тесно взаимодействовали культуры киданей, керайтов, найманов, уйгуров и согдийцев, «создавая сплав культурных традиций запада и востока» [3, с. 169]. Так, среди киданей (кытаев) процветала буддийская культура, а у керайтов и найманов распространялось христианство несторианского толка [3, с. 168–169]. В целом, на протяжении X–XII вв. киданьская культура оказала заметное влияние на соседние народы Центральной Азии. Оставшиеся в центральной и западной Монголии племена уйгуров-огузов и тюрков-тукю, очевидно, адаптировались в киданьской этнокультурной среде, а некоторые из них восприняли новые киданьские (монгольские) названия. Например, потомки уйгурских племен ёти-огузов и секиз-огузов, кочевавшие на территории между северным Хангаем и Алтаем, стали называться соответственно долонами и найманами [3].

В этнополитической классификации кочевых народов Центральной Азии, предпринятой Рашид-ад-дином (летописец конца XIII — начала XIV вв.), керайты, найманы, киргизы, онгуты и другие, имевшие собственных государей, отнесены к группе народов, у которых «с монгольскими племенами большой связи и родства не было, хотя по типу [облику] и языку они были к ним близки». Во вторую группу Рашид-ад-дин включил народы, «которых в настоящее время называют монголами, однако в начале их название не было таким». В их числе указаны племена Горного Алтая и Верхнего Приобья — теленгуты (теле), тёлэсы, кештеми (кэсдем), урасуты и тасы, а также татары, меркиты, туматы, ойраты и другие племена Саяно-Алтая. Но для племен и народов обоих групп было характерно то, что о происхождении их родов «за давностью времени в подробностях не известно» [6, с. 77, 92, 126]. Летописи сообщают также, что среди теленгутов, урасутов и кештеми «есть много лекарей, которые хорошо знают хирургию и умеют составлять разные лекарства» [8, с. 41]. Они жили «по ту сторону киргизов, [на расстоянии] около одного месяца пути» от г. Хэлина (Каракорума) [9, с. 131].

Монгольское время

В первое десятилетие XIII в. енисейские кыргызы, теленгуты, тёлэсы, и «лесные племена» Алтая-Саянского горного региона были присоединены к Монгольскому государству. Некоторые подробности об этом событии приводятся в летописях Рашид-ад-дина, «Юань ши», «Сокровенное сказание монголов», «Шара Туджи», «Алтан тобчи» Лубсан Данзана и других источниках.

На подступах к Алтаю Чингисхан сначала, в год овцы (1199 г.) разбил в местности Кишил-Баши (совр. Урунгу) найманского Буюрук-хана, заставив его бежать в область Кэм-Кемджиут. А в год мыши (1204) он разгромил войска другого найманского правителя Таян-хана, который умер от ран [6, с. 112, 148]. В год барса (1206) состоялся всемонгольский курултай (съезд) у истоков Онона, на котором Темучина провозгласили Чингисханом. Монгольское войско, согласно древней кочевой традиции, было разделено на пра-

вое, левое крыло и центр. Тумены (10000) делились на тысячи, тысячи — на сотни, а сотни — на десятки [10, с. 100, 103, 111]. На том же курултае Чингисхан дал своему соратнику-тысячнику Хорчи три тысячи бааринов, пополненные тысячами хадаркинов, чиносов и других племен (тоэлэс, теленгут), управляемыми Тагаем и Ашихом, и, образовав из них тумен, сделал его темником [9, с. 117]. Однако вскоре Хорчи попал в плен к туматам. В том же 1206 г. Чингисхан уничтожил найманского Буюрук-хана в местности Сокая и захватил его владение. Сын покойного Таян-хана Кушлук с остатком найманского войска бежал в Семиречье к кара-китайскому гурхану.

В следующем году зайца (1207) Джучи (Чжучи) — старший сын Чингисхана с войском правого крыла был послан для покорения лесных племен. Первым выразил покорность ойратский Кудука-беки, который как знаток лесных народов, стал проводником войск Джучи. Монгольские войска вошли в Шихшит и подчинили тумен-ойратов, тубасов, бурятов, бархунов (баргутов), урсутов (убуссов) и других. Потом Джучи подступил к тумен-кыргызам. Правитель области Еди-Уруна Урус-инал (Идэй-инал), князья Алдиер (Алтай-эрэ) и Олебек-дигин (Ёрёбэк-дигит) пришли с выражением покорности. Джучи овладел народами в лесах «от рода шибир на юг»: кештеми (кэсдэм/кесдин), байт, теленгут (тэлэнг/тенлек/тянълье), тоэлес (тёг?лэс), тас и другими. Правители киргизов и вожди «лесных народов» в знак покорности преподнесли белых кречетов, белых меринов и черных соболей. Чингисхан отдал указанные народы в ведение Джучи [11, с. 184].

В дальнейшем Улус Джучи значительно расширился за счет завоеванных земель Хорезма, Дешт-и-Кыпчака, Булгара и других западных стран. Поэтому еще при жизни Чингисхана и Джучи произошло перераспределение племен Алтая-Саянского региона. Так, племена среднего и верхнего Енисея были отданы младшему сыну Тулую (Толую) — наследнику Коренного улуса монголов, а территории от Хангая до Тарбагатая (найманские владения) вошли в Улус Угэдэя (Огэдэя) — третьего сына Чингисхана, которому отец завещал свой престол [12, с. 50, 123].

Когда на курултае 1229 г. Угэдэя избрали великим ханом (кааном), то территория Алтая вместе с проживавшими там теленгутами, тёлэсами, ойратами и другими племенами, естественно вошла в состав Коренного монгольского улуса. Однако после кончины в 1248 г. Гуюк-каана (сына Угэдэя), благодаря поддержке Бату-хана — сына и наследника Джучи, престол великого хана перешел к Мункэ — старшему сыну Толуя. При Мункэ (правил в 1251-1259 гг.), «войска Угэдэй-каана были разделены и разданы», а территория Алтая передана во владение Ариг-Буги — младшего брата Мункэ. Его «летнее становище было в Алтая, а зимнее — в Теке и Киргизе» [6, с. 201-202, 276]. После кончины Мункэ-каана вновь разгорелась борьба за монгольский престол между его братьями. В 1260 г. одна группировка монгольской знати в г. Кайпине (на востоке Мон-

голии) избрала великим ханом Кубилая, а другая группировка в г. Каракоруме провозгласила великим ханом Ариг-Бугу. В 1260–1264 гг. между ними шла междоусобная война, закончившаяся поражением Ариг-Буги.

События первой половины 1260-х гг. означали начало распада Монгольской империи на самостоятельные государства. Территории с восточной стороны Алтая и «до берегов моря-океана» перешли во владение Кубилая-каана, а земли с западной стороны Алтая и до Амударьи отошли Алгую — правителю Чагатайского улуса. Территория к юго-западу от Амударьи до «ворот Мисра» (Египта) стала владением Хулагу, а земли «Хорезма, Дешт-и-Кыпчака от границ Калялыка [на р. Или] до отдаленных мест Саксина, Хазара, Булгара» и других стран вошли в Улус Джучи. При Бату-хане огромный Улус Джучи (Золотая Орда) был разделен на восточное (левое) и западное (правое) крыла (части): Кёк-Орду и Ак-Орду. В восточное крыло Улуса Джучи вошли земли от Урала до Приаралья на юге и Прииртышья на востоке. После кончины в 1271 г. правителя Чагатайского улуса Барака, князья-чагатайты избрали на ханский престол Кайду (Хайду) — внука Угэдэя. В том же году владения Кубилай-каана на территории Монголии и Китая, провозглашены империей династии Юань со столицей в Дайду (Пекине) [13, с. 177].

Территория Алтая находилась на стыке трех держав чингизитов: Юаньской империи, Чагатайского государства и Золотой Орды. В 1278–1301 гг. за контроль над территорией от Алтая до Хангая постоянно шли войны между армиями Кубилая и Кайду. Так, в 1278 г. на покорение племен Алтая была послана юаньская армия во главе с полководцем Тутухи из племени кипчак. В 1292 и 1295 гг. он несколько раз вторгался в пределы Алтая и подчинил местных князей — сторонников Кайду. После смерти Тутухи юаньской северной армии, состоявшей в основном из воинов-кипчаков, командовал его сын Чжанур, который в 1297 г. нанес поражение войскам Кайду на р. Алей. В результате войн территория Алтая перешла под контроль империи Юань и включена в провинцию Линбэй на севере Монголии [14, с. 229].

После кончины в 1301 г. Кайду-хана началась междоусобная борьба за ханский престол, которая привела к ослаблению и распаду Чагатайского улуса. В 1346 г. погиб Казан-хан, власть которого признавалась во всем Чагатайском государстве. В 1347 г. эмиры восточной части Чагатайского улуса возвели на престол малолетнего Туглуг-Темира, ставшего первым ханом нового государства Моголистан. Но реальное управление делами в государстве осуществляли эмиры (улусбеки) Пуладчи и Камар-ад-дин — родные братья из могущественного племени дуглут. В состав Моголистана входили земли от верховья Иртыша (Тарбагатая) и Семиречья до Восточного Туркестана и Ферганы [15, с. 124]. Основным населением Моголистана были монголы (могулы), состоявшие из племен тюркского и монгольского происхождения: дуглут (доглат), чорас (чарас), барлас,

канглы, карлук, долан и др. Согласно мусульманским летописям XIV–XVII вв. моголы являлись тюркоязычным народом [16, с. 52–65].

В западной части Чагатайского улуса — Мавераннахре правил внук Казан-хана Хусейн. В 1370 г. эмир Тимур (Тамерлан) казнил Хусейна, женился на его вдове из рода Чингисхана и стал основателем собственной династии. Начиная с 1371 по 1425 гг. армия Тимура и его преемника на престоле Улугбека неоднократно вторгались в пределы Моголистана. Особенно сокрушительным был поход армии Тимура в 1390 г., приведший к опустошению Семиречья и Тарбагатая. В 50–60-х гг. XV в. на опустевшие земли Моголистана переселяются из Дешт-и-Кипчака племена узбеков-казаков под предводительством султанов Жаныбека и Кирея. В середине XV в. Моголистан разделился на две самостоятельные части, управлявшиеся двумя противоборствующими ханами, со ставками в Турфане и Кашгаре. В 1503 г. узбекский Шейбани-хан разгромил объединенные войска правителей Моголистана, а захваченных моголов поселил около Хорасана. В итоге моголы потеряли города Сырдарьи и Фергану. Их земли ограничивались теперь оазисами и городами к югу от Тянь-Шаня (Турфан, Чалыш, Аксу, Кашгар, Яркенд и др.). А территорию Семиречья, западного Тянь-Шаня (Иссык-куль, Нарын) и междуречье Чу–Таласа заняли племена кыргызов. С 1521–1522 гг., после разгрома войск могольского Мансур-хана при Арысе, в Семиречье поселились казахские племена [17, с. 241–244, 257–264].

Теперь обратимся к событиям в Дешт-и-Кипчаке. Примерно в 1428–1429 гг. на землях Кёк-Орды возникло государство Шибанидов. При Абулхаир-хане был захвачен ряд городов бассейна Сырдарьи и в 1446 г. столица государства перенесена из г. Чимги-Тура (Тюмени) в г. Сыгнак. В 1447 г. от государства Шибанидов отделился Мангытский юрт, ставший основой Ногайской Орды. Столицей Ногайской Орды был г. Сарайчук на р. Яике, а ее восточные пределы доходили до Иртыша. Согласно русским и мусульманским источникам население Ногайской Орды состояло из множества племенных групп (иль): мангыт, найман (кара-найман), китай, кыпчак, дурмен, минг (телеу-минг), телеу, киргиз, меркит, буркут, аз, баяут, чат, юз и др. [18, с. 237].

Несмотря на бурные события XIII–XIV в. территорию Горного Алтая по-прежнему занимали алтайские тюрки—тёлэсы и родственные им племена. Это подтверждают сведения, отразившиеся в летописи «Зафар-намэ» Шараф-ад-дина Али Йезди (1424–1425 г.). В 1390 г., когда войска эмиров Тимура, преследуя могольского эмира Камар-ад-дина, достигли берега Иртыша, то он «уже переплавился через реку и ушел в сторону Тюлеса (Т?1?S), в чьих лесах, как говорят, водится соболь и горностай». Они обнаружили лодки и плоты, на которых люди Камар-ад-дина переплавились через реку. Эмиры несколько дней оставались на том месте, и «каждый послал своего человека за реку наложить свои клеймо и тамгу на высокие ели, которые росли в тех лесах» [19, с. 159]. Здесь, несомненно, речь идет об извест-

ной переправе через Иртыш, около устья Бухтармы. А территория к северо-востоку от Иртыша (Горный Алтай) со времени арабской летописи «Худуд-ал-алам» (982–983 г.) называлась горной страной Тюлес (Тулас), по имени крупного племени алтайских тюрков — тёлэс.

Соседи алтайских тюрков (тёлэсов) — племена междуречья Оби и Иртыша находились сначала в сфере влияния правителей Кёк-Орды, затем — Ногайской Орды и, наконец, Сибирского ханства, образовавшегося в начале XVI в. [18, с. 226]. По-видимому, между ними и алтайскими тюрками сохранялись тесные культурные связи. А в период обострения отношений правителей Сибирского ханства с южными соседями и русскими казаками часть его населения мигрировала на территорию Верхнего Приобья и Северного Алтая. Косвенным подтверждением тому служит, прежде всего, то, что среди алтайцев имеются этнонимы (названия родов), которые были учтены в составе населения Ногайской Орды, например, телеут (телеу), баяут (баяут), кыпчак, найман/кара-найман, меркит, чагат (чат), юз и аз/таз. Далее, в памятниках фольклора народов Дешт-и-Кыпчака (башкир, ногайцев, татар и др.) и алтайцев, имеются сходства, например, эпические сказания «Алып Манаш» и «Кёзюйке и Байан-Сылу», исторические поэмы о Мырат-бие, Ак-Кёбёке, а также в алтайском фольклоре присутствуют названия мест и рек: Булгайр (Булгар), Урал, Эдил-Яик, Тобул (Тобол), Эртиш и т.д.

В составе объединения дэрбен-ойотов

Со времен походов Чингисхана и его сыновей историческая судьба большинства теленгутов и некоторых других алтайских племен была связана с д?рбен-ойратами. Их тесному сближению способствовал ряд исторических факторов. Прежде всего, следует отметить значительную роль ойратского правителя Кутука-беки (по «Шара Туджи» он был главой хойтов) в мирном подчинении племен Саяно-Алтая Чингисхану. Важным обстоятельством послужило также их совместное нахождение в Улусе Угэдэя, затем в государстве Кайду, а с конца XIII столетия — в составе империи Юань. Немало важную роль сыграла их совместная борьба за самостоятельность и создание собственной государственности в XV–XVII вв. В основе их тесных связей лежало этническое родство некоторых их родов и племен (хоййт~соййт/сойон, кергут~кергил, чорос~тодош), происходивших от древних уйголов и тюрков. Так, например, в родословной Чингисхана есть указание на то, что у Дова-Сохора — потомка Бурте-Чино (пращура монголов) в девятом поколении было четверо сына, которые стали родоначальниками четырех ойратских родов: ёгулет (ёлёт/юлют), багатут (батут), хойт и кергут. Г. Н. Потанин впервые высказал догадку о соответствии двух последних ойратских названий тюркским этнонимам соит и киргиз [20, с. 654]. Среди алтайцев они соответствуют названиям родов сойон и кергил. Благодаря исследованиям Д. Г. Киекбаева установлена закономерность сочетания начальных звуков «с/з» ~ «х/х» в некоторых тюркских и монгольских

языках [21, с. 3-15]. Наглядный тому пример этнонимы соит (сойон) — хойит (хойон), встречающие среди алтайцев, тувинцев, хакасов и бурятов, а также у народов западной Монголии (алтайские урянхайцы, ёлёты, дёрбеты) [22, с. 136-149]. В современных исследованиях приводятся новые факты в пользу происхождение чоросов от древних уйголов [23, с. 37-41].

После изгнания Тогон-Тэмура — последнего императора династии Юань из Пекина (1368 г.) ставка монгольских ханов переносится в Дал-нор, а затем в Каракорум на Орхоне. С этого времени при дворе монгольских ханов-чингизитов усиливается роль ойратских князей. Сначала главной фигурой становится тайши Элютай (Арукттай), возглавлявший ёлэтов (элютов). Он возвел на трон Буин-шару — потомка Тогон-Тэмура. В 1410 г. 500 тыс. китайская армия вторглась в Монголию и разбила порознь войска монгольского хана и Элютая-тайши. Вместо Элютая, лишившегося должности тайши, управление делами в государстве перешло к ойратскому князю Махмуду (Махаму, Хутхи-тоджу) из рода чорос. В 1412 г. Махмуд убил хана Буин-шару и возвел на трон Делбек-хана [24, с. 29]. В 1425 г. Махмуд вынудил Элютая бежать в Китай. После кончины Махмуда его должность и владение наследовал его сын Батула-чингсанг, а после смерти последнего туменами ойратов управлял его сын Тогон (Бахаму). В 1434 г. (либо в 1437 г.) Тогон-тайши убил Элютая и завладел ёлэтами.

После кончины в 1439 г. Делбек-хана престол занял Дайсун-хан (Токто-Буха). В 1440 г., при загадочных обстоятельствах умирает Тогон-тайши, а преемником становится его сын Эсен-тайши. В 1449 г. Эсен-тайши разгромил китайскую армию, пленил Чжу Цичжэня — императора династии Мин и навязал китайцам кабальный договор [25, с. 26]. После убийства Дайсун-хана в 1452 г. Эсен, ставший уже ханом, организовал преследование вассала убитого хана Харгацука (сына Акбарчи), бежавшего вместе с приближенным Инаком Гере в Тукмок, т.е. на юго-восток Дешт-и-Кыпчака [26, с. 190-191]. Ближайшее окружение Эсен-хана составляли его сподвижники Алаг Тэмур-чингсанг из правого крыла ойратов-батутов [27, с. 153], Хатан Тэмур из левого крыла и Абдула (Абдура) Сэцэн — предводитель теленгутов. Согласно монгольским летописям в ведении Тогона-тайши и его преемника Эсена-тайши было четыре тумена, куда входили ойраты, ёгэлэты (ёлэты), багатуты (батуты) и хойты [28, с. 145]. Приведенные факты позволяют сказать, что теленгуты, как и чоросы, входили в тумен собственно ойратов.

Со временем Алаг Тэмур-чингсанг стал домогаться должности тайши, но не получив желаемого, организовал заговор и в 1455 г. Эсен-хан был убит. После гибели Эсен-хана объединение дёрбен-ойратов во главе с чоросскими князьями пришло в упадок. Старший сын Эсен-хана Хорхудай (Хорхудан) с группой ойратов удалился в Восьмиречье («р. Гань-Гань»), а второй его сын Юштёмёр (Эсмет-дархан /Бодуван/) и племянник Ухуна с группой ойратов-ёлэтов перекочевали в район

Хами (Комул) — важнейший пункт на главном торговом пути между Китаем и Средней Азией. Между ойратскими князьями и могольским правителем Турфана разгорелась борьба за контроль над оазисом Хами. В 1530-х гг. могольские войска нанесли сокрушительное поражение ойратам, вынудив их бежать в степи Кукунора [29, с. 79]. Вполне допустимо, что после распада державы Эсен-хана теленгуты вместе с группой Хорхудая, могли уйти в сторону Алтая.

Во второй половине XV-XVI вв. монгольские ханы перемещают свою ставку с долины Толы-Орхона на юг, в Чахар, затем они овладевают Ордосом и Кукунором. При малетнем Бату-Мункэ Даян-хане его жена Мантухай-хатун (происходила из чоросов) подчинила 6000 юрт ойратов [30, с. 113]. Ойратам были навязаны правила, ставящие их на неравное положение, например, юрту называть ставкой, а не дворцом; садиться преклоняясь на колени, а не поджав ноги; айрак называть чэгэ [28, с. 148]. Заметим, что эти термины и нормы этикета сохранились в традиционной культуре алтайцев.

Со второй половины XV в. ойраты (калмаки — в мусульманских источниках), стали оказывать возрастающее влияние на события в Монголистане и на юго-востоке Дешт-и-Кыпчака. Так, например, враждующие между собой правители Турфана и Кашгара стали обращаться за помощью к ойратским князьям (нойонам). Со временем между могольскими ханами и ойратскими нойонами установились более тесные связи, например правитель Турфана Абд-ар-Рахим-хан женился на дочери ойратского нойона [24, с. 42]. Во второй половине XVI в. ханы Южной и Северной Монголии усилили свои набеги на кочевые ойратов, и на короткое время подчинили хойтов, батутов и чоросов. А остальные ойраты бежали в междуречье Иртыша и Или. А в конце XVI в. грозным соседом ойратов становятся правители государства династии Алтын-ханов в северо-западной Монголии. Основателем этой династии был Шолой-Убashi — правнук Гэрэсэндээ (младшего сына Даян-хана). В сражении 1587 г. на верхнем течении р. Иртыша 80 тыс. армия халхасского Шолоя-Убashi и урянхайского Сайн-Маджики потерпела поражение от 50 тыс. корпуса ойратов. В ходе дальнейших военных столкновений Алтын-ханы подчинили часть ойратов верхнего Прииртышья и Алтая, вынудив теленгутов уйти в степи Верхнего Приобья. В начале XVII в., особенно в 1619-1621 гг., ойратские кочевья подвергались мощным нападениям войск халхасского Алтын-хана и казахского хана. Летом 1621 г. одна группа ойратских князей (Далай-тайши, Ильден-тайши и др.) приковчевала в район оз. Ямышева, а другая группа во главе с Кара-Кулой и Мерген-Темене бежала к теленгутам, и на слиянии Чумыша с Обью построила укрепление для обороны и зимовки. В дальнейшем группировка Кара-Кулы, Далай-тайши и других ойратских князей разгромила войска Алтын-хана и вновь заняла верховья Иртыша, Тарбагатай и Горный Алтай [24, с. 91, 93].

В годы борьбы с Алтын-ханами и казахскими ханами большинство ойратских князей объедини-

нилось вокруг чоросского тайши Кара-Кулы. Но, несмотря на внешние угрозы, противоречия среди главных князей за первенство в ойратском чулгане (сейме) сохранились. Правитель чоросов Кара-Кула стремился ввести единодержавие в союзе дёрген-ойратов, а владетели других крупных племен хотели сохранить самостоятельность. Это привело к расколу в союзе дёрген-ойратов. Так, глава торгоутов Хо-Орлук откочевал со своим улусом на земли между Уралом и Волгой, а тайши Туру-Байху увел хошоутов в Кукунор. В Джунгарии остались дэрбэты, чоросы и хойты, а также небольшая группа торгоутов и хошоутов. С 1635 г., после кончины Кара-Кулы, во главе ойратского чулгана стал его сын Эрдэнэ Баатур с титулом хунтайджи (контайши) — верховного правителя. Так вновь возродилось государство дёрген-ойратов во главе с князьями-чоросами, которое в истории больше известно как Джунгарское ханство [24, с. 110]. С тех пор алтайские (теленгутские, алтай-урянхайские) князья становятся подданными джунгарского хунтайджи. Они возглавляли свои отоки, занимались организацией налоговых поступлений (алман) в хансскую казну, охраной границы и участвовали в военных кампаниях джунгарского хана. Влиятельные алтайские князья (зайсаны) были членами Зарго — высшего представительного и судебного органа при хане и принимали участие в решении общегосударственных дел [31].

События XV–XVII вв. отразились в историческом фольклоре алтайцев. Хотя в большинстве легенд и преданий наслонились события разных времен, некоторые из них порой противоречили друг другу, но уникальность этих фактов и свидетельств неоспорима. Поэтому обратимся к фрагментам некоторых преданий. Так, в предании, записанном А. Гороховым, есть утверждение о том, что алтайцы «под именем *ойратов*, или *элотов*, состояли в подданстве Алтын хана и его потомков, и называют родоначальником своим *Кылчака*» [32, с. 203]. Здесь, прежде всего, учтен факт наименования алтайцами самих себя ойротами (наряду с теленгет), который подтверждается в работах В. Вербицкого, В. В. Радлова и Г. Н. Потанина. А также говорится о реальном факте подчинения алтайских кылчаков власти Алтын-хана.

Далее, в автобиографии М. В. Чевалкова приводится следующее предание: «...Раньше, когда шестьдесят туменов теленгетов (алтон тумен тэлэнгэт) мирно жили на Алтае (Алтын Ард), был тёргёт-ойротский хан, возглавлявший четыре аймака. Когда среди четырех аймаков начались раздоры, хан убежал в Туркестан (страну Кюнкер хана), а оставшиеся после этого сыновья хана — султаны, сыновья князей (биев) — мурзы, все, воюя между собой, разбежались в разные места; некоторые ушли на восток, а половина ушла на запад. От них оставшиеся теленгеты стали жить на западе Приобья (Ак Умар) — в междуречье рек, впадающих в Иртыш. Но и там они жили неспокойно, воевали друг с другом; когда их объединение (эл) уменьшилось, с одной стороны стали нападать монголы, а с другой стороны — казахи.

Тогда теленгетские князья Мамыт и Палык, возглавив свой народ (ジョン), добровольно прида в Кузнецк (Аба-тура), приложили руки, чтобы платить ясак (кара калан) Белому царю» [33, с. 113]. В первой части автобиографии — легенде о распаде ойратского союза, по-видимому, наложились события середины XV в. после смерти Эсен-хана и первой трети XVII в., когда объединение дёрген-ойратов покинуло большинство торгоутов и хошоутов. А во второй части отразились реальные события и лица 50–60-х гг. XVII в., связанные с принятием частью теленгутов русского подданства.

Имеется также легенда в записи В. Радлова, где изложена иная картина возвышания и распада государства дёрген-ойратов: «...На реках Ак-Умар (Обь) и Ертиш (Иртыш) жил народ теленгет, состоявший из многих колен... Они, теленгеты, подчинили себе некоторых своих соседей: казаков (киргизов) и пырятов (бурят), многие другие племена, живущие на Алтае и далее к северу. Они жили богато. Это возбудило зависть их соседей, живущих южнее, ойротов (тёргётов), которые пошли на них войною. После многих битв, они были, наконец, покорены... Уже в это время большие массы народа откочевали на восток Сибири; однако же, большая часть осталась на Иртыше. Но теперь киргизы, монголы и китайцы нападали на новое государство тёргётов, опустошая его, и принудили подданных его к переселению. Некоторое число их подчинилось русским и перешло отчасти к востоку в область города Кузнецка (кузнецкие татары), отчасти к северу (тобольские татары)» [34, с. 47–48]. Изложенные факты позволяют сказать, что в этой легенде отразились важные события XVII столетия: усиление Теленгутского улуса при князе Абаке, его подчинение дёргетским тайшам, образование джунгарского ханства, наконец, принятие частью теленгутов русского подданства.

Наконец, скажем об интерпретации К. Соколова разных преданий алтайцев: «...О появлении сёков существуют различные предания, именно: по словам одних, предки алтайцев в бурную эпоху монгольских междоусобиц, перекочевали на Алтай из Монголии; по другим — из Кемчика и Енисея; и, наконец, третье предание гласит, что предки нынешних наследников Алтая были уроженцами Алтая, но «во время оное» были покорены и уведены в плен неким монгольским кааном, и после нескольких лет невольного пребывания среди монголов, были возвращены на родину первым кааном из династии *ойротов*» [35, с. 354–355].

К выше сказанному добавим, что крупные алтайские рода кылчак и майман (найман) имеют общее происхождение с одноименными племенами восточной части Дешт-и-Кылчака. Так, например родоначальником алтайских кылчаков (котон-кылчаков) считается хан Котыйан, имя которого звучно с именем Котана — одного из легендарных предков казахов (кылчаков, аргынов и др.). А в генеалогической легенде алтайских майманов их родоначальником называется Алаш (жил в степях за Иртышем, примерно, не позднее конца XV в.), также известный как ле-

гендерный предок казахов [36, с. 102, 128]. Время вхождения алтайских кыпчаков и найманов в объединение дёрген-ойратов можно примерно определить, опираясь на легенды, не ранее второй половины XVI в., когда ойраты (калмаки) стали активно контактировать с монголами и племенами юго-восточной части Кёк-Орды. Согласно преданию предки алтайских кара-найманов «состояли винокурами при дворе каана из династии ойротов, от которых получили родовой знак» (чорго) [36, с. 129]. В целом, анализ фольклора алтайцев показывает, что в легендах и преданиях нашли отражение события монгольского и ойратского времен, когда происходили активная миграция и смешение местных алтайских и пришлых племен на пространстве между Алтаем и Хангаем (на востоке), Или-Тарбагатаем (на юге) и Уралом на западе.

Основная канва политической истории Верхнего Приобья и Горного Алтая XVII — первой половины XVIII вв. состояла в постепенном присоединении этих территорий к Российскому государству. В начале XVII в. русские воеводы Тобольска и Томска впервые установили контакты с Абаком — князем (тайши) теленгутов Верхнего Приобья [Фишер 1774]. Вся дальнейшая история русско-алтайских (теленгутских) взаимоотношений наполнена мирными, добрососедскими и драматическими событиями. В отечественной историографии процесс присоединения Горного Алтая к России делится на три этапа.

На первом этапе (XVII — середина 50-х гг. XVIII в.) происходило постепенное расширение границ Российского государства на юг Западной Сибири. В первой трети XVII в. племена бассейна Бии — кумандинцы, чалканцы, кузены, юсы, тиргеши и комноши, а также тёлёсы юго-восточного берега Телецкого озера (Алтын-кёл) облагаются ясаком и включаются в систему местного сибирского управления России. А с 1650-х гг. вблизи городов Кузнецка и Томска образуются поселения «выезжих белых калмыков», положившие начало формированию группы кузнецких и томских телеутов [37]. Джунгария, занятая борьбой против экспансии цинского Китая на востоке, не могла противостоять продвижению России вверх по Оби и Иртышу. В русских документах начала XVIII в. перестали упоминаться Керсагальская, Орчакская и Кужугетская (Кучугетская) волости, которые ранее располагались в низовьях Бии, Катуни и Чарыша. Очевидно, это связано с миграцией населения этих волостей в Западные Саяны и верховье Иртыша. А тау-телеуты долин Иши и Наймы стали платить ясак. В 1713–1717 гг. приобские теленгуты («белые калмыки») переместились к верховьям Чарыша и Алея, а затем были переселены в глубь территории Джунгарии: в долины Или-Текеса, район Тус-куля [38]. Таким образом, северная часть Горного Алтая стала буферной территорией. Указанные племена бассейна Бии, Иши-Наймы и юго-восточного берега Телецкого озера, официально называвшиеся «ясачными татарами», находились в двойной зависимости («двоеданство») от России и Джунгарии. Общая численность податных (ясачных) муж-

чин в 1724/25 гг. составила 516 человек, а всего населения — примерно 1300–1500 человек [39, с. 159]. Население остальной части Горного Алтая (территория между Катунью и Иртышем, Чуйский район), именовавшееся «зенгорскими канскими и каракольскими калмыками» и «урянхайцами» (сойонами), относилось к подданным Джунгарии. В пяти теленгутских отоках Джунгарии, не считая алтайских урянхайцев (данные отсутствуют), было 4800 юрт (включая людей зайдана Урган Жирана) [40, с. 61, 117], или примерно 20–25 тыс. человек. В целом можно считать, что в XVII в. завершилось формирование этнотERRиториальных групп и основных черт традиционной культуры алтайцев.

Во втором переломном этапе (середина и вторая половина 50-х гг. XVIII в.), после разгрома Джунгарского ханства, теленгуты и алтайские урянхайцы (сойоны, иркты), вместе с разноплеменными джунгарскими беженцами, добровольно приняли российское подданство. Согласно указу императрицы Елизаветы Петровны от 2 мая 1756 г. в течение июня-ноября 1756 г. в российское подданство были приняты 14 алтайских зайданов со своими людьми. Добровольный характер волеизъявления алтайцев был продиктован не только сложной международной обстановкой в Центральной Азии, но также устоявшимися торговово-хозяйственными связями алтайцев с русским населением Западной Сибири. Более того, в Северном Алтае (долины рек Иши, Маймы, Бии) проживали тау-телеуты, тубалары и кумандинцы, а в Кузнецком крае — большая группа телеутов, уже являвшиеся российскими подданными [41, с. 5-43]. В обстановке войны, разрухи и бедствий 50–60-х гг. XVIII в. Горный Алтай пережил демографическую катастрофу. Трагедией обернулось переселение летом 1757 г. на Нижнее Поволжье, по меньшей мере, 3000 алтайцев (теленгутов, урянхайцев) — бывших джунгарских подданных. По переписи 1763 г. все население Горного Алтая едва достигало 2700 человек и по сравнению с началом XVIII в. сократилось в 10 раз [39, с. 162].

На третьем завершающем этапе (1864–1865 гг.) — после демаркации алтайского участка русско-китайской границы по Чугучакскому договору 1864 г. — завершился процесс присоединения к России юго-восточной частей Горного Алтая, где проживали теленгиты двух чуйских волостей. Присоединение Горного Алтая, занимавшего стратегическое положение на стыке Западной Сибири и Средней Азии, укрепило geopolитическую позицию России и создало условия для последующего продвижения в Среднюю Азию.

В целом, середина XVIII в. является знаменательным рубежом, с которого начался новый отчет времени, когда в составе России стало возможным возрождение этнокультурного потенциала обескровленных войной теленгутов с другими алтайскими племенами и их консолидация в новую общность — алтайскую народность. Кульминацией изменения этнического самосознания народа можно считать движение бурханистов в 1904–1905 гг., в ходе которого большинство алтайцев

перешло к «белой вере» (бурханизму) и прочно закрепило самоназвание *алтай юн*, т.е. алтайский народ [42]. В основе нового имени народа был не просто известный топоним, а название священной земли, воплотившей дух предков и в годы тяжелых испытаний становившейся оплотом и защитой народа.

Итак, на основе анализа исторических источников и литературы можно обозначить, с известной долей условности, следующие основные периоды в пределах рассматриваемого времени.

В домонгольский период (X–XII вв.), алтайские тюрки — тёэлесы и теленгуты, вместе с кештеми, урасутами и другими племенами Горного Алтая и Верхнего Приобья, имея определенную самостоятельность, состояли в союзе с кыргызами Енисея. Общеизвестное близкое родство языков (а также многих элементов традиционной культуры) современных алтайцев и кыргызов можно объяснить наличием в составе двух народов, по меньшей мере, двух крупных родственных племен — тёэлесов и мундусов, которые в тот период входили, вероятно, в знатную правящую элиту алтайских тюрков (тегег/теленгут) и кыргызов.

В монгольский период (XIII–XIV вв.) алтайские тюрки (тёэлесы, теленгуты), как и енисейские кыргызы, ойраты и некоторые другие лесные народы Саяно-Алтая, были присоединены к Коренному юрту монголов с прямым подчинением великому хану. Только в дальнейшем, при внуках Чингисхана, они были втянуты в междуусобную борьбу потомков Тулуя и Угэдея за влияние в Алтае-Саянском регионе. Во времена империи Юань теленгуты стали тесно взаимодействовать с ойратами (чоросами).

Библиографический список

1. Екеев, Н. В. Об основных этапах этнической истории алтайцев / Н. В. Екеев // Билим. Науч. журнал / НИИ алтайстики им. С. С. Суразакова. — Горно-Алтайск. — 2008. — № 4. — С. 132–145.
2. Позднеев Д. М. Исторический очерк уйголов (по китайским источникам). — СПб., 1899.
3. Викторова, Л. Л. Монголы: Происхождение народа и истоки культуры / Л. Л. Викторова. — М.: Наука, 1980. — 223 с.
4. Кычанов, Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров / Е. И. Кычанов. — М.: Наука, 1997.
5. Малявкин, А. Г. Материалы по истории уйголов в IX–XII веках. — Новосибирск: Наука, 1974.
6. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. — М.–Л., 1952. — Т. 1. — Кн. 1–2.
7. Викторова, Л.Л. К вопросу о найманской теории происхождения монгольского литературного языка и письменности (XI–XIII вв.) / Л.Л. Викторова // Ученые записки ЛГУ. — 305 [серия востоковедческих наук]. — Л., 1961. — Вып. 12. — С. 137–155.
8. Абуль-Гази. Родословное древо тюрков / пер. Г.С. Саблукова. — Казань, 1914.
9. Старинное монгольское сказание о Чингисхане (по сокращ. варианту «Юань ши») / пер. П. Кафарова // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. — СПб., 1866. — Т. IV. — С. 3–258.
10. Сокровенное сказание монголов / пер. С. А. Козина; Ч.-Р. Намжилова — Улан-Удэ, 1990 (на рус., бурят. яз.).
11. Лубсан Данзан. Алтан Тобчи / пер., коммент. Шастиной. — М., 1973.
12. Трапавлов, В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблемы исторической преемственности / В. В. Трапавлов. — М., 1993.
13. Санчиров, В. П. Ойраты в составе Монгольской империи / В. П. Санчиров // Монгольская империя: этнополитическая история. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. — С. 158–187.
14. История Республики Алтай. Т. 1 (Древность и средневековье) / отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. — Горно-Алтайск, 2002.
15. Асанканов, А. А. История Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней). Учебник для вузов / А. А. Асанканов, О. Дж. Осмонов. — Бишкек, 2002. — 576 с., ил.
16. Юдин, В. П. О родоплеменном составе монголов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами / В. П. Юдин // Известия АН Казахской ССР. Серия общественных наук. — Алма-Ата, 1965. — Вып. 1. — С. 52–65.
17. Акимушкин, О. Ф. Могулистан, монголы и киргизы в первой половине XVI в. (Заметка по политической истории региона) // Акимушкин О. Ф. Средневековый Иран: Культура, история, филология. — СПб.: Наука, 2004. — С. 241–245 (Восток: Общество, культура, религия).
18. Исхаков, Д. М. Этнополитическая история татар (III–середина XVI вв.) / Д. М. Исхаков, И. Л. Измайлова. — Казань: РИЦ «Школа», 2007. — 356 с.
19. Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана; 2-е изд. / отв. ред. В. А. Ромодин. — Бишкек, 2002. — Т. 1.
20. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. — СПб., 1883. — Вып. 4.

21. Киеубаев, Дж. Г. О звуках С, З и һ и их развитии в башкирском, туркменском и якутском языках / Дж.Г. Киеубаев // Ученые записки БГУ. Серия филологическая. — Уфа, 1958. — № 5. — С. 3–15
22. Екеев, Н. В. Этнонимы народов Алтае-Саянского горного региона / Н. В. Екеев // Төв Азийн нуудэлчийн угсаа-соол, амьдралын хэв маяг [Этногенез, культура и образ жизни кочевых народов Центральной Азии] / ред. А. Очир, Б. Р. Зориктуев. — Улаанбаатар, 2006. — С. 136–149.
23. Екеев, Н. В. К проблеме этнической истории ойротов-чоросов / Н. В. Екеев // Мир Евразии. Науч. журнал / Горно-Алт. гос. ун-т; гл. ред. Н. С. Модоров. — Горно-Алтайск, 2008. — № 2. — С. 37–41
24. Златкин, И. Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758; 2-е изд. / И. Я. Златкин. — М.: Наука, 1983. — 332 с.
25. Бичурин Н. Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с Х столетия до настоящего времени; 2-е изд. — Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991
26. Петров, К. И. К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII–XV вв. / К.И. Петров. — Фрунзе, 1961
27. Норбо Ш. Зая-Пандита (Материалы к биографии). — Элиста, 1999
28. Шара Туджи: Монгольская летопись XVII века / пер. Н. П. Шастиной. — М.–Л., 1957
29. Грумм-Гржимайло, Г. Е. Описание путешествия в Западный Китай / Г. Е. Грумм-Гржимайло. — СПб., 1896. — Т. II
30. Горохова, Г. С. Материалы об ойратах, содержащиеся в монгольских исторических сочинениях (с древнейших времен до конца XVI в.) / Г. С. Горохова // Вестник института / Калмыцкий НИИ языка, литературы и истории; гл. ред. М. Л. Кичиков. — Элиста, 1974. — № 9. — С. 96–115.
31. Самаев, Г. П. Горный Алтай в XVII — середине XIX в.: Проблемы политической истории и присоединения к России / Г. П. Самаев. — Горно-Алтайск, 1991. — 256 с.
32. Горохов, А.М. Краткое этнографическое описание бийских, или алтайских калмыков / А. М. Горохов // Журнал МВД. — 1840. — Ч. 38. — Кн. 2. — С. 201–228
33. Наречия тюрksких племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. Отд. 1. Образцы народной литературы / сост. В. Радлов. — СПб., 1866
34. Поездка на Чую доктора Радлова в 1860 году / пер. Н. Кострова. — Томск, [б.г.]
- Радлов В. Из Сибири. — М.: Наука, 1989
35. Соколов К. Записки миссионера Урсульского отделения Алтайской миссии за 1900 год // ПБ. — 1900. — № 24. — С. 354–356
36. Алтайцы (Материалы по этнической истории) / сост., предисл., пер., коммент. Н.В. Екеева. — Горно-Алтайск, 2005
37. Модоров, Н. С. Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII–XIX вв.) / Н. С. Модоров. — Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайск. ун-та, 1996
38. Уманский, А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках / А.П. Уманский. — Новосибирск: Наука, 1980. — 295 с.
39. Екеев, Н. В. Население Горного Алтая в первой половине XVIII века: этнический состав и расселение / Н.В. Екеев // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов (Материалы VIII международной конф., г. Горно-Алтайск, 19–23 сентября 2007 г.) / Ред. колл. Ю.В. Табакаев [и др.]. — Горно-Алтайск, 2007. — Т. I. — С. 158–162.
40. Чернышев, А. И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. / А. И. Чернышев. — М.: Наука, 1990
41. Тадыев, П. Е. Поворотный пункт в истории Горного Алтая / П. Е. Тадыев // Великая дружба. — Горно-Алтайск, 1957. — С. 5–43
42. Движение Ак јанг (белая вера) — бурханизм на Алтае: взгляд через столетие. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию событий в долине Теренг / Ин-т алтайстики им. С. С. Суразакова. — Горно-Алтайск, 2004.

Горно-Алтайский научно-исследовательский институт алтайстики им. С. С. Суразакова
Получено 23.04.10.

N. V. Ekeyev

TO THE PROBLEM OF ETHNOPOLITICAL HISTORY OF ALTAIANS (X — THE MIDDLE OF XVIII CENTURIES)

In article on the basis of published annalistic (Mongolian, Persian, Chinese) and narratives (the Altay legends) sources and the saved up experience of historical researches attempt of consideration of the basic stages of ethnopolitical history of Altaians with X to the middle of XVIII centuries is undertaken.

Central Asia, Altai, Middle ages, ethnopolitical formations (tumens, khanates), telenguts, tyleses, oiyrots tribes, Altaians

УДК 902

A. Ш. Жилкубаева

ИЕРАРХИЯ БЛЮД КАК ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИОННОГО МИРОВОЗРЕНИЯ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

В статье, на основе опубликованных материалов, рассмотрено отражение иерархии блюд в системе традиционного мировоззрения тюркских народов.

традиционное мировоззрение тюркских народов, хозяйствственные занятия тюрков, питание тюрков, материальная культура, священные животные

В последние годы в тюркологии появилось много работ, где языковые явления рассматрива-

ются в тесной связи с явлениями культуры, этнографии и социолингвистики. В этой связи, боль-

шой интерес представляет изучение терминологии питания тюркских языков.

В традиционном мировоззрении тюркских народов она, про общему признанию исследователей, занимает заметное место. По нашему мнению, пища, по сравнению с другими атрибутами жизни (одежда, жилище и т.д.) весьма устойчива. Устойчивыми являются и народные обычаи, традиции, связанные с употреблением пищи и продуктов питания. По мнению азербайджанского ученого К.Т. Карагашлы: «...кушанья, как известно, являются важнейшими элементами материальной культуры. Зачастую на основе состава, приготовления и использования кушаний становится возможным выяснить не освещенные в достаточной мере в исторических документах важные вопросы прошлой жизни исследуемого народа. Например, характеры хозяйственных занятий, уровня развития производительных сил и даже ряда бытовых вопросов» (1, с. 40).

Мы полностью согласны с данным мнением, так как наш материал показывает, что в традиционном питании тюркских народов еда, и вместе с ней определений этикет, позволяет установить сходство и различие в традиционном мировоззрении тюркских народов.

В этой связи, большой интерес представляет собой иерархия подаваемых мясных блюд. Об этом подробно писал еще Н. И. Ильинский. Самой почетной считается вареная голова барана. Ее подают самому уважаемому гостю или аксакалу. По верованию тюрков, человек на свет появляется головой вперед, благодаря ей, мы и существуем. Прежде, чем подать голову, на лбу делают крест, чтобы все желания сбылись. По мнению некоторых этнографов, раньше у рода «найман» (Восточный Казахстан) крест был родовой тамгой.

У народов Южной Сибири почетной частью туши является «уша» («уча») «крестец». Ее подают сваты. О важности этого блюда можно судить по пословице «Биреудин тосин жесен, озинин ушанды сайла» (Букв. если съел чью то грудинку, то готовь свой крестец).

Иерархию мясных блюд можно разделить на следующие группы:

- для почетных гостей и других членов семьи;
- для детей;
- для обслуживающего персонала и т.д.

Так, например, «ултабар» («сычуг») является долей женщин. Ее, отрезав кончик, подают молодой женщине, с пожеланием, чтобы она родила сына.

Почки и сердце — доля детей. Небо подают молодой девушке, чтобы она стала красноречивой. Жилки «загривок, затылочная часть туши барана» дают девочкам, чтобы волосы у них стали длинными.

«Жулын» (спинной мозг) — не дают мальчикам, чтобы при стрельбе руки не дрожали.

Уши — дают малышам, чтобы слушались старших;

- холку не дают юношам, чтобы невеста не была бедной;

- «кари жилик» (лучевую кость) не дают девушкам, чтобы не засиделась в девушкиах и т.д.

В иерархии подаваемых частей туши барана немаловажное значение занимает «тос» («грудинка»). У казахов она предназначается жениху и является неизменным атрибутом свадебного обряда. По сведению Н. И. Гродекова, отведав этого блюда, жених называл невесту женой. У тувинцев ее подают во время сватовства, у алтайцев грудинку подают женщине, которая заплетает косы невесте, у хакасов ее подают уважаемой сваты. Грудинку ребенок в виде подарка посыпает и дяде со стороны матери.

Следовательно, «тос» «грудинка» также является почетной частью туши и участвует в различных церемониях, связанных с приемом мясной пищи.

Наоборот, у киргизов она (судя по пословице: «ердик қылып кой сайду, иттик қылып тосартти») является не столь престижной (2, с. 83).

Существовали поверья и легенды, связанные с якобы чудодейственными свойствами некоторых костей домашних животных. Так, под крыши казахских зимовок, в других случаях — на шеи верблюдов подвешивали локтевую кость — каржилик барана, которая согласно поверью оберегала животных от волков и воров (3, с. 485).

В поверьях казахов, как и у других тюркских народов, овечьи лопатки обладали особым свойством. Трешины, образующиеся на них при обжигании на огне, якобы позволяли предсказывать будущее. «Тайлан, — читаем у А. Кекилбаева, — старательно очистил от мяса лопатку жирного ягненка. Вынес из юрты железную треногу, щипцы для углей, чугунный кумган. Укутал наглоухо верблюжьей попоной казан, валявшийся у двери огляделся по сторонам. Убедившись, что рядом нет ни одного металлического предмета, а те, что есть, надежно прикрыты, приступил к ворожбе.

Повторив несколько раз «бисмилля», Тайлан бросил лопатку в огонь. Юрта стала наполняться едким запахом жженой кости. Как орел навис Тайлан над огнем. Похожая на совок сероватая лопатка начала темнеть и вскоре совсем покернела. Потом чернота это стала приобретать светлый оттенок и скоро сделалась серебристой. Кость почти сгорела» (4, с. 30).

Строгих правил придерживались кочевники и при употреблении мяса диких животных и дичи. По сведениям этнографов, киргизы любили охотиться не с ружьем, а с птицей и борзой собакой. Нередко практиковалась и коллективная охота салбурын. Об этом С. М. Абрамзон пишет следующее: «Во-первых, салбурын, очевидно означало не просто дальнюю, но и весьма продолжительную охоту. Если это так, то такая охота непременно должна бы иметь коллективный, групповой характер. Во-вторых, эта охота могла быть не только ружейной, но и охотой с ловчими птицами. В-третьих, весьма вероятно, что целью такой дальней охоты могла быть и охота на пущенного зверя, а не только заготовка мяса» (5, с. 99).

Самой престижной считалось мясо кулана. Во-первых, оно было мягким и вкусным. Во-вторых, по верованию тюркских народов, тот, кто съел мясо кулана мог стать сильным, отважным вои-

ном. Так же использовали данное мясо для лечебных целей: от ревматизма. Мясо медведя не ели, а использовали его селезёнку при лечении гепатита и кожных заболеваний.

Наш фактический материал показывает, что данный запрет нарушается при определенных условиях. Так, например, если беременная женщина желала мясо запрещенных диких животных, то её прихоть удовлетворялась. Хотя по исламу свинина запрещалась, но в вышеназванных случаях женщине давали данное мясо (6, с. 46). Но прихотю беременной женщины могло быть не только мясо. «Она твоя-то, — свидетельствует источник, — неспроста грызет сыромять. Наверное, понесла. Жди, через пару месяцев вздуется у нее живот. Тебе тогда никакой топор усы не отрубит, а? Возгордишься, наверное, до небес?» (4, с. 429).

Мясо птицы тоже использовали выборочно. Например, не ели мясо совы, так как считали священной птицей и поэтому её перья использовали как амулет.

Почтание птиц и зверей есть и у других тюркских народов. Например, якуты не использовали для приготовления пищи мясо лебедя, гуся, ястреба, так как считали их тотемом. Их род назывался их именами. При виде падшего ястреба они закапывали его. У алтайцев и казахов нельзя стрелять в белого лебедя.

Священными считались также сова, ястреб, сокол, журавль и т.д. Поэтому использовали их кости, когти, крылья, клюв для лечебных целей и оберега.

Большой семиотический статус имеют блюда из молока, так как согласно мировоззрения тюркских народов, молоко это сакральность, белизна, чистота. По мнению тюркских народов, молоко не только очищает, но и обладает магическими свойствами. **Куйрык ботка** — блюдо из молока в которое окунают малыша, чтобы он быстрее пошел. **Ак чач** — обычай лить на землю молоко при виде змеи, якобы она уйдет и т.д.

Известно, что основными блюдами и продуктами тюркских народов являются молоко и молочные продукты. Видимо, этим можно объяснить и наличие в народе различного рода суеверий, обычая и традиций, связанных с ними. Молоко выступает носителем качественных характеристик мира. Оно воплощение белизны, символизирующей истинность, великолепие, сакральность.

Почтание молока и молочных продуктов как культурных ценностей, принадлежности к родовой группе, сообщало их вместилищам особый статус.

Высокий семиотический статус придавался сосудам для приготовления кумыса. Причастность этих сосудов к категориям макрокосма у тюрков подтверждалась их положением в микрокосме жилиго пространства. Так, например, у тюрков Южной Сибири бурдюки и кадки для приготовления молочных продуктов располагались в верхней зоне женской половины.

Халка-монголы устанавливали аналогичные сосуды на почетной мужской половине. Западные монголы и буряты в переднем углу, за очагом, против входа в жилище. Буряты помещали бурдюк у северного столба бревенчатой юрты,

Таким образом, местонахождение сосудов для молочных продуктов в жилище тюрко-монгольских народов, совпадало с точками максимальной сакральности, наделенными способностью обозначать ту часть мифологического пространства, где сконцентрированы созидательные потенции природы.

У южных алтайцев орнаментированная кожаная фляга тажжур сопровождала человека на протяжении всей жизни. Порой ее изготовление приурочивалось к рождению ребенка. Вещь как бы фиксировала появление нового члена общества, несла информацию о нем.

Из вышеизложенного следует, что преобладающей посудой тюркских народов для хранения молочных продуктов были кожаные сосуды, так как основным видом хозяйственной деятельности было скотоводство. Отсюда и сочетания лексем: **бир торсык сут, бир карын май, бир саба кымыз** и т.д.

Во-вторых, молочные продукты считались сакральными, и поэтому их вместилищам тоже относились бережно, к тому же многие обряды были связаны с ними (**саба жиу, актык байлау** и.т.д.). В-третьих, изучая лексику любого народа, мы можем познать дух и характер народа. В-четвертых, «... в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем, поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено» (7, с. 2).

Большой интерес представляют обычаи и традиции тюркских народов, связанных с церемониями распития кумыса, бозы, араки.

Церемония распития кумыса во дворце узбекского хана в 18 веке полностью совпадает с церемонией распития бузы и араки у южных алтайцев. При данных церемониях строго соблюдались следующие правила:

- расположение на правое и левое крыло по рангу;
- наличие виночерпия (одачи);
- на данных мероприятиях участвовали в основном только мужчины;
- подавали чойчай с араки только правой рукой;
- содержимое чашки не допивали до дна и нельзя было его расплёскивать.

При церемонии распития араки тоже существовали определенные правила:

- получивший чашку мог распоряжаться ею по своему усмотрению;
- нельзя было выпивать араки до конца;
- неприличным считалось долго задерживать очередную круговую чашу.

Нам представляется, что описанный церемония является, перенесением старинного народного обычая питья кумыса. Такое совпадение тоже нельзя считать случайным. Видимо, этот обычай возник как форма распределения кумыса среди членов кочевой общины, которая в древние времена вела общее хозяйство, приготовляла кумыс сообща, может быть даже в общей посуде для всех членов кочевого объединения в рамках рода или, позднее, большой семьи. По записям С. М. Абрамзона следует, что у киргизов, если кочевавшая вместе группа родственников жила дружно, кумыс делали в одной

юрте, куда сносили все кобылье молоко. Когда кумыс был готов, утром в эту юрту созывали всех родственников и пили кумыс совместно. Следовательно, степной обычай появился в условиях первобытно — общинного быта кочевников и был порожден этими условиями, при которых общинным было не только производство, но и собственность на продукты питания этого производства, как было общим и употребление некоторых видов продуктов, видимо, не только кумыса, но и мяса (5).

В традиционном питании тюркских народов иерархия наблюдается и при приготовлении определенных блюд, т. е. они имеют гендерные различия. Так, например, сумалак «блюдо, приготовляемое из проросшей пшеницы и мучного киселя» предназначается только для женщин. Видимо, здесь немаловажное значение придается пшенице, т.е. подразумевают продолжение рода. А нарын «национальное блюдо из мелкого нарезанного вареного мяса и теста с бульоном» предназначается для мужчин. В словаре М. Кашкари иун «мясо с железами» — удел мужчин.

Иерархические отношения соблюдаются и за столом во время трапезы:

— хозяин во главе стола и остальные члены семьи; расположение по рангу во время распития кумыса, бозы и араки;

— расположение на правую и левую сторону юрты и т.д.

Видимо, прав А. К. Байбурина, когда пишет, что «порядок рассаживания за столом является по сути дела пространственной моделью отношений, действующих в семье. Противопоставление хозяин — остальные члены семьи, старшие — младшие, мужчины — женщины оказываются переведенными на язык «застольного» пространства: хозяин во главе стола, справа — мужчины, слева — женщины и дети, причем «ценность» пространства повышается по направлению к месту хозяина, синонимом которого является «вверх» и понижается к противоположенному концу стола «низу» (8, 1983, с. 17).

Из вышеизложенного можно заключить, что в богатой и разнообразной по своему составу терминологии питания определенное место занимают блюда, связанные с традиционным мировоззрением тюркских народов.

Во-вторых, в терминологии питания весомый пласт лексики составляют иерархические блюда, особенно это характерно для мясных блюд.

Привлекает внимание, и поведенческие аспекты людей во время приема пищи или связанные с ней нормы поведения. Так, например, входить с

пищей во рту в дом не к добру, а вот выходить из дома с пищей можно.

По верованиям тюркских народов, еда сопровождает человека везде и всюду, даже на том свете человек питается. Во время археологических раскопок в могильниках часто находят просо, ячмень, лошадь и т.д. У многих тюркских народов после выноса покойника комнату, где находился покойник, очищают зерновыми культурами или кидают вслед ему зерно.

У хошеутов до сих пор сохранился обычай «даалн». Это набор продуктов, включающий в себя масло, конфеты, печенье, которые при выносе тела трижды проносят над гробом, затем оставляют в доме. Съесть их могут только близкие родственники. Перед уходом с кладбища присутствующие на церемонии должны попробовать водки, а также конфеты и борцог (9, с. 107).

Перед входом в дом умершего каждый из участников проходит обряд очищения: моет руки, смазывает ладони маслом. Близких родственниковсыпают дома освященным зерном. Этими же зернами посыпают пол в доме. Данный обряд у хошеутов называется «герин цеврях (очистить дом)». Зерна овса, проса, риса остаются на полу в течение всего траура.

Интересно, что данный обряд сохранился вплоть до 1960 гг. у калмыков-эмигрантов во Франции.

Наш фактический материал свидетельствует о том, что совместные трапезы людей являются моделью отношений в обществе.

Таким образом, в системе питания тюркских народов можно проследить общие черты, что говорит о генетическом родстве данных народов.

Система питания и обычаи, традиции, связанные с ней являются элементами культуры. В этой связи, уместно привести высказывание Э. С. Маркарян: «Культура это специфический продукт человеческой деятельности. Этнические культуры, таким образом, — это особые, исторически выработанные способы деятельности, благодаря которым обеспечивалась и обеспечивается адаптация народов к условиям окружающей среды их природной и социокультурной среды» (10).

И в заключение — два слова о языке. Общеизвестно, что он — важнейшее средство изучения культурных явлений. Иногда изучение культурных традиций дает неожиданные результаты. По этому поводу Э. Сепир справедливо подметил, что «...изучение инвентаря культурно-значимых терминов нередко бросает неожиданный свет на историю открытий и идей» (11). И с этим, трудно не согласиться.

Библиографический список

1. Карагашлы К. Т. Материальная культура азербайджанцев. — Баку, 1964
2. Нурмаханов А. Турки фразеологиясы. — Алматы: Гылым, 1998.
3. Валиханов Ч. Следы шаманизма у киргизов. Алматы, 1961.
4. Кекильбаев А. Плеяды — созвездие надежды. Алматы «Жалын», 1987.
5. Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко — культурные связи, — Л: Наука, 1971.
6. Колбасенко И. С. Некоторые киргизские обычаи, имеющие акушерское значение//Протоколы Киевского акушерско-гинекологического общества. 1884.
7. Леонтьев А. А. Деятельность. Сознание. Личность.— Москва, 1975.
8. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян.— Ленинград; 1983.
9. Бакаева Э. П. Гучинова Э. Б. Погребальный обряд у калмаков в XVII-XX вв. // Советская этнография.— 1988. □4.

10. Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография, 1981, №2.
11. Сепир Э. Положение лингвистики как науки // Звегинцев В. А. История языкоznания X-XI веков в очерках и извлечениях. Ч. II. — М., 1960.
12. Традиционное мировоззрение тюркских народов Южной Сибири (Знак и ритуал). — Новосибирск: Наука, 1988. — 224 с.
13. Жилкубаева А. Ш. Термины питания в казахском языке (Автореф. дисс. на соис. канд. филол. наук). — Алма-Ата, 1991. — 22 с
14. Хозяйство казахов на рубеже XIX-XX вв. Материалы к историко-этнографическому атласу. — Алма-Ата: Наука, 1980. — 256 с.

Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова
Получено 21.04.10.

A. Sh. Jilkubaeva

THE OLDER OF DISHS AS REFLECTION THE TRADITION OF WORLDOUTLOOK OF TURKIS POPLE
In article, the paper written on the basis, of analized publications the reflection the tradition of worldoutlook of Turkis pople.

tradition of worldoutlook of turkis pople, economic occupations of turk, nourishment of turk, material culture, sacred animals

УДК 902

E. Г. Затеева

ВОЛОСТНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ НА АЛТАЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье на основе анализа архивных источников охарактеризовано волостное самоуправление алтайской общины. Показаны малоизученные стороны деятельности волостной администрации: организация предпринимательской деятельности крестьян и формирование нравственного климата в общине.

Кабинет ЕИВ., Алтай, Западная Сибирь, губерния, крестьянство, крестьянская община, старшина, крестьянский начальник

Как известно, самоуправление крестьян и горно-заводского населения Алтая и Забайкалья, осуществлялось в точном соответствии с указом Кабинета Его Императорского Величества от 17 декабря 1862 года «Об устройстве самоуправления крестьян и горно-заводского населения Алтая и Забайкалья». В соответствии с ним, на территории Алтая было образовано в 1863 г. 757 сельских обществ, объединенных в 51 волость. Однако с 21 ноября 1879 г. на Западно-Сибирские губернии были распространены статьи о деятельности сельских обществ, определенных «Положением 19 февраля 1861 года».

Согласно ему, волостью управлял старшина. Кроме него в волостную администрацию входили: кандидат волостного старшины, заседатели (один по хозяйственным вопросам, другой — по административным), волостные судья и писарь. Они выбирались на мирском сходе. От старшины во многом зависела жизнь общинников и поэтому его выборы считались одним из самых серьезных дел в волости. Кандидатуры на должность волостного старшины обсуждались в каждом селе, а затем выносились на рассмотрение общего волостного схода. Старшиной мог стать любой крестьянин, не моложе 30 лет, который постоянно жил в волости, где проходили выборы [1, л. 15]. Волостной глава выбирался на 3 года. Так, крестьяне Шубенской волости Бийского уезда, выбрав нового старшину, отметили потом в протоколе схода от 15 декабря 1906 года, что «старшиной выбран крестьянин села Луговского Михаил Про-

зоров, 50 лет, неграмотный, вероисповедания православного, под судом и следствием не состоит, здоров, имеет свое домообзаводство, в семье его имеются работники» [1, л. 15-16]. Старшина не всегда мог быть грамотным, ибо всю документацию, касавшуюся общины вел писарь. Обязательным условием для кандидата в старшины являлось, чтобы он был «крепким хозяином и порядочным человеком» [1, л. 16-17]. При избрании волостного главы учитывали наличие в семье здоровых работников, чтобы хозяйство старшины «не оскудело во время исправления им служебных обязанностей» [1, л. 16-17]. Последний факт считался серьезной причиной для отвода кандидатуры крестьянина на должность старшины.

Кандидатура общинника, предложенная мирским сходом на должность волостного главы, утверждалась крестьянским начальником, после чего избранный старшина приводился к присяге. Он произносил клятву следующего содержания: «Обращаюсь и клянусь Всемогущим Богом перед Святым Его Евангелием и Животворящим Крестом Господним хранить верность Его Императорскому Величеству, Государю Императору, Самодержцу Всероссийскому честно и добросовестно исполнять все обязанности принимаемой на себя должности и все относящиеся до сих обязанностей законы и правила, распоряжения и поручения; не превышать предоставленной мне власти, не причинять с умыслом никому ущерба или убытка, а напротив вверяемые мне интересы ограждать, как свои собственные, помятуя, что я во всем этом

должен буду ответить перед законом и пред Богом на страшном Суде Его. В удостоверении сего целую слова и Крест Спасителя моего. Аминь.» [1, л. 25-26]. Сведения об избрании нового старшины подавались крестьянским начальником в Общее Присутствие Томского губернского управления. Так, в рапорте крестьянского начальника 2-го участка Бийского уезда Томскому губернатору сообщалось, что он имеет честь «...довести до сведения Его Превосходительства, что избранный по приговору Алтайского волостного схода волостной старшина крестьянин д. Шебалиной Севостьян Шибрин в должности мной утвержден и приведен к присяге на верность службе» [1, л. 30].

Но не всегда выборы старшины проходили «гладко». Наблюдались и случаи, когда крестьяне жаловались на неправильный выбор волостного главы. Так, 19 марта 1899 г. в Общее Присутствие Томского губернского управления поступила жалоба крестьян Ануйской волости д. Петропавловской Бийского уезда Константина Козызыева, Алексея Максимова, Антона Воронцова и Федора Усова на незаконный выбор волостного старшины — Осипа Козызыева. Они просили Томского губернатора назначить расследование деятельности Осипа Козызыева на посту волостного главы, объясняя это тем, что волостной старшина неблагонадежен, замечен в краже и других предосудительных поступках. Крестьяне считали, что волостной глава очень молод и не был ни на какой службе. Они свидетельствовали, что в 1897 г. Осип Козызыев утаил от раскладки податей и повинностей 20 лошадей, украл у крестьянина Тита Новикова овцу, а ночью был застигнут подле дверей амбара крестьянина Сафрана Козызыева, да и на сельском сходе в 1898 г. Вел себя «не подобающе»: он страшал их (жалобщиков — Е. З.) выселить из общества. 16 марта 1898 г., сообщали жалобщики, старшина убил свою родную дочь [1, л. 32]. Просьба крестьян была рассмотрена Общим Присутствием Томского губернского управления, которое приняло решение: провести расследование деятельности Ануйского старшины и провело их. Однако фактов, подтверждающих данные, изложенные в жалобе, обнаружить не удалось. Это обстоятельство понудило власти завести на жалобщиков уголовное дело [1, л. 33-34].

Но если нарушения процедуры выборов старшины обнаруживались следственной комиссией, то волостной глава отстранялся от исполнения служебных обязанностей и объявлялись новые выборы. Именно по этой причине был арестован 12 июля 1910 г. и посажен в каталажную камеру Михайловский волостной старшина Бийского уезда за воровство общинных средств. В приговоре волостного схода от 5 мая 1910 г. было записано, что «волостной старшина Григорий Антипов, желая, чтобы его выбрали старшиной на следующее 3-х летие, взял из мирской казны 440 рублей и раздал их крестьянам с той целью, чтобы они встали на его сторону при выборе волостного старшины на новый срок» [2, л. 2-14]. Общинники просили признать выборы недействительными. Расследование комиссии подтвердило факт воров-

ства мирских средств. В силу этого, старшина был отстранен от должности и привлечен к суду. 9 ноября 1914 г. Общее Присутствие Томского губернского управления объявило о незаконности выборов в Лаптевской волости Змеиногорского уезда и отстранило от должности волостного старшины Андрея Шувальцева. Причиной тому послужили факты, изложенные в жалобе выборных от имени общины — крестьян Ефима Костина и Максима Щербина, — о том, что накануне выборов волостного старшины Андрей Шувальцев дал взятку в размере 100 рублей крестьянскому начальнику Ивану Федоровичу Афанасьеву. Последний заявил крестьянам, что откажет им в покровительстве, если они не выберут старшиной А. Шувальцева [2, л. 71]. Подобные случаи имели место и в других волостях Алтайского округа [2, л. 86, 90, 94].

Выбрав волостную администрацию, община определяла размер средств на ее содержание. Так, Новиковский волостной сход Бийского уезда, состоявшийся 20 ноября 1906 г., назначил волостному старшине и казначею по 50 рублей, его помощникам — по 25 рублей и волостному писарю — 1500 рублей в год. Писарь оплачивал из указанной суммы наём помощников, покупку канцелярских принадлежностей, содержание здания волостного правления и др. [3, л. 122].

Жалование выплачивалось из мирских средств, поэтому его размеры каждая волость определяла по своему усмотрению. В Ильинской волости Кузнецкого уезда в 1914 г. волостной старшина получал 60 рублей, его помощник — 30, заседатели — по 25 рублей каждый, казначей — 55 и волостной писарь — 1800 рублей [3, л. 132-133]. В Енисейской волости Бийского уезда в 1915 г. волостному старшине платили 55 рублей, его помощнику — 25, заседателям — по 25 рублей каждому и казначею — 45 рублей, а писарю — 1375 рублей в год [3, л. 133]. Однако эти размеры жалования указанным лицам не были постоянными. Нередко община пересматривала их. Они или увеличивались, или понижались. Это было связано с тем, как должностные лица выполняли свои обязанности. Так, 11 мая 1908 г. Алтайским волостным сходом Бийского уезда была удовлетворена просьба писаря Никиты Дмитриевича Соколова об увеличении ему жалования в связи с ростом объема работы и нехваткой средств на приобретение канцелярских принадлежностей. Писарь просил увеличить ему жалование с 1450 до 1700 рублей. И община сочла данное ходатайство обоснованным [3, л. 136]. Напротив Боровиковскому же старшине (Змеиногорский уезд) община снизила жалование с 65 до 50 рублей за «его ленность в исправлении своих служебных обязанностей» [3, л. 136].

У коренных жителей южной части Алтая — алтайцев — сложились свои специфические органы исполнительной общинной организации, на формирование которых существенное влияние оказало своеобразие обычаев и традиций, бытовавших у них. До 1913 г. у южных алтайцев выборным старостой был зайсан. Сведения о зайсанах в научной литературе немногочисленны и неодноз-

начны. В древних монгольских и ойратских документах термин «зайсан» означает второе привилегированное сословие белой кости, т.е. дворянство [4, с. 51]. Принадлежность зайсанов к знатным людям зафиксирована и в русских официальных документах XVIII-XIX вв. [5, с. 75]. В последующем, исследователи Горного Алтая отнесли к зайсанам также представителей родовой аристократии и руководителей отдельных племен [6, с.200]. Исследователь Гельмерсен, к примеру, писал в 1840 г., что «зайсан есть слово монгольское, и значит дворянин. Телеуты выговаривают его яйзанг. Зайсан у них есть глава какой-нибудь из их части или известного племени, выбранный русским правительством» [7, с. 251]. Здесь автором, безусловно, допущена ошибка: тогда, когда он изучал Алтай, русское правительство еще не выбирало зайсанов, а утверждало их в звании по предложению самих алтайцев.

На принадлежность алтайских зайсанов к дворянскому сословию указывал и В. Радлов, который утверждал, что «семьи зайсанов образуют старые княжеские и дворянские роды» [5, с. 75-76]. Л. П. Потапов полагал, что зайсанов можно разделить на знатных или старейших (укту — зайсаны) и чиновных (уктюк — яйзан) [6, с. 311]. К такому подразделению зайсанов склонялся в свое время и В. Радлов, отмечая, что во времена Джунгарского государства у алтайцев были зайсаны — укту, т.е. потомственные, кровные, родовые. В XIX в. были известны 4 зайсана — укту [6, с. 311]. Они были в особом почете у народа. Алтайцы знали их родословные. Некоторые исследователи указывали на то, что часть зайсанов была выходцами из бедных слоев общества. Так, С. А. Токарев обнаружил, что зайсан Комляжской волости Михаил Тобоков — это бывший бедняк, который разбогател, благодаря своему служебному положению [8, с. 57]. Однако алтайцев, выбранных зайсанами из бедняков (очевидно, их выбирали за определенные личные качества: честность, добросовестность,уважительное отношение к соплеменникам, ловкость в охоте и т.п.) было немного [8, с. 57-59]. Видимо зайсаны — это были, в основном, богатые, родовитые алтайцы, которые управляли и определенной группой родов.

Зайсан считался главой «инородческой» волости или дючины. Он отвечал перед русскими уездными властями за исправный взнос ясака и земельных сборов, а также за «моральный климат в обществе»[9, л. 103]. В его руках находился местный суд, юрисдикция которого простиралась на гражданские и мелкие уголовные дела, решавшиеся по нормам обычного права. До 1880 г. должность зайсана передавалась по наследству, что нередко приводило к злоупотреблению властью. Поэтому пожизненное наследование зайсанского звания было отменено царской администрацией. После этого, зайсан стал избираться сроком на 3 года. Его избирал общий сход волости или дючины. В выборах участвовало только мужское население общин. Ограничение срока полномочий зайсана оказалось формальным. Фактически алтайцы выбирали одних и тех же лиц, а

после их смерти, согласно обычаю, их сыновей или ближайших родственников. Так, зайсаны 2-й Чуйской волости, правившие в XIX — начале XX вв., были почти все из прямых или боковых потомков зайсана Монгола, встречу с которым описывал еще Бунге в 1826 г., а затем — Чихачев в 1842 г. [8, с. 51]. В 7-й алтайской дючине, образовавшейся в 40-х гг. XIX в., зайсанами были почти исключительно потомки Тобока из рода Кара — Майман. Кергежской волостью руководил род Чагат [8, с. 51-52]. Сохранению старого порядка занятия должности зайсана способствовало, по мнению Л.П. Потапова, внеэкономическая зависимость населения от зайсана. Нередко по истечению трехлетнего срока, зайсан, желая сохранить за собой должность, подкупал население (с помощью подарков, взяток и т.д.), давал своему конкуренту «откупное» — «карыш» — 200-300 руб., с тем, чтобы соперник отказался участвовать в предвыборной борьбе [6, с. 200].

Выбирали зайсана, как правило, всем миром. Почти каждый род выделял своего кандидата, но победа всегда оставалась за более многочисленными объединениями. На деле только внешняя форма выборов была демократической. Фактически выбирали и обсуждали кандидатуры лишь якшилары (лучшие люди). Обычно это были наиболее богатые и знатные алтайцы. Участие бедноты ограничивалось лишь ее присутствием на собрании. Л. П. Потапов следующим образом изобразил одну из сцен выборов зайсана: «Беднота совершенно не принимала участие в выборах и только прислуживала богачам, которые явились на выборы со своими палатками, с большими запасами вина и продовольствия; выборы происходили в просторной, специально построенной юрте, куда бедняки не решались даже входить; выбранному зайсану было поднесено много подарков» [6, с. 200-201].

Процедура переизбрания начиналась с того, что все население дючины извещалось о дне выбора нового зайсана. Народ начинал съезжаться за день — два до собрания. Богатые алтайцы ставили свои палатки, бедняки устраивались под деревьями. Вечером, накануне выборов, в палатках накрывали столы, никому не отказывали в угощении. Именно в это время кандидаты заручались согласием присутствующих на их избрание зайсаном. Утром начинались выборы. На поляне расстилали подседельники и потники, на которых усаживались в круг. В середине сидел старый зайсан, вокруг него демичи. Демичи были подчинены зайсану и считались его помощниками. Они управляли арманами, представляющими собой податные единицы, состоящие, как правило, из членов одного рода (если род был немноголюдным), или из членов одного подразделения рода, если род был многочисленным. Исследователи доказали, что термин арман (десяток) был заимствован алтайцами у монголов, где существовало деление на десятки, сотни, тысячи. У алтайцев он получил административное значение и был применен к роду, как податной единицы [10, с. 18].

Рядом с демичи при выборах зайсана сидели шуленги или албачи (сборщики податей), затем —

«лучшие люди» — бай. Бедняки стояли позади, чтобы было видно кандидата в зайсаны от имени своего армана. После обсуждения оглашался список кандидатов в зайсаны. В большинстве случаев в последующей процедуре выборов разногласий не было т.к. накануне какой-либо кандидат скупал голоса выборщиков. После оглашения кандидатов происходило голосование, побеждал тот, кто набирал большее число голосов. Выбранный на должность зайсана алтаец вставал, и, кланяясь собравшему на сход народу, говорил: «Зачем меня выбираете, есть люди лучше и умнее меня. Ему в ответ выборщики отвечали: «Нет, самый лучший, самый умный из нас ты, ты зайсаном будешь» [6, с. 201]. После этого на собрании выбирались демичи, шуленги и казначей.

Кандидатуру зайсана, предложенную сходом, утверждал губернский начальник. В случае обнаружения нарушений порядка выборов зайсаны (подкуп выборщиков, угрозы кандидата на должность зайсана общинникам и т.п.) губернский начальник отклонял кандидатуру и предлагал провести новые выборы. Однако факты, свидетельствующие о перевыборах кандидатуры зайсана, встречаются очень редко [6, с. 201].

Положение зайсана отличалось от положения обычного старшины тем, что, во-первых, он управлял не определенной территорией, а группой родов, члены которых могли жить по всей территории Алтая. Независимо от места пребывания, алтаец, приписанный к какой-либо дючине, подчинялся только своему зайсану, которому платил ясак, обращался за помощью и пр. Во-вторых, внутренние судебно-административные дела вершились зайсаном на основе обычного права [6, с. 193].

За свою «работу» зайсан получал жалование — 60 до 80 руб. в год. Наряду с ним, обычай предоставлял зайсану право получать от общинников дары. Так, зайсан 2-й Чуйской волости Семен Юлуков заставлял приносить от каждого «солона» — участка, подведомственного демичи в год по лисице. Каждое хозяйство должно было ежегодно давать ему определенную часть заготовленного сена. Такое же натуральное обложение устанавливали и другие зайсаны, избавлявшие себя, таким образом, от необходимости заготавливать сено в своем хозяйстве. Они обязывали однообщественников помогать при перекочевках, возить дрова, стричь овец и т.д. Так, Семен Юлуков перед сенокосом приказывал доставлять с семьи по одному тажууру (кожаный сосуд, объемом от 1 л и более) араки. Он собирал 5-6 бочонков араки, которыми он расплачивался за покос. Алтайцев, не пришедших на работу, зайсан наказывал [8, с. 54].

Широко был распространен у алтайцев и обычай при женитьбе давать зайсану 4-х годовалую корову — «куунан», причем делали это тогда, когда опасались, что он будет чинить препятствия свадьбе [8, с. 54]. При приезде зайсана население должно было встречать его с почетом, щедро угождать: колоть скотину, варить араку и дарить подарки. Как указывал С. П. Швецов, по обычаям, зайсану полагалось получать от дючины 1-2 бесплатных работника — «ярчи». Их выделяли поочередно на три месяца. Этот работник седлал

коня зайсану, носил дрова, пас скот и т.д. [11, с. 280-281].

Немалый доход зайсану приносили сбор ясака, земских поборов, а также денег по судебным штрафам. Потому-то они являли собой наиболее зажиточную категорию алтайского населения. Так, зайсан Семен Юлуков имел 400 лошадей, 60 дойных коров, более 400 овец и 80 маралов. Скот он постоянно покупал и перепродаивал. Весной, приобретая годовалых телят за 1-2 кирпича чая, которых летом его пастухи пасли на общинных пастбищах, а осенью он отдавал их прежним хозяевам на бесплатный прокорм до весны. Юлуков имел дом в Балыктуюле, который стал его постоянным местом жительства. Е. А. Луценко, путешествуя по Алтаю, отмечал в свое время, что на территории Улаганского аймака построено всего два дома, один из них принадлежит зайсану, а другой — демичи. Остальное население живет в аилах [12, с. 26].

Семен Юлуков присваивал себе и лучшие пахотные угодья. Он пользовался наиболее плодородной землей долины Балыктууль. До того, как стать зайсаном, он имел несколько засек. Став главой волости, он захватил, по сути дела, всю ее землю. После смещения С. Юлукова с должности зайсана земля осталась за ним. Бассейн реки Балыктууль с притоками общинники, не случайно, называли «землей зайсана» [8, с. 56]. Зайсану Василию Тадышеву принадлежали покосные угодья по реке Турале, где стояли его засеки. Случаи бедности, несостоительности зайсанов не указывает ни один из исследователей. Если бедные алтайцы выбирались зайсанами, что было крайне редко, то они, что вполне естественно, очень быстро поправляли свое экономическое положение [8, с. 56-57].

Соблюдая обычаи предков, алтайцы с большим уважением относились к зайсанам. При встрече с ним они целовали ему руки, а когда обращались с просьбой, то становились на левое колено (за правое голенище алтайцы клали трубку и кисет), подавали закуренную трубку и лишь, потом излагали суть вопроса. Знаком уважения зайсана считалось снятие шапки при его появление, а также медленный проезд мимо дома главы дючины, причем с обнаженной головой [6, с. 322].

Зайсан для алтайцев являлся не только должностным лицом, который должен был выполнять служебные обязанности, он был покровителем и защитником своих поданных. Невменшательство русских властей в дела родового управления приводило к тому, что власть зайсана была фактически автономна и безграницна.

В отличие от южных, у северных алтайцев должность родового старосты — паштыка была выборной. Выборы его обозначались термином «паштык тутарга (держать или ловить паштыка)». Выбираемый паштык должен был не только отказываться от должности, когда называли его кандидатуру, но и бежать прочь. Выборщики кидались его ловить. Поймавшие паштыка держали его до тех пор, пока не подбегали остальные и не прикасались к нему руками, хотя бы к краю его одежды. Когда избираемый на должность

паштыка видел, что большинство присутствующих на сходе уже притронулись к нему, то он снимал шапку, кланялся и говорил: «Воля ваша, буду паштыком» [6, с. 337]. После этого выборы считались оконченными. Паштык избирался сроком на 3 года. Паштык у северных алтайцев считался «слугой народа».

До конца XIX в. эти «слуги народа» являлись должностными представителями рода с наследственным правом, при котором выборы являлись для общины формальной мерой. После 1880 г. наследственное право было, как известно, ликвидировано. С этого момента паштык, как и зайсан, стали избираться на сходах. Для выбора на эти должности, имущественного ценза не существовало. Однако общинники считали, что на должность, связанную с хранением или сбором денег, бедняка выбирать можно только лишь в том случае, если его честность и бескорыстие были общеизвестны [13, с. 106-107].

Зайсаны и паштыки имели соответствующие знаки отличия — бляху на медной цепи, которая носилась на шее. Правда, носилась она только при исполнении ее обладателя служебных обязанностей или при явке их «к начальствующим лицам» [14, с. 103].

Должность паштыка, не говоря уже о зайсанкой, была достаточно доходной. Основные доходы он получали от сбора ясака и взяток при разбирательстве судебных дел. Шорцы, как известует источник, должны были платить (по закону) ясак с 18 и до 50 лет, а паштык брал подати уже с 16-ти летних. Эта подать с подростков полностью забиралась им себе. У челканцев подростки с 14-15 до 18 лет платили ему кожынту (надбавку) по 30-40 коп. с души. Большие доходы паштыку приносила и пушнина. В ясак, как известно, принимались самые лучшие шкурки, цена которых намного превышала размер положенного налога [6, с. 340-341].

Как и зайсану, паштыку алтайцы оказывали знаки уважения. Считалось оскорблением для родового старосты, если алтаец не поклонился или пересек ему дорогу.

Бесконтрольность действий зайсанов и паштыков постоянно ставила перед русской администрацией проблему урегулирования системы общественного управления «инородцами». 11 марта 1903 г. Общее Присутствие Томского губернского управления по крестьянскому отделению одобрило проект «Положения об инородцах Томской губернии» и представило его на рассмотрение министру внутренних дел. Согласно проекту, территория проживания инородцев должна была быть поделена на волости, а последние — на сельские общества. Родовое управление у алтайцев сохранилось вплоть до окончания поземельного их устройства [4, л. 118-127].

Вышеозначенный проект стал первой попыткой русского правительства ликвидировать разницу между зайсаном и русским волостным старшиной. В нем было записано, что родовой староста должен выполнять все те же обязанности, что и волостной старшина. Если ранее время и место общинного схода определял зайсан, то теперь эта

роль отводилась крестьянскому начальнику. Он же утверждал и кандидатуру родового старосты. Крестьянскому начальнику вменялось в обязанность определять территорию, на которую должна была распространяться административная и полицейская власть должностных лиц родового управления.

Несмотря на усилия царского правительства реорганизовать полностью управление инородцами не удалось. Только одновременно с землеустройством алтайцев властям удалось провести и коренное переустройство их общинного управления. Правительство упразднило в 1912 г. зайсанат и заменило его волостным управлением. Алтайские дючины были реорганизованы в волости, образованные по территориальному принципу [5, л. 21].

За добросовестное выполнение общественных поручений члены волостной администрации награждались ценностями вещами, денежными премиями и почетными медалями. Так, по ходатайству крестьян Александровской волости перед крестьянским начальником был награжден ихний волостной писарь — Иван Кобышев. 6 декабря 1910 г. ему была вручена серебреная медаль на Станиславской ленте, носившаяся на груди. В прошении общинники отмечали, что Иван Кобышев «содержал в порядке документы общества, всегда был вежлив и приветлив с людьми ...ни кого не обманывал и ни обкрадывал» [6, л. 14].

Теленгиты 1-й Чуйской волости Бийского уезда решили на сходе ходатайствовать перед крестьянским начальником о награждении за хорошую службу родового старосты Василия Тадышева. Алтайцы просили в мирском приговоре дать ему какую-либо медаль. Правительство пошло им навстречу и наградило старосту серебренной нагрудной медалью на Станиславской ленте [6, л. 14].

Наряду с просьбами наградить своих «начальников», властям поступали и жалобы на их противозаконные действия. Так, 9 сентября 1899 г. крестьяне д. Ново-Соседовой подали жалобу на Легостаевского волостного старшину (Барнаульский уезд). Он обвинялся в том, что брал подать в большем размере, чем было положено по закону. Крестьяне сообщали, что когда общество отказалось платить подать до присылки новых окладных листов крестьянский начальник, по доносу старшины, арестовал жалобщиков и посадил «на трое суток». Крестьяне также ставили старшине в вину то, что он на мирские деньги содержал личную прислугу. Однако произведенное расследование не обнаружило фактов нарушения закона со стороны старшины и просьба крестьян наказать волостного главу не получила удовлетворения [15, л. 221]. Следует отметить, что материалы расследования подобных дел свидетельствуют о том, что чаще всего при расследовании фактов, подтверждающих виновность волостной администрации не находили подтверждений жалобы крестьян [15, л. 223-225].

Однако, известны случаи, когда вина должностного лица доказывалась и тогда виновные наказывались и довольно строго. Именно за такой проступок был отстранен в феврале 1900 г. от должности и подвергнут наказанию Карасукский

волостной старшина (Барнаульский уезд) Одинцов. Его, в частности, обвиняли в невыполнении своих обязанностей по сбору податей и за занятия «пьянством». Крестьянский начальник сообщал Томскому губернатору, что Карасукский старшина еще в 1899 г. «взялся за перестройку здания волостного правления» для чего он и нанял подрядчика. Но после завершения строительных работ старшина отдал подрядчику не 600, как это требовалось по договору, а только 200 рублей [16, л. 3].

21 января 1900 г. Общее Присутствие Томского губернского управления запретило заслану 1-й Алтайской дючине Сергею Тозыякову исполнять свои служебные обязанности и арестовало его. Поводом для этого стало обвинение его в пьянстве, грубом обращении с общественниками, а также в небрежном ведении денежных книг. Начавшееся расследование всесело доказало вину родового старосты [16, л. 4-5].

Если виновный избегал официального наказания властями, не сумевшими или не захотевшими доказывать его преступление, то потерпевшие сами наказывали общественных выборных. Простое порицание однообщественниками того или иного поступка должностного лица часто приводило к тому, что виновный менял свое поведение. Известны были и более суровые наказания. К примеру, крестьяне поджигали дома преступников, разрушали их постройки, травили скот и др. [17].

Волостная администрация контролировала все стороны жизни и деятельности деревни. Земельные же угодья составляли, как известно, главное богатство алтайских крестьян, в силу чего первостепенной задачей общины была забота о сохранении и расширении своего земельного фонда. Крестьянский мир строго следил за распределением земли «по справедливости». Старшина и его помощники следили за исполнением решений ми尔斯ких сходов. Они контролировали нарезку земли хозяевам, следили, чтобы крестьяне во время производили сев и уборку хлебов, занимались организацией выпаса общественного скота. Старшина был обязан отчитываться перед крестьянским начальником о состоянии сельскохозяйственного производства в волости. Он осуществлял раскладку податей и повинностей между отдельными членами общины, разбор жалоб крестьян, следил за моральным климатом в обществе.

В конце XIX—начале XX вв. происходят существенные изменения в социально-экономической и политической жизни России. Коснулись они и русской деревни. Крестьяне быстро откликнулись на предложения правительства. Одним из проявлений этого стало активное занятие крестьянской общины предпринимательской деятельностью. Протоколы приговоров сельских сходов свидетельствуют о том, что часто инициаторами нововведений были волостные старшины. В частности, по предложению волостной администрации крестьянские общества строили дороги, учреждали собственные банки, открывали магазины, лавки, строили школы, училища и т.д. Занимались они также устройством у себя ярма-

рок и базаров. «Учреждение» последних они обосновывали плохими дорогами, удаленностью их сел от ярмарок и базаров, а также отсутствием средств на поездку на них. В силу всех этих причин и ходатайствовали крестьяне об открытии ярмарки и базара у себя в селе. Нередко общины открывали базары за счет общества и определяли день для торговли на них. Взносы с торговцев обычно поступали в общественную казну на покрытие «общинных расходов» [18, л. 3-6].

Отсутствие связи с внешним миром часто ставило перед крестьянским обществом проблему строительства собственного телеграфа. Архивные материалы свидетельствуют, что многие общины сумели-таки провести к своим селам телеграфные линии. В большинстве случаев, средства на содержание телеграфа они брали из мирской казны. Если собственных денег не хватало на эти цели, то они просили ссуду у государства, которую постепенно и выплачивали [19, л. 3-4].

Довольно часто крестьяне брали ссуды на покупку семян и сельскохозяйственных машин. Правда, брать их в государственном или коммерческом банке было невыгодно из-за большого процента. Для скорейшего погашения ссуды создавались специальные кредитные товарищества.

Некоторые сельские общества смогли открыть даже свои, собственные банки. Так, крестьяне Косихинской волости Барнаульского уезда, будучи на волостном сходе 21 июня 1898 г., решили учредить у себя сельский банк. Для этого, сход обратился с просьбой к вышестоящему начальству дать ему разрешение на строительство банка, обязуясь отчислить в основной капитал банка из общественных средств 3000 руб., из которых 757 руб. должны были вернуть в кассу, а остальные 2243 рубля раздать в качестве ссуды крестьянам. Сельские общества поддержали предложение волостного схода и 27 августа 1899 г. Общее Присутствие Томского губернского управления удовлетворило просьбу крестьян. Таковой банк был открыт в 1900 г. [20, л. 83].

Наряду с указанным, совместными усилиями крестьяне строили маслодельные заводы, открывали лавки, приобретали сельскохозяйственные орудия: молотилки сеялки, плуги и т.п. Например, в селе Залесово Барнаульского уезда в 1913 г. функционировало кредитное общество, имелась общественная лавка, было построено несколько складов хозяйственного назначения, куплены земледельческие машины, построена школа, открыт почтовый отдел, действовал ежегодный базар, а также работал маслодельный завод [21]. Активно занимались предпринимательской деятельностью и многие другие алтайские общины. Конечным результатом этого было расширение посевных площадей, увеличение поголовья скота, рост производительности труда, улучшение жизни и быта крестьян

Община занималась и рассмотрением жалоб, следила за исполнением законов Российской государства. Документы Томского губернского управления указывают на три формы разрешения общиной «тяжбенных и уголовных дел». В одних волостях они рассматривались всеми общинника-

ми на мирском сходе; в других — судебные обязанности «исправляли» старшины при участии помощников (сотских и десятских); в третьих — старшиной при участии особо избранных для этого лиц («судей»). При вынесении приговора судьи руководствовались законами Российской империи. У алтайцев судьи неизменно опирались на «Положение об инородцах Томской губернии» от 11 марта 1906 г., хотя в большинстве случаев приговор выносился на основе норм обычного права. У алтайцев существовал суд зайсаны. На его рассмотрение выносились дела, касавшиеся крупных краж, оскорблений кого-либо «действием, с причинением телесных повреждений», тяжбы и ссоры между родами и т.п. Зайсану не были подсудны только дела, связанные с убийствами и преступлениями против церкви и государства. Он разбирал дела в присутствии всех заинтересованных лиц рода или родов. При вынесении приговора принималось во внимание и мнение присутствовавших на сходе людей, которое в немалой степени влияло на исход рассматриваемого дела и окончательное решение по нему. Зайсан мог приговорить к уплате штрафа, возмещению убытков, аресту с последующим его отбыванием в «каталажке». Тюремное заключение отбывалось в Улале, куда доставляли арестанта и откуда его везли домой после завершения отбывания срока наказания [22, л. 41].

Нередко тяжбы и конфликты возникали между русскими крестьянами и алтайцами. В этих случаях зайдан и демичи могли рассматривать дело лишь только в том случае, если на это имелось согласие первых. В противном случае разбирательство происходило в общих для русских и алтайцев судебных или административных учреждениях [23, л. 16].

Решения мирских судов не были окончательными. Они могли быть обжалованы в вышестоящих инстанциях. В крестьянском мире во все времена высоко ценились справедливость, милосердие, уважение к старшим, взаимопомощь и другие нравственные категории. Крестьянам была присуща забота о детях, стариках и соседях. Помочь человеку, попавшему в беду, было делом чести общины, каждого ее члена. Поэтому-то на посто-

янном попечении мира неизменно находились сироты, калеки, вдовы [24, л. 39-40].

Особое внимание община обращала на воспитание подрастающего поколения. Она настоятельно требовала от родителей воспитывать их честными, трудолюбивыми и порядочными людьми. В тех случаях, когда родители не заботились о детях, мир брал на себя ответственность за их воспитание на себя. Сельский сход назначал детям попечителя. Таковым мог стать любой честный и порядочный крестьянин, который никогда «под судом и следствием не состоял» и вызывал доверие односельчан. Сход определял размеры средств, отпускаемых попечителям на воспитание и содержание детей, контролировал их расходование.

Благодаря помощи общины на Алтае были построены школы и училища для крестьянских детей. Сельские общества заботились и о подготовке учительских кадров. Газета «Сибирская жизнь» сообщала в 1898 г., что уполномоченными от 93 крестьянских обществ, входивших в состав Шадринской, Шаховской, Ребрихинской, Космалинской, Кулундинской, Боровской, Покровской волостей Барнаульского уезда было принято постановление об учреждении I-го Крестьянского общества по попечению о начальном образовании. Первым шагом деятельности общества было решение открыть в селе Павловском училище для подготовки учителей [25].

Решительно боролась община с пьянством и тунеядством. «Праздный образ жизни и распитие спиртных напитков — указывали крестьяне — действует развращающие на молодежь и влечет за собой падение нравов» [26, л. 5-6]. Общинники активно выступали против открытия в их селениях питейных заведений, накладывали запреты на употребления спиртных напитков и т.д. Эта позиция крестьян прослеживается во многих общественных приговорах. Нравственные принципы пронизывали все стороны жизни алтайских крестьян. Они старались жить в согласии со своей совестью, строго соблюдая обычаи и традиции предков. Они-то и должны стать, по нашему мнению, предметом пристального изучения. Однако многие стороны деятельности крестьянского мира, к сожалению, до сих пор остаются неизученными.

Библиографический список

1. Центр хранения архивных фондов Алтайского края. (ЦХАФАК) — Ф.178.— Оп. I. — Д. 4. — Л. 15-65.
2. Государственный архив Томской области.(ГАТО) — Ф.3. — Оп. — 45. — Д.286. — Л.2-94.
3. ЦХАФАК. — Ф. 178. Оп. 2. Д. 6. Л. 122-138.
4. Леонтович Ф. И. Древний монголо-ойратский, или калмыцкий устав взысканий.- Одесса, 1879.- С. 50-58.
5. Потанин Г. Н. Материалы для истории Сибири. — Четвия. — М., 1866.- Кн.1. — С. 75-77.
6. Потапов Л. П. Очерки истории алтайцев. — Новосибирск, 1948. — С. 192-345.
7. Гельмерсен А. Телецкое озеро и телеуты Восточного Алтая // Горный журнал. 1840. — С. 251-257.
8. Токарев С. А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. — Л., 1936. — С.49-61.
9. ГАТО. — Ф. 3. — Оп. 45. — Д. 289. — Л. 100-143.
10. Швецов С. П. Горный Алтай и его население. — Барнаул, 1903. Т. 3. Вып. 4. С.10-26.
11. Швецов С. П. Горный Алтай и его население. — Барнаул, 1900. — Ч. 1. — С.279-283.
12. Луценко Е. А. Поездка к алтайским теленгитам // Земледелие. — Кн. 1-2. — М., 1889.- С. 1-38.
13. Шерр Н. Б. Из поездки к кумандинцам в 1898 // Алтайский сборник.— Барнаул, 1903. □5. — С.81-114.
14. Сатлаев Ф. А. Сельская община кумандинцев во второй половине XIX — первой четверти XX вв. // Социальная история народов Азии. — М.,1975. С. 100-114.
15. ГАТО. — Ф.3. — Оп. 45. Д. 60. — Л. 220-231.
16. Там же. Д. 646. — Л. 1-6.
17. Жизнь Алтая. 2 февраля.1912. □19.
18. ГАТО. — Ф. 3. — Оп. 45. Д. 850.— Л. 1-15.
19. Там же. Д. 850. — Л. 1-15.
20. Там же. Ф.3. — Оп. 45. — Д. 269. — Л. 54-84.
21. Сибирская жизнь. — 26 июня 1913. □139.
22. ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 283.— Л. 1-44.
23. Там же. Д. 178. — Л. 15-18.

24. ГАТО. Ф.3. Оп. 44. — Д. 4198. — Л. 25-42.
25. Сибирская жизнь. — 25 января 1898. № 20.

26. ГАТО. Ф. 239. Оп. 8. — Д. 2. — Л. 1-18.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 17.04.10.

E. G. Zateeva

DISTRICT ADMINISTRATION OF PEASANT COMMUNITY IN ALTAI AT THE END OF 19TH — THE BEGINNING OF 20TH CENTURIES

In the article, on the basis of archival sources, the district self-government of altaian community is characterized. The by-road sides of district administration activity are also shown here, including the organization of peasants' free enterprise and formation of moral climate in the community.

Kabinet EIV, Altai, West Siberia, province, peasantry, peasant community, peasant head

УДК 902

T. B. Захарова

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В ГОРНОМ АЛТАЕ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В статье рассматриваются некоторые аспекты развития периодической печати Горного Алтая в первые десятилетия советской власти. Изучение этого вопроса позволит полнее раскрыть общие закономерности и специфические особенности развития национальных регионов.

периодическая печать, Горный Алтай, Советская власть, национальные регионы

В первые годы Советской власти «информационное» обеспечение населения Горного Алтая находилось не на должном уровне. Единственным средством массовой информации жителей нашего региона в то время служили листовки, печатавшиеся на русском и алтайском языках, в которых разъяснялась не только сущность Советской власти и проводимых ею мероприятий, но и политических кампаний, проводившихся тогда. Наряду с этим, в листовках также разъяснялась сущность бандитизма, его контрреволюционность и др. Но этого, как показывало время, было явно недостаточно: люди нуждались в более широкой и разнообразной информации о жизни в стране и ее регионах. В силу этого в центральной и местной прессе стали появляться статьи, которые указывали на эти «пропагандистско-информационные недостатки», которые и предстояло преодолеть в самое ближайшее время. Наиболее значимым из них являлось то, что газеты первостепенное, причем значительное, место отводили общеполитическим материалам, т.е. изложению декретов и постановлений Советской власти, разного рода информацией о деятельности того или иного ведомства. Иначе говоря, требовалась «крутый поворот» и «перестройка» работы прессы, в соответствии с «новыми историческими условиями и велениями времени». Об этом не раз говорил В. И. Ленин еще в 1918 г. В газетах, подчеркивал он тогда, уделяется «чрезмерно много места политической агитации на старые темы, — политической трескотне. Непомерно мало места уделяется строительству новой жизни, — фактам и фактам на этот счет... Поближе к жизни. Побольше внимания к тому, как рабочая и крестьянская масса на деле строит нечто новое в своей будничной работе. Побольше проверки того, насколько коммунистично это новое» [1, с. 172-173].

Руководствуясь этими указаниями вождя, и было определено основное направление в области печати. Это было сделано было в 1919 г. на VIII съезде РКП(б), в резолюции которого отмечалось: «В целях улучшения нашей партийной и советской печати, — подчеркивалось в его резолюции, — необходимо: а) редакторами партийных и советских газет назначать наиболее ответственных, наиболее опытных партийных работников, которые обязаны фактически вести работу в газете; б) партийные комитеты должны давать редакциям общие политические директивы и указания и следить за выполнением директив, не вмешиваясь, однако, в мелочи повседневной работы редакции; в) военная цензура должна быть введена в строгие рамки вопросов оперативного и военно-организационного характера. Одна из важнейших задач партийно-советской печати — разоблачение преступлений разного рода должностных лиц и учреждений, указание на ошибки и недостатки советских и партийных организаций...» [2, с. 116]. Из этого документа видно, что перед периодической печатью были поставлены не только значительные задачи, но она, ее деятельность были значительно политизированы.

Опираясь на решения VIII съезда РКП(б), партийные организации и волостные революционные комитеты стали все постоянно обращаться к печати, как к действенному средству массовой пропаганды. Теперь, в 1921 г., газеты всех уровней начали пропагандировать партийные решения, помещали материалы съездов, внутрипартийных дискуссий и др. Особое внимание они уделяли разъяснению новой экономической политики, закону о продналоге и его проведению в жизнь.

Немалый вклад привнесла пресса и в преодоление кризиса на «культурном фронте». Показывая тяжелые последствия, вызванные снятием

культурных учреждений с государственного снабжения, газеты разъясняли необходимость взять эти учреждения на собственное обеспечение. Не обошли они и воспитание у граждан страны художественных вкусы, широко помещая для этого рецензии на спектакли и концерты, устраивали обсуждения спорных вопросов искусства и литературы.

Не обошли стороной все эти «идеологические новшества» и Горный Алтай. Чтобы реализовать в жизнь решения партийного съезда, необходимо было издавать в массовом порядке печатную продукцию. С этой целью в 1922 г. в Улале была организована типография. Первым официальным документом, свидетельствовавшим о ее появлении, явился договор аренды и передачи типографии Алтайского губернского совнархоза Горно-Алтайскому уездному исполнительному комитету. Из с. Алтайского типография была перевезена в январе 1922 г. в с. Улалу. Для ее размещения здесь был выделен деревянный дом по Почтовой улице. С первых же дней своего «рождения» типография стала выполнять заказы областных учреждений на изготовление разной бланочной продукции. Но оперативно решать вставшие перед ней задачи она была не в состоянии: ее оборудование было «старым и примитивным». В перечне ее имущества значились плоская печатная машина альбомного размера и переплетное оборудование. Коллектив же типографии состоял из 13 человек [3, с. 380]. Но, несмотря на все сложности, уже в 1922 г. типография отпечатала первые номера областных газет.

Первой ласточкой в этом деле стала выпущенная 7 ноября (по решению обкома РКП(б) и облисполкома) газета-листовка «Ойротский край». Первое время газета выходила нерегулярно, ее главной целью являлось «обслуживание интересов широких масс русского и алтайского населения». Первый номер газеты содержал обращение редакции к населению, информацию о Втором хлебном займе, хронику российской жизни, сообщения с мест, основные события поселка Улала. Однако для регулярного выпуска газеты редакция не имела соответствующей материальной базы. И только спустя год, с большим трудом удалось наладить издание еженедельной одностороничной газеты-листовки с тем же названием. Популярностью пользовалась и газета «Кызыл Ойрот» (на алтайском языке), выход которой был встречен алтайским населением с большим интересом. Из поступавших с мест сведений было видно, что в аилах газета «зачитывалась до дыр».

До ее выхода, и это следует подчеркнуть особо, на алтайском языке издавались до революции только лишь молитвы, богослужения, сборники молитв и жития святых, подготовленные миссионерами, которые, впрочем, не имели широкого распространения, поскольку основная масса алтайского коренного населения была безграмотна. После образования в 1922 г. автономной области впервые появилась возможность издания литературы на алтайском языке, для чего в 1925 г. подотделом национальных меньшинств и были созданы две переводческие комиссии [4, л. 33].

Первая из них должна была находиться в культурном центре (в Барнауле или Омске). Она состояла из трех членов, одного корректора, четырех или пяти наборщиков-алтайцев. Ее главной задачей являлось издание газеты на алтайском языке, перевод и издание статей научно-популярного и политического содержания. Вторая переводческая комиссия должна была находиться в культурном центре Горного Алтая — Чемале — и вести работу по составлению и переводу учебников для школ, научно-популярных книг и статей по сельскому хозяйству, огородничеству, скотоводству, пчеловодству, собиранию сказок, легенд и разного рода памятников старины с целью «развития культуры коренного населения» [5, л. 33].

Оценивая деятельность переводческих комиссий, можно сделать однозначный вывод, они справились с поставленной передними задачей, причем, неплохо. Свидетельство тому — следующие факты: если в 1923 г. на алтайском языке в области вышло всего две книги, то к 1929 г. таких книг было уже 69 [6, с. 334]. С другой стороны, благодаря принимаемым мерам, заметно улучшилось и само издательское дело. Так, к 1927 г. на алтайском языке издавалось 61 наименование различного рода литературы, общим тиражом 81000 экземпляров [7, с. 34]. По ходатайству обкома ВКП(б) и облисполкома, при Московском Центральном издательстве народов СССР в 1930 г. была создана специальная алтайская издательская секция [7, с. 34].

Заметно повысилось к этому времени и содержание газет. На данном этапе оно определялось «потребой» времени: пропаганда НЭПа, оказание помощи голодающим Поволжья, проведение продналоговых кампаний, новости науки и техники, объявления, советы врача. Наряду с этим, большое внимание уделялось и распространению в массах сельскохозяйственных знаний.

Сравнивая газеты 30-х гг. XX столетия с нынешними (что, естественно, некорректно), можно отметить, что сейчас первые наши газеты выглядят наивными, декларативными, даже малограмотными. Довольно редким «гостем» в них был местный материал. Но не следует забывать, что в 1922 г. почти 92% коренного населения области было неграмотным [8, л. 89]. В силу этого, газета не имела собственных сотрудников и лишь при помощи внештатных селькоров и рабкоров ей удавалось, хоть в какой-то мере, отражать жизнь на местах. Да и их редакция была «не всегда на уровне»: в лучшем случае она состояла из редактора, секретаря и наборщиков. Для того, чтобы приблизить газету к читателю предпринимались выезды работников печати в села. Как уже упоминалось выше, «походная типография с двумя наборщиками и редактором «Ойротского края» Хохловым находилась в Чемале... Набор и печать велись прямо на глазах зрителей» [9, с. 46].

Бот, к примеру, небольшая статья в журнале «Настоящее» о том, о чем отмечалось выше. «У ойротов, — гласит она, — есть своя газета, но почти нет грамотных людей, которые могли бы читать эту газету, поэтому, когда «Кызыл Ойрот» получают на кочевке, подписчики отправля-

ют нарочного на коне за русским или другим грамотным человеком, если таковой имеется. Он часто не знает алтайский, но так как шрифт в газете русский, то все-таки читает, делая неправильные ударения и искажая слова. Кочевники сидят рядом вокруг и обсуждают каждую фразу, как ее следует понимать... Таким образом прочитывается вся газета. Буквально от строчки до строчки. Прочитывается даже то, что мы, люди, привыкшие к газетам, совсем не читаем. Например, заголовок газеты с адресом и телефоном редакции, условием приема рукописей и т.д. Причем все это также обсуждается, а люди, наиболее бывалые, объясняют другим смысл различных понятий, упоминаемых там, таких, скажем, как «телефон».

Библиографический список

1. Соскин, В. Л. Культурная жизнь Сибири в первые годы НЭПа (1921-1923 гг.) / В. Л. Соскин. — Новосибирск: Наука, 1971.
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. 1922-1925 гг. — М., 1984.
3. Люди эпохи XX века. Т. 1. — Горно-Алтайск, 2002.
4. КПДА РА. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 224.
5. КПДА РА. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 224.
6. Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области / под ред. Л. П. Потапова. — Горно-Алтайск, 1973.
7. Потапов, Л. П. Из истории национально-культурного строительства у алтайцев / Л. П. Потапов // Ученые записки. — Вып. 10. — Горно-Алтайск, 1971.
8. КПДА РА. Ф. Р-61. Оп. 9. Д. 1.
9. Улала, Ойрот-Тура, Горно-Алтайск. Страницы истории / под ред. А. В. Эдокова. — Горно-Алтайск, 1997.

T. V. Zaharova

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 11.03.2010.

TO A QUESTION OF PERIODICALS DEVELOPMENT IN GORNY ALTAI IN THE FIRST DECADES OF THE SOVIET POWER

In the article some aspects of development of periodicals of Gorny Altai in the first decades of the Soviet power are considered. Studying of this question will allow opening the general laws and specific features of national regions development.

periodicals, Gorny Altai, the Soviet power, national regions

УДК 902

Ю. М. Кудинов

ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ УРАЛО-КУЗНЕЦКОГО КОМБИНАТА В ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (30-е гг. ХХ в.)

В статье на основе анализа историографических источников дается характеристика западносибирской историографии проблемы создания Урало-Кузнецкого комбината, развивающейся в 30-е гг. ХХ века.

Урало-Кузнецкий комбинат, отрасль промышленного производства, Западная Сибирь, Урал, Кузнецкий угольный бассейн, историография

Урало-Кузнецкий комбинат — это одно из самых грандиозных промышленных предприятий, созданных в эпоху проведения в нашей стране политики индустриализации. В его работе были задействованы ресурсы огромных территорий Урала и Западной Сибири. В составе его действовало огромное количество промышленных предприятий, специализирующихся в рамках различных отраслей промышленного производства: добывающей промышленности, черной и цветной металлургии, машиностроения.

Поэтому одной из наиважнейших проблем, изучаемых западносибирской историографией, развивавшейся в период 30-х гг. ХХ века, являлась

После каждого такого чтения в голове алтайца происходит действительно революционная ломка старых представлений» [9, с. 47]. С таким заключением автора вышенназванной статьи трудно не согласиться.

Таким образом, суммируя все вышесказанное, можно констатировать, что национальная периодическая печать, была не только составной частью партийно-советской печати и выступала своеобразным рупором Центра на местах, но и являлась важным источником информации о событиях в стране и регионе, пропагандировала советские декреты, способствовала проведению на местах политики партийно-советских органов.

-
6. Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области / под ред. Л. П. Потапова. — Горно-Алтайск, 1973.
 7. Потапов, Л. П. Из истории национально-культурного строительства у алтайцев / Л. П. Потапов // Ученые записки. — Вып. 10. — Горно-Алтайск, 1971.
 8. КПДА РА. Ф. Р-61. Оп. 9. Д. 1.
 9. Улала, Ойрот-Тура, Горно-Алтайск. Страницы истории / под ред. А. В. Эдокова. — Горно-Алтайск, 1997.
-

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 11.03.2010.

проблема создания и функционирования Урало-Кузнецкого комбината. При этом необходимо отметить тот факт, что данная научная проблематика носила не только исторический, т. е. была предметом исследования исторической науки, но, прежде всего, экономический характер, находясь, одновременно с этим, и в исследовательском поле экономической науки. Это обстоятельство подтверждается тем фактом, что изучением вопросов, связанных с историей создания и развития Урало-Кузнецкого комбината, занимались обычно партийные и хозяйственные работники, экономисты-плановики, а также представители административно-хозяйственного аппарата. Отсюда выте-

кает особенность процесса изучения этой проблемы, проявлявшейся в том, что зачастую такого рода исследования носили проективный характер. Однако, подобного рода исследования, согласно современным методологическим наработкам в области истории исторической науки, также можно отнести и к историографии, т. к. они содержат в себе историографические сведения, позволяющие реконструировать процесс изучения создания и развития Урало-Кузнецкого комбината. Их главная ценность для сегодняшнего времени заключается в том, что они отражают этот процесс, что называется, «по горячим следам». Авторы работ являлись, как правило, непосредственными участниками реальных событий. Однако, при этом надо заметить, что историография процесса создания Урало-Кузнецкого комбината была в начальной стадии своего развития, а поэтому зачастую имела, без преувеличения, дилетантский характер.

Как известно, впервые вопрос о создании Урало-Кузнецкого комбината был поставлен в 20-е гг. XX века, а вскоре (на рубеже 20-30-х гг.) началась его практическая реализация.

Начало изучению урало-кузнецкой проблемы было положено, единодушно признают исследователи, фундаментальной работой М. Э. Подгорного и В. Ф. Васютина (члена президиума Госплана СССР), появившейся в 1931 году [1]. В ней авторы дали подробную характеристику имеющихся ресурсов, задействованных в создании и деятельности комбината. Также была представлена оценка себестоимости производства кузнецкого угля и чугуна [1, с. 61], рассматривались вопросы обеспечения производств комбината электроэнергией [1, с. 67-78], варианты решения транспортной проблемы, которые разрабатывались в контексте проблемы организации своеобразного железнодорожного маятника, который должен был действовать между уральскими и кузнецкими промышленными предприятиями [1, с. 35-38]. Показателен тот факт, что смысл создания такого грандиозного по своим размерам предприятия авторы работы определяют целями проведения политики индустриализации (в частности, созданием мощного промышленного комплекса на востоке страны). При этом они отмечают, что невозможно в рамках одного Урала или Сибири создать один угольно-металлургический комплекс [1, с. 19-24].

Данная монография, безусловно, имела «проектный» характер (что, как уже отмечалось ранее, было вполне естественным для подобного рода работ). Это обстоятельство можно увидеть на примере того факта, что авторы исследования определили целый перечень различного рода промышленных предприятий, которые должны были построить в рамках создания Урало-Кузнецкого комбината. Многие из них так и не были впоследствии построены (например, Кемеровский электролитный завод и Кемеровский свинцовий комбинат) [1, с. 89]. Разумеется, что этот факт нельзя ни в коей мере рассматривать в качестве недостатка данного исследования, так как он обусловлен самим характером работы: потому что не-

возможно исследователю точно предопределить в будущем развитие реальных событий.

Отдельное место в системе изучения проблем создания Урало-Кузнецкого комбината, занимает вышедшая в 1931 году, монография известного административно-хозяйственного работника, занимавшего в течении 30-х гг. ХХ в. посты заместителя председателя крайисполкома а также председателя Запсибиркрайплана, В. Ф. Тиунова [2]. В ней автор рассматривает вопрос о создании промышленного гиганта с помощью изучения всех задействованных в его работе отраслей промышленного производства: черной и цветной металлургии, каменноугольной и химической промышленности, машиностроения и энергетики. Советский исследователь рассматривает процесс создания Урало-Кузнецкого комбината в комплексной связи с задачами развития всей советской плановой экономики того времени, что в данном случае следует признать вполне естественным.

Особое внимание советский экономист-плановик акцентирует на значении создания второй индустриальной базы на востоке страны. При этом он отмечает, что «отыскание этой новой базы диктовалось не только тем, что наш юг уже не в состоянии обслужить весь СССР, но и необходимости приблизить производство металла как к источнику сырья — к руде и топливу, так и к рынку потребления» [2, с. 3]. Вполне понятно, что В. Ф. Тиунов под термином «юг», конечно же, подразумевал Донецкий угольный бассейн, который являлся в то время главным угольно-металлургическим районом страны.

Сущность урало-кузнецкой проблемы, по мнению В. Ф. Тиунова, «в основном сводится к тому, что на основе взаимной увязки хозяйственного развития этих двух крупнейших сырьевых и энергетических районов создается новый угольно-металлургический комбинат [2, с. 4]. Автор монографии, исследуя экономическую целесообразность создания Урало-Кузнецкого комбината, изучает хозяйственный опыт Германии и США, уже имевшими к этому времени опыт создания подобных промышленных комплексов. Их появление было обусловлено стремлением соединить в единую систему находящиеся в разных географических зонах месторождения главных полезных ископаемых, используемых в металлургии, — руды и каменного угля [2, с. 4]. Однако, несмотря на это, В. Ф. Тиунов отмечает, что создание такого грандиозного комбината возможно только в рамках действия плановой экономической системы [2, с. 5].

В географическом плане советский исследователь значительно расширил границы деятельности производств комбината по сравнению с первоначальным вариантом осуществления, включив в него при этом территории Башкирии, Казахстана и даже Восточной Сибири, мотивируя это наличием на них большого количества природных ресурсов, которые также необходимо будет в дальнейшем включить, по мнению В. Ф. Тиунова, в процесс деятельности Урало-Кузнецкого комбината [2, с. 11-12].

В основной массе работ, созданных в течении обозначенного хронологического промежутка вре-

мени на территории Западной Сибири, проблема создания и функционирования Урало-Кузнецкого комбината имела все же фрагментарный характер. Работы, касавшиеся ее освещения, носили, как правило, какие-то отдельные вопросы, связанные с деятельностью комбината.

Так, например, вопрос о невозможности появления подобного рода промышленных предприятий в дореволюционной России обозначен в работах В. Мрачковского [3], В. Ф. Соколовского [4] и И. Трелина [5]. Отвечая духу времени, они в пафосной форме повествуют об отсталости промышленного развития в дореволюционный период истории нашей страны, одновременно сравнивая его с грандиозными достижениями советской эпохи. Так, в частности, в работе В. Мрачковского, имеющей сугубо публицистический характер, говорится, что «о существовании залежей каменного угля и руды знали давно. Но осуществить постройку металлургического завода было некому. Царское правительство, по свидетельству автора, больше «заботилось» о Сибири, как о месте для ссылки «неугодных» ему лиц. Сюда боялись провести даже железную дорогу. В силу этого, российское общество, естественно, и понятия не имело не только об Урало-Кузнецком комбинате, но и каких-либо других стройках [3, с. 10].

Общеизвестно, что индустриализация — это был и есть феномен советской эпохи в истории нашей страны, а Урало-Кузнецкий комбинат, в свою очередь, безусловно, представлял собой явление успешной реализации правительством политики индустриализации. Но, как представляется, сознательное искажение значения развития промышленности в дореволюционной России в историографии 30-х гг. было определено сугубо идеологическими причинами, стремлением показать огромные успехи промышленного развития

Советского Союза на фоне крайней хозяйственно-экономической неразвитости и отсталости Российской империи.

В работе Архипова [6] рассматриваются транспортные проблемы, связанные с созданием и деятельностью Урало-Кузнецкого комбината. Автор характеризует их в контексте проектов создания водных и железнодорожных коммуникаций, соединяющих территории Урала и Западной Сибири [6, с. 46-51].

Также сугубо «проектный» характер относительно изучения истории деятельности вышеуказанного комбината имеют работы А. Н. Бурумова [7] и Кучина [8]. В них авторы больше определяли задачи, которые необходимо решить в ходе строительства и деятельности промышленного гиганта. А если говорить конкретно о А. Н. Бурумове, то им были обозначены конкретные цифры уровня производства различной продукции комбината, которых необходимо достичь [7, с. 10].

Наконец, показательным является и тот факт, что историография интересующего нас времени не обошла стороной и вопрос об «контрреволюционном» противодействии строительству Урало-Кузнецкого комбината. Так, например, В. Ф. Соколовский заявляет по этому поводу, что это строительство «продвигалось крайне медленно, можно сказать, тормозилось. Теперь мы уже знаем виновников этого торможения. Процесс контрреволюционной организации — «промпартии» показал, что одной из задач эта вредительская организация ставила себе замедление развития Кузбасса, полагая этой мерой облегчить интервенцию» [4, с.6]. Сегодня, по прошествии десятилетий с того времени, мы знаем, что это было не так, что причины медленного возведения этого гиганта советской промышленности крылись совершенно в другом.

Библиографический список

1. Подгорный М. Э. Урало-Кузбасс — 2-я угольно-металлургическая база СССР / Под ред. члена президиума Госплана СССР В. Ф. Васютина. — М.-Л., 1931.
2. Тиунов В. Ф. Урало-Кузнецкий комбинат. — Новосибирск, 1931.
3. Мрачковский В. На лесах Кузнецкстроя. — Новосибирск, 1931.
4. Соколовский В.Ф. Кемеровская электроцентраль. — Новосибирск, 1931.
5. Трелин И. Размещение промышленности края во 2-м пятилетии // Социалистическое хозяйство Западной Сибири. 1932. № 5. С. 12-22.
6. Архипов. Транспортные проблемы комплексной проектировки сталинского промышленного района// Социалистическое хозяйство Западной Сибири. 1932. № 10-11. С. 46-51.
7. Бурумов А. Н. Встречное планирование// Социалистическое хозяйство Западной Сибири. 1932. № 2. С. 9-17.
8. Кучин. О выборе площадок промышленного строительства и соцгородов Урало-Кузнецкого комбината в пределах Запсибирья // Социалистическое хозяйство Западной Сибири. 1932. № 5. С. 85-96.

Бийский педагогический государственный университет имени В. М. Шукшина
9.03.2010

Kudinov Y. M.

THE PROBLEM OF CREATION URAL-KUZNETSK COMBINE WEST SIBERIAN HISTORIOGRAPHY AT 1930 YEARS

In article, on the basis the historiography sources analysis some the aspects of development West Siberian historiography at 1930 years.

Ural-Kuznetsk Combine, historiography, branch of industry,
Western Siberia, Ural, Kuznetsk Basin

УДК 902

Н. Н. Ложкина

ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО ГОРНОГО АЛТАЯ В 60-70-Х ГГ. XX В.

В работе предпринята попытка комплексного анализа развития жилищно-коммунального хозяйства в исследуемый период

**Жилищно-коммунальное хозяйство, тепло и электрификация,
водообеспечение, жилищное строительство**

Жилищно-коммунальное хозяйство — неотъемлемая часть городской среды обитания. Его развитие напрямую связано с решением жилищной проблемы городского населения. Жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ), как основная составляющая отрасль экономики, включает в себя строительство, эксплуатацию и ремонт жилья; благоустройство и уборку территории; гостиничное хозяйство; функционирование бани и прачечных; водоснабжение; тепло- и электроэнергетику. Как правило, к основным показателям роста ЖКХ относится: увеличение жилого фонда, его благоустройство, а значит и комфортность оказания населению коммунальных услуг. Региональный подход к изучению данной проблемы не только актуален, но и достаточно традиционен. Определенные закономерности развития ЖКХ, характерные для всего государства можно проследить через рассмотрение системы строительства жилья и качества оказания коммунальных услуг населению одного региона, в частности Горного Алтая.

Жилищно-коммунальное хозяйство Горно-Алтайской автономной области в

середине 60-х гг. было представлено отделами местного хозяйства райисполкомов, которые занимались в основном строительством и обслуживанием жилых домов. В соответствии с постановлением Алтайского крайисполкома от 23.03.65. №196 «О переводе на новые условия оплаты труда работников жилищно-коммунальных предприятий местных Советов депутатов трудающихся», отделы местного хозяйства райисполкомов переименованы в комбинаты коммунальных предприятий и благоустройства. Штатное расписание во всех комбинатах предусматривало по 4 человека: начальник, главный бухгалтер, счетовод (он же кассир), заведующий хозяйством [1, л. 3].

В дальнейшем, когда Министерство Коммунального хозяйства РСФСР Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 июля 1971 года было преобразовано в Министерство жилищно-коммунального хозяйства РСФСР то, соответственно, Горно-Алтайское областное управление коммунального хозяйства было переименовано в Горно-Алтайское жилищно-коммунальное хозяйство. Управление жилищно-коммунального хозяйства облисполкома, в соответствии с Конституцией РСФСР, являлось областным Управлением и в своей деятельности подчинялось как областному Совету народных депутатов и его исполнительному комитету, так и управлению жилищно-

коммунального хозяйства Алтайского крайисполкома: руководило подведомственным ему жилищным и коммунальным хозяйством области [1, л. 4].

В обозначенный период главными задачами управления жилищно-коммунального хозяйства облисполкома являлись: обеспечение выполнения решений партии и правительства о развитии подведомственного ему жилищного и коммунального хозяйства, полное удовлетворение потребностей населения в жилищно-коммунальном обслуживании; сохранение и дальнейшее благоустройство жилищного фонда, обеспечение пропорционального развития всех отраслей подведомственного ему жилищного и коммунального хозяйства на основе установленных норм обслуживания.

В целях повышения эффективности жилищно-коммунального развития государство стремилось осуществлять ввод в действие новых мощностей, совершенствовать техническое оснащение действующих предприятий, обновлять механизацию и автоматизацию производства.

В этой связи государство во все возраставшем объеме стало осуществлять капитальные вложения в развитие жилищного строительства, но как свидетельствуют многочисленные архивные источники, осваивались они не полностью. Например, в 1965 г. план капитальных вложений Горно-Алтайской автономной области по строительству жилого фонда был выполнен на 93%, или из предусмотренных 505 тыс. руб. было освоено лишь 469 [2, л. 3]. В 1966 г. строительные организации не освоили капиталовложений более чем на 2,4 млн. руб., и в результате недодали 11 тыс. кв. м. жилья, а на 1 августа 1967 г. в целом по области годовой план государственных капиталовложений вместо 9 млн. 450 тыс. руб. был выполнен лишь на 4 млн. 704 тыс. руб. Кроме того, из запланированных 16407 тыс. кв. м. жилья, было сдано в эксплуатацию только 7667 тыс., или 47%. Особенно плохо обстояли дела с вводом в эксплуатацию жилья в Турачакском районе, здесь было сдано только 20%, в Онгудайском и Майминском районе, было сдано в эксплуатацию 27 и 31% жилья соответственно [3, л. 34-39].

За годы 10-й пятилетки (1976-1980 гг.) в Горном Алтае на возведение нового жилья было израсходовано 50 млн. руб., или на 12 млн. больше чем в 9-й пятилетке. Не смотря на то что, объем капитальных вложений по всем источникам финансирования за годы 11-й пятилетки (1981-1985 гг.) был освоен на 125% к уровню 10-й пятилетки, динамика капитальных вложе-

ний в жилищное строительство стала заметно снижаться, (в 1981 г. — 1840 тыс. руб., 1982 — 1760, 1983 — 1710, 1984 — 1550, и в 1985 г. — 1420 тыс. руб.) [4].

В результате стабильного финансирования значительно увеличивался объем предоставляемой жилплощади. Так, по данным статистического управления Горно-Алтайской автономной области Алтайского края весь городской жилищный фонд общей (полезной) площади на 1970 г. составлял 290 тыс. кв. м. В том числе, обобществленный — 147,8 тыс. кв. м, и находящийся в личной собственности граждан 142,2 тыс. кв. м. Если провести параллель с 1975 г., то мы увидим, что за пять лет городской жилищный фонд вырос почти в 2 раза и составлял, весь — 403, обобществленный — 220,2 тыс. кв. м, находящийся в личной собственности граждан — 183,7 тыс. кв. м. [5, с. 60-68].

За годы девятой пятилетки (1971-1975 гг.) всего в Горно-Алтайской автономной области было построено 247,9 тыс. кв. м общей полезной площади. В том числе, государственными и кооперативными предприятиями и организациями было построено в 1971-1975 гг. 191,3 тыс. кв. м, а за счет индивидуального жилищного строительства — 56,6 тыс. кв. м. Это частично облегчило населению области получение квартир от государства по очереди. В 70-х г.г. примерно каждая пятая семья имела возможность получить новую квартиру. Примером неуклонного роста капитального строительства служил трест «Горно-Алтайскцеллинстрой», который за 1967-1969 гг. увеличил объем работ на 40%, а в 1969 г. против 1968 г. объем возрос еще на 34%.

Развитие жилищно-коммунального хозяйства, как неотъемлемой части городской среды обитания, напрямую связано с оказанием коммунальных услуг на душу населения. Так в 1972 г. коммунальных услуг оказывалось на 615 тыс. руб. или 34% больше чем в 1970 г. Число газифицированных квартир в городе и поселках городского типа на 1970 г. составляло 3 тыс., а на 1975 г. 8,1 тыс. В этот период времени газификация активно проникала и в сельскую местность: в 1970 — 1,4 тыс. квартир, в 1975 г. 11,4 тыс. [6, с. 65]. За 1973-1974 гг., а точнее за 3 года и 9 месяцев девятой пятилетки в развитие коммунального хозяйства было вложено около 5 млн. руб., что позволило построить 3 электростанции мощностью 2630 кВт, 87 км электрических и 24 км водопроводных сетей, баню, 2 гостиницы, газифицировать 16100 квартир, ввести в эксплуатацию хозфекальную канализацию и другие объекты. Население области получило коммунальных услуг в денежном выражении на 4,2 млн. руб. [7, л. 59].

Коммунальная же энергетика получила наибольшее развитие за годы десятой пятилетки (1975-1980 гг.). В это время 6 районов области было подключено к государственной энергосистеме. В г. Горно-Алтайске постоянно велась реконструкция электрических сетей с заменой воздушных линий электропередач на кабельные сети. Проводилась замена всех опор ЛЭП. Велась регулярная работа по оборудованию уличного освещения.

Так на начало 1982 г. протяженность коммунальных ЛЭП составляла около 400 км со 120 трансформаторами подстанциями [8, л. 33].

Следующей задачей ЖКХ области являлось водообеспечение. Рациональное использование и защита от загрязнений водных ресурсов, обеспечение населения водопроводными коммуникациями являлось одной из острейших проблем коммунального хозяйства, т.к. с ростом населенных пунктов и количества жителей одновременно возрастала потребность в воде. Все вопросы по снабжению населения области водой решал трест «Горно-Алтайскводстрой», подведомственный управлению коммунального хозяйства облисполкома. Работа по строительству водопроводных сетей отличалась большой трудоемкостью и требовала значительных затрат времени, а также денежных и материальных ресурсов. Данная сложность объяснялась и особыми природно-климатическими условиями. Горный рельеф области не везде позволял осуществлять буровые скважины. Приходилось затрачивать немалые средства при сооружении водопроводных сетей. Тем не менее, как свидетельствуют годовые отчеты по коммунальному хозяйству, с развитием коммунальной инфраструктуры улучшалось водоснабжение населения, что подтверждало следующие данные. В 1966 г. население области было обеспечено 299,5 тыс. ³ м³ воды на 37,4 тыс. руб., в 1967 г. 340 тыс. м³ на 42 тыс. руб. [9, л. 16].

Не смотря на то, что протяженность водопроводной сети с каждым годом увеличивалась (1970 г. — 12,5 км, 1975 — 31,8 км), она не могла в полной мере удовлетворять существующие потребности населения в воде. Об этом свидетельствовали неоднократные письма в адрес редакции «Звезда Алтая» от жителей, проживающих по ул. Пушкина, с жалобами на водоснабжение: «Частные домовладельцы пользуются водой из собственных домашних водоколонок, которые сами устанавливают. В некоторых местах удается забить трубы в грунт только на 6 м, соответственно качество такой воды оставляло желать лучшего». Для текущего ремонта водопроводных сетей был организован специальный механизированный отряд, оснащенный необходимой техникой [10].

Не смотря на положительную динамику развития жилого фонда, нерешенным оставался целый ряд проблем, обостряемых и общем уровне развития региона и его месторасположением. Незавершенность строительства жилья, особенно в городе, объяснялось острой нехваткой отделочного материала: леса, цемента, алебастра, краски, кистей и т.д. В столярно-плотницком цехе часто не хватало фурнитуры: петель, угольников, шурупов, шарниров. «Возводились дома в Горно-Алтайске, но росли до крыши, а потом годами смотрели на мир пустыми окнами» [11].

В жилищно-коммунальном благоустройстве также имелись свои недостатки. В зимнее время во многих квартирах, особенно первого этажа, комнатная температура редко поднималась выше 14 градусов. Постоянной проблемой, требующей решения была система водоснабжения. Зачастую жителям города приходилось набирать воду в от-

крытых водоемах или из собственных домашних водоколонках. Из-за несвоевременной вывозки нечистот канализационные воды проникали в подвалы, где у многих жителей хранились овощи и разные вещи. Главной причиной всех коммунальных проблем был недостаток специалистов для обслуживания жилищно-коммунального хозяйства. Достигнутый уровень развития бытового обслуживания не в полной мере удовлетворял все возрастающих запросов населения, кроме того, культура обслуживания и качество выполняемых работ была низкой.

Проблема кадрового потенциала практически во всех сферах народного хозяйства в целом и в строительстве в частности объяснялась острой нехваткой квалифицированных специалистов. Практически до середины 70-х гг. главное пополнение рабочего класса составляли не выпускники ПТУ, а те, кто шел работать сразу после школы.

Библиографический список

1. Комитет по делам архивов Республики Алтай (КПДА РА) Ф. 63. Оп. 1. Историческая справка к фонду.
2. Там же. Ф. 33. Оп. 6. Д. 315.
3. Там же. Д. 749.
4. Федорин М. Строить больше, быстрей и лучше. — Звезда Алтая. 15 августа 1967 г.
5. КПДА РА Ф.33. Оп.6. Д.749.
6. Горно-Алтайской автономной области 60 лет. Стат. сб. — Горно-Алтайск, 1982.
7. КПДА РА Ф. 33. Оп. 6. Д. 529.
8. Там же. Ф. 1. Оп. 50. Д. 46.
9. Там же. Ф. 63. Оп. 6. Д. 26.
10. Воронин, В. Проблема воды. — Звезда Алтая. 21 января 1969 г.
11. Пешков Ю. Дома с пустыми окнами. — Алтайская правда. 21 августа 1969 г.

N. N. Lozhkina

Горно-Алтайский университет
Получено 17.05.10.

HOUSING-MUNICIPAL SERVICES OF MOUNTAIN ALTAI IN 60-70 TH OF XX CENTURY
In work attempt of the complex analysis of development of housing and communal services during the investigated period is undertaken

Housing and communal services, heat and electrification, water delivery, housing construction

УДК 902

H. C. Модоров

НАРОДНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПОМОЩИ КРАСНОЙ АРМИИ ПО РАЗГРОМУ ВРАГА В ПЕРВЫЕ ВОЕННЫЕ ГОДЫ ВОЙНЫ — 22 ИЮНЯ 1941 — ФЕВРАЛЬ 1942 Г. (на примере трудящихся Горного Алтая)

В статье, на основе архивных документов и опубликованных материалов, освещены инициативы трудящихся Ойротской автономной области организации помощи Красной Армии по разгрому врага в первые военные годы войны (22 июня 1941 — февраль 1942 г.).

**Советский Союз, фашистская Германия, Великая Отечественная война, Горный Алтай,
добровольцы, Красная Армия, помощь фронту, народные инициативы**

В ХХ веке наша страна пережила немало бед и потрясений. Но самым трудным испытанием, которое выпало в данном столетии на ее долю, ее населения, безусловно, явилась Великая Отечественная война 1941-1945 гг. А началась она для СССР и его граждан на рассвете 22 июня 1941 г. Именно в то раннее воскресное утро мирный труд советских людей был прерван разбойничим нападением фашистской Германии и ее союзников на нашу Родину. Грубо нарушив Пакт о ненапа-

дении, вражеские войска перешли советскую границу на фронте протяженностью свыше трех тысяч километров и вторглись на нашу территорию. Уже в начале первых десяти дней им удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии и часть Украины.

Подготовку к этой акции фашистская Германия начал еще в 30-х гг., после захвата власти в стране фашистской партией. В своей агрессивной политике, направленной на завоевание мирового господ-

ства, Германия стремилась уничтожить Советский Союз, чтобы не иметь конкуренции на мировом рынке. Для этого она проводила политику расширения территории и колонизации других стран. Одним из способов достижения этой цели было создание националистических группировок в различных странах, которые бы подрывали власть легальных правительств и поддерживали германские интересы. Так, в Германии было создано нацистское движение, которое под руководством Адольфа Гитлера добивалось создания единого германского государства и расширения его территории за счет других стран Европы.

В Советском Союзе также существовали националистические группировки, которые поддерживали германские интересы. Одним из таких движений было движение «Союз немецких националистов», которое было создано в 1930-х годах и поддерживало германские интересы в СССР. Другим движением было движение «Союз немецких рабочих», которое было создано в 1930-х годах и поддерживало германские интересы в СССР.

ства, гитлеровская клика планировала войну против СССР, как главного препятствия на этом пути.

Начав вторую мировую войну вооруженным столкновением с западными державами, фашистская Германия стремилась устраниć империалистических конкурентов, обеспечить свой тыл в предстоящей войне с СССР и подчинить себе военно-экономический потенциал других европейских стран. Решив эту задачу, Германия приступила с лета 1940 г. к непосредственной подготовке к нападению на СССР. Для реализации своего плана, она отмобилизовала огромную армию — 190 дивизий, в т.ч. 153 немецких, 29 дивизий и 16 бригад союзников. Сосредоточив такой мощный ударный «кулак», Германия и напала на Советский Союз.

В связи с этим нападением фашистских полчищ на нашу страну, Президиум Верховного Совета СССР ввел 22 июня военное положение в Европейской части СССР, а также объявил мобилизацию военнообязанных, в том числе и в Сибирском военном округе. Нападение фашистов на нашу страну вызвало гнев и возмущение у всех советских людей. На повсеместно состоявшихся митингах и собраниях они клеймили позором агрессора и выражали готовность встать на защиту Родины. Прошли они и в Горном Алтае. По неполным данным, на них присутствовало около 20 тыс. человек (1, л. 3, 17, 19). Выступившие на них рабочие, служащие, колхозники, учащиеся все как один заявили о своей готовности стать красноармейцами, чтобы принять участие в разгроме фашистских агрессоров. «Я, — говорил, выступая, председатель артели «Электрометалл» Вишневский, — записываюсь добровольцем и буду защищать нашу Родину до последней капли крови». С такими же заявлениями выступили и другие рабочие и служащие этого предприятия: М. И. Ильин, Стругова, Пешкова, Федорова и Анисимова (2). Заявления стать добровольцами поступили тогда от тысяч жителей Горного Алтая, людей различных профессий, возрастов и семейного положения. В частности, в действующую армию вместе с мужьями уходили и их жены. Так, в начале июня 1941 г. добровольно отправились на фронт супруги Исаковы-Ольга Александровна и Михаил Сергеевич, сражавшиеся против оккупантов еще в годы гражданской войны. В числе добровольцев были и супруги Ананий Степанович Аникин и Мария Федоровна Пусева (2).

Не остались в стороне, когда решался вопрос о защите Родины и бывшие партизаны. «Мы, — писали в своем заявлении Семен Семенович Решетов и Сергей Глушаев, — не жалели своей жизни за Советскую власть в годы гражданской войны, не пожалеем ее и сейчас, когда... над Родиной нависла угроза. Несмотря на то, что нам уже по шестому десятку лет, у нас еще сильные руки и зоркие глаза. Мы просим... отправить нас в действующую армию». Аналогичные заявления поступили в райвоенкоматы от бывших красных партизан: Ивана Рыжова, Челекея Апоятова, Ивана Михайлова и др. (3).

Массовый наплыв заявлений с просьбой направить на фронт понудил партийно-советские

органы заняться регулировкой добровольного ухода горно-алтайцев в Красную Армию, чтобы не оголосить важнейшие участки промышленного и сельскохозяйственного производства и управлеченческого аппарата. Аналогичный подход они применили и в сфере мобилизации на фронт автотранспорта, лошадей, повозок и др. Проводы же мобилизованных на фронт повсюду превращались в массовые и яркие демонстрации: отъезжающие на борьбу с фашизмом клялись своим землякам не жалеть ни сил и даже самой жизни в борьбе с врагом. В этой связи, позволим привести фрагмент одной из таких клятв, которую дали мобилизованные алтайско-казахского колхоза им. Кирова, Кош-Агачского района, расположенного в высокогорной Курайской степи:

«...Аул весь — встревоженный улей.
Кто с нами — тот сердцем не стынь!
Спешите мстить Гитлеру пулей,
Сыны желтогорбых пустыни!
Великую силу дал Ленин,
Он гордость зажег нам в глазах.
Батыр не встает на колени,
От раны не стонет казах!» (4).

Подобного рода клятвы уходивших на фронт и обязательства остающихся в тылу — трудиться, не покладая рук, во имя победы, — бесспорно, имели огромное значение, поскольку они способствовали проявлению массового героизма на полях сражений и на самоотверженный труд в тылу.

Наряду с ударным трудом на производстве, оставшиеся в тылу горно-алтайцы приняли активное участие в разных формах помощи трудящихся фронту: отчисление в фонд обороны дневного или месячного заработка; внесение в него личных сбережений, облигаций, драгоценностей и т.д. Так, уже к концу августа 1941 г. только городское отделение Госбанка приняло от населения Горно-Алтая облигаций Государственного займа, наличных денег, золотых и серебряных вещей на общую сумму 325 тыс. рублей (3).

Активное участие в создании фонда обороны принимало и колхозное крестьянство. Его мнение наглядно отразило заявление председателя сельхозартели «Мухор-Тархата», Кош-Агачского района Якова Турдубаева. «Будем, — говорил он, — больше и лучше работать. Это будет наш отпор врагу. Сдадим наши сбережения родине, поможем нашим сынам разгромить врага». И, подавая пример, Турдубаев внес в фонд обороны облигаций Государственного займа на 2700 рублей, сдал два серебряных кольца и обязался ежемесячно отчислять по 60 рублей. Своего председателя поддержали и колхозники: они обязались ежемесячно отчислять в фонд обороны по 20 рублей и сдали в тот же день немало золотых и серебряных колец и другие драгоценные вещи, а также 153 пуда шерсти, 200 баранов и 234 овчины (5, л. 58). К началу 1942 г. трудящимися Горного Алтая было собрано в фонд обороны 5,2 млн. рублей, сдано более 52 тыс. пудов зерна, 720 пудов шерсти, почти 400 кг сливочного масла, 530 голов скота, 854 ц овощей и картофеля, 2000 единиц кожевенного сырья и пушнины на 5632 рубля (5, л. 55, 72, 84-85).

Но создание фонда обороны не было единственной формой помощи советских людей фронту. Война породила и много других. Они рождались в самой гуще народных масс. Весьма примечательно подметил в свое время эту тенденцию академик В.Л.Комаров. «За всю полувековую научную деятельность, — писал он тогда в «Правде», — я не испытывал такого глубокого нравственного удовлетворения, как в работе по мобилизации неисчерпаемых ресурсов нашей великой страны на дело обороны» (6). Одна из них родилась осенью 1941 г. Тогда, в преддверии зимы началась широкая патриотическая кампания по сбору теплых вещей для фронтовиков. В начале — это были посылки своим близким, затем — коллективные посылки своим землякам. С целью придания этому патриотическому движению организованного характера, ЦК ВКП(б) принял 5 сентября 1941 г. специальное постановление, которым он обязал партийные организации страны поддержать выше означенную инициативу трудящихся. Это решение ЦК партии трудящиеся Горного Алтая встретили с большим воодушевлением. Инициаторами этого движения в области выступили майминцы. Через газету «Красная Ойротия» они обратились в начале сентября 1941 г. ко всем трудящимся области с призывом помочь фронтовикам «теплой одеждой, необходимой им в зимних условиях». Отвечая на него, жители Горного Алтая собрали за четыре месяца, т.е. к концу 1941 г., 2545 полушибков, 10 тыс. пар валенок, 6 тыс. пар шерстяных перчаток 11250 пар шерстяных носков и чулок, 3000 шапок-ушанок, 1586 ватных курток, 1350 шароваров, 3000 пар портянок, 1500 пар нательного белья, 2700 полотенец и многое другое (7, л. 1).

Но, проявляя заботу о фронтовиках горнолтайцы, не забывали и о тех, к то в силу военного лихолетья вынужден был покинуть родные места и эвакуироваться на восток. Первая партия эвакуированных в количестве 925 человек появилась в Горном Алтае уже в конце июля 1941 г. Они были размещены в г. Горно-Алтайске, Шебалинском, Усть-Канском, Турочакском и Усть-Коксинском районах (8, с. 25). Следующая партия эвакуированных прибыла в область в августе того же 1941 г. Тогда же прибыл в областной центр и эвакуированный из столицы Московский государственный педагогический институт имени Карла Либкнехта (ныне это Московский государственный педагогический университет им. В. И. Ленина). Он был размещен в здании Ойротского педагогического училища (сегодня в этом здании находятся истфак и физмат Горно-Алтайского государственного университета). Прибытие к нам московского вуза, естественно, не могло не отразиться на развитии культурной жизни города и области. Его преподаватели сразу же организовали лекторий для горожан, а для учителей города и области семинар, ставший работать по типу института усовершенствования учителей. Занятие в нем стали вести профессора Корнилов, Канин, Ионисиани, Милованов, Новицкий и др.(8, с. 25).

Используя присутствие в городе московского вуза, местные власти ходатайствовали перед пра-

вительством об открытии при нем отделения алтайского языка и алтайской литературы. И оно было открыто в том же, 1941 г. Следует отметить, что оно осталось при вузе и после его реэвакуации во второй половине 1943 г. в Москву, на долгие годы став настоящей кузницей педагогических кадров для учебных заведений и школ Горно-Алтайской автономной области.

Кроме московского вуза, в Горный Алтай был эвакуирован из Тамбовской области и Плодоовоощной институт имени И.В.Мичерина, который был размещен в здании Горно-Алтайского зооветтехникума (оно было разрушено «перестройщиками» в 90-е гг. XX в.). Как и их коллеги из пединститута преподаватели Мичуринского: профессора С. Ф.Черненко, Н. Н. Оболенский, С. Н. Гусев, С. С. Рубин, Н. И. Мичурин (сын И. В. Мичурина), М. И. Мичурина (дочь великого ученого) организовали в городе профильные лектории, а также краткосрочные курсы председателей колхозов, оказывая работой на них, помочь хозяйствам области и прилегающих к ней районов Алтайского края в деле организации руда, севооборотов, уходу за животными и т.д.

Наряду с указанными научно-педагогическими центрами, в Горный Алтай была эвакуирована и Научно-исследовательская лаборатория пантового оленеводства Наркомсояхозов СССР. Она была размещена в Шебалинском оленесовхозе. Ее размещение здесь имело для нее непреходящее значение. Во-первых, лаборатория была приближена к экспериментальной базе, ибо отныне она могла вести научные исследования прямо на месте, а с другой, — сотрудники лаборатории оказывали практическую помощь оленеводам в деле внедрения научных методов в ведение хозяйства.

Кроме вышенназванных учреждений, в областном центре были размещены в 1941 г. спецшкола военно-воздушных сил, эвакуированная из Ленинграда, три детских учреждения, переведенные позднее в районы области, в частности, Борисопольский детдом Киевской области в с.Аскат, Элиманарского района, детдом из Поволжья — в с. Манжерок, Ойрот-Турского (ныне Майминского) района и Ростовская школа трудновоспитуемых детей (на особом режиме) — в помещения Шебалинского детдома №2. Наряду с указанными, до конца 1941 г. в Горный Алтай прибыло немало семей военнослужащих и других советских учреждений, эвакуированных из прифронтовой полосы. Согласно официальной статистике, в областном центре было размещено 2315 человек, в Шебалинском районе — 575, в Ойрот-Турском — 561 и в Элиманарском районе — 629. Всего же в 1941 г. область приняла и разместила у себя почти 5000 человек (9, л. 15).

А тем временем продолжавшаяся война порождала новые инициативы советских людей, направленных на скорейший разгром ненавистного врага.

Новую волну их патриотического подъема, в т.ч. и у горнолтайцев, вызвало известие о разгроме немецко-фашистских войск под Москвой. В связи с этим, коллектив Барнаульского овчинно-шубного завода обратился к населению страны

с призывом «собрать и направить доблестным защитникам Москвы свои новогодние подарки» (10). Поддержав инициативу барнаульцев, труженики Горного Алтая направили защитникам Москвы более 100 ц мяса, 21 ц сливочного масла, 250 кг сыра, 670 кг меда, 560 кг кондитерских изделий, 240 штук домашней птицы, 200 кг рыбы, много теплой одежды и других вещей на общую сумму 45 тыс. рублей, а также большое количество индивидуальных и коллективных посылок (8, с. 39).

Не остались без внимания горно-алтайцев и раненые воины, над которыми шествовали трудающиеся нашей области. Так, к празднованию 24-ой годовщины Великого Октября в подшефные госпитали ими было отправлено 355 кг сливочного масла, более 1000 кг меда, 70 туш баранины, более 100 кг сушеных ягод, 1400 штук домашней птицы, свыше 5000 яиц, более 100 кг махорки, одеколона, художественной литературы, музыкальных инструментов и др. (5, л. 65).

Вместе с посылками посыпались в госпитали и на фронт письма, записки, которые вкладывались отправителями в карманы полушибков, в носки, валенки и в посылки. Например, ученики Шебалинской школы вложили в посылку свое письмо, в котором благодарили защитников «нашего счастливого детства», обещая им «отлично учиться, чтобы стать вам достойной сменой». В кармане полушибка бойцом была обнаружена записка, следующего содержания: «Родной мой, тебе, бойцу великой армии, я шлю тебе материнский привет. Я тебя не знаю, но знаю одно — ты наш защитник. Прими мой скромный, материнский подарок и знай: в бою ты не один, с тобой весь наш народ. Любящая тебя М. Рыжова» (11). И таких писем было много. Все они были полны материнской заботы о воинах, любви к ним. И они, вне всякого сомнения, согревали души и сердца защитников Родины, вдохновляли их на героические подвиги и свершения. Это ярко выразил в своем ответном послании бывший житель г. Горно-Алтайска, боец Юрьев. Получив посылку и письмо из Горно-Алтайска, он направил землякам свой стихотворный ответ:

Получив от вас подарки,
Рад несказанно им я.
Еще яростней в бой жаркий
Стал ходить за вас, друзья.
И за родину большую,
И за дом в Ойрот-Тура,
Банду злобную крошу я
Под могучее «ура».
На штыки бандитов нижем.
Мысль одна у нас — вперед!
С каждым днем победа ближе
Для тебя, родной народ (5, л. 611).

И это было одно из тысяч писем, которые приходили из Действующей армии в адрес тружеников Горного Алтая. Подобного рода связь бойцов и тружеников тыла, бесспорно, помогала тем и другим, удваивала их силы.

С новой силой движение «Поможем Красной Армии разгромить врага» развернулось в следующем, 1942 г. Тогда, в разгар невиданной силы битвы на берегах великой русской реки Волги,

всю страну облетел призыв колхозников сельхозартели «Красный доброволец», Тамбовской области, призвавших все граждане страны начать сбор средств на строительство танковой колонны «Тамбовский колхозник». Согласно источникам, тамбовцы собрали в течение 15 дней на эти цели почти 43 млн. рублей. Почкин инициаторов подхватила вся страна. Примеру тамбовцев последовали и другие, в частности, колхозник сельхозартели «Стахановец», Ново-Покровского района, Саратовской области Ферапонт Головатый, внесший 100 тыс. рублей в фонд Красной Армии и попросивший построить на эти деньги боевой самолет (12).

Инициатива Ф. П. Головатого нашла отклик и в сердцах горно-алтайцев. Первыми откликнулись на нее председатель сельхозартели «Кызыл-Козуль», Усть-Канского района В. Я. Комлев. Следуя благородному поступку саратовца, он внес 70 тыс. рублей на строительство танковой колонны «Алтайский колхозник». Своего вожака поддержал и пастух той же артели Теке Модоров, внесший на строительство танковой колонны 50 тыс. рублей. Их патриотический поступок был высоко оценен: и Комлев, и Модоров получили телеграммы от Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина, выразившего им от имени Красной Армии сердечную благодарность (8, с. 42).

Почкин козульцев был поддержан и трудовыми коллективами, и частными лицами. Так, колхозники сельхозартели «7-ой съезд Советов», Усть-Канского района внесли на строительство танковой колонны 52 тыс. рублей, рабочие и служащие овцесовхоза «Тенгизинский», Онгудайского района — 15 тыс., коллектив учителей и учащихся Бело-Ануйской школы — 13,5 тыс., трудающиеся Ойрот-Турского (ныне Майминского) района — 273,2 тыс., Усть-Канского района — 556,9 тыс. рублей. Всего же область собрала к февралю 1943 г. на строительство танковой колонны «Алтайский колхозник» 4 млн. рублей (13, л. 19).

Спустя два дня, — 2 февраля 1943 г., — Совинформбюро известило наш народ, страны Европы и мира о новом успехе Красной Армии: о ликвидации ею немецко-фашистских войск, окруженных в районе Сталинграда. С 10 января по 2 февраля, гласила сводка Совинформбюро, было пленено свыше 90 тыс. немецких солдат и офицеров, в т.ч. 24 генерала; захвачено 750 самолетов, 1550 танков, 6700 орудий, 1462 миномета, 50 тыс. винтовок, около 62 тыс. автомашин и много другого военного имущества (14, с. 88-89).

Эта победа Красной Армии, особо подчеркивалась в сводке Совинформбюро, явилась крупнейшим военно-политическим событием второй мировой войны. Она положила начало коренному перелому не только в ходе Великой Отечественной войны, но и всей второй мировой войны. И в этой победе Красной Армии над агрессором, отмечалось в сводке, была и заслуга всех советских людей, в т.ч. и жителей Горного Алтая, многие из них будут потом награждены медалью «За оборону Сталинграда». А те, кто находился в тылу, будут отмечены за свой героический труд орденами

ми и медалями СССР. Но это будет потом, пока же трудящиеся Ойротской автономной области все делали для того, чтобы здесь, в тылу обеспечить Советские Вооруженные Силы всем необходимым,

чтобы ускорить разгром фашистской Германии и их союзников, посягнувших на свободу и независимость нашей страны.

Библиографический список

1. Государственный архив Республики Алтай (ГАРА). Ф. 1.Оп. 1. Д. 22.
2. «Красная Ойротия». 24 июня 1941 г.
3. «Красная Ойротия». 10 сентября 1941 г.
4. «Красная Ойротия». 25 июля 1941 г.
5. ГАРА). Ф. 1.Оп. 5. Д. 21.
6. «Правда». 5 января 1942 г.
7. ГАРА. Ф. Оп. 4. Д. 7.
8. Бражников Я. И. Горный Алтай в Великой Отечественной войне. — Горно-Алтайск, 1966.
9. ГАРА. Ф. 33. Оп. 6. Д. 94.
10. «Красная Ойротия». 17 декабря 1941 г.
11. «Красная Ойротия». 19 октября 1941 г.
12. «Правда». 19 декабря 1942 г.
13. ГАРА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 5.
14. «Сообщения Советского Информбюро». — М., 1944. Т. 1.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 03.05.10.

N. S. Modorov

THE PEOPLE'S INITIATIVES OF SOVIET PEOPLE TO ORGANIZATION THE OF HELP RED ARMY TO ROUT OF ENEMY AT FIRST MILITARY YEARS — 22 NOVEMBER 1941 — FEBRUARY 1942 YEAR (ON THE EXAMPLE GORNY ALTAI)

In the article, on the basis archive documents and publish of materials throw light the initiatives of soviet people to organization the of help Red Army to rout of enemy at first military years — 22 November 1941 — February 1942 year.

Soviet Union, fascist Germany, Great Patriotic War, Gorny Altai, volunteers, Red Army, help to front, people's initiatives

УДК 902

A. A. Насонов

ВЛИЯНИЕ БУДДИЗМА И ХРИСТИАНСТВА НА ФОРМИРОВАНИЕ ВЕРОУЧЕНИЯ БУРХАНИЗМА В ХОДЕ ПРОЦЕССА СИНКРЕТИЗАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ АЛТАЕ-САЯН В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

В данной статье предпринимается попытка определить степень влияния мировых религий (буддизма и христианства) на формирование вероучения бурханизма. А также оценить важность элементов каждой из религий для дальнейшего развития доктрины, пантеона и обрядовости «белой веры».

мировые религии, бурханизм, буддизм, христианство, процесс синкретизации, Алтае-Саяны

Значительное влияние на специфику процесса синкретизации, протекавшего в Алтае-Саянском регионе на рубеже XIX–XX вв., оказал фактор конфессионального окружения. Исторически и geopolitically так сложилось, что рассматриваемая территория, в условиях новой волны их распространения, стала местом встречи мировых религий. Вместе с ростом Российской государства и переселением русского крестьянства в XVII–XIX в. здесь массово распространилось православие. Территория же Северо-Западной Монголии продолжала оставаться форпостом духовного влияния буддизма (в его ламаистской форме). Кроме этого, ввиду миграционных и этнополитических процессов в Центральной Азии, в Южной Сибири устойчиво ощущалось воздействие ислама.

Важной особенностью конфессионального взаимодействия на данной территории, стало и то, что новый этап распространения мировых религий не сопровождался ожесточенной межрелигиозной враждой (как это неоднократно происходило в других регионах мира), а, наоборот, способствовал появлению во многом уникального и

специфического синкретического вероучения бурханизма.

Бурханизм (или «белая вера») впервые публично проявился на Алтае, в событиях конца весны — начала лета 1904 г., когда неожиданно для православных миссионеров и Томской губернской администрации, алтайские «инородцы» вместо прежнего покорного поведения, стали отказываться от предметов, имеющих русское происхождение, перестали употреблять русский язык, скучая порох, чай и ткань желтого и синего цветов [1, л. 6, 299об., 366об, 369]. Одновременно с этим прошел слух, что «калмыки» приняли новую веру и собираются на массовое моление в логу Дерем, а также совершают вооруженные нападения на русское крестьянское население [1, л. 296–297]. Параллельно деятели Алтайской духовной миссии (АДМ) активно стали указывать на наличие в происходящих событиях японского следа, увязав бурханистское движение с русско-японской войной 1904–1905 гг.

Эти события заставили томское губернское начальство обратить внимание на алтайские вол-

нения. Собравшихся на моление инородцев разогнали силами местных крестьян и небольшой группы полицейских чинов под руководством бийского уездного исправника В. И. Тукмачева [1, л. 297об-299]. Однако дело, в скором времени заведенное и рассмотренное в 1906 г., и публичный суд над предводителями бурханистов завершились оправдательным приговором [2]. Была доказана только религиозная основа движения, которая по указу «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. [3, с. 237-238] и манифесту «Об усовершенствовании государственного порядка» 17 октября 1905 г. Николая II, не могла преследоваться государством [4, с. 1]. Однако настороженное отношение к коллективным действиям алтайцев со стороны АДМ и губернских чиновников осталось.

В отечественной историографии неоднократно поднимался вопрос о влиянии трех мировых религий на процесс формирования бурханизма. Наиболее часто исследователи обращали внимание на буддийскую составляющую этого вероучения. На протяжении XX — начала XXI в. сложилось несколько версий о характере и степени влияния северного буддизма (ламаизма).

Для 1900-х — 1920-х гг., а также во второй половине 1980-х — начале 2000-х гг., достаточно распространенным являлось мнение, что буддизм оказал значительное влияние на складывание вероучения бурханизма, вступив в синкретическое слияние с анимистическими традициями и отчасти шаманскими ритуалами. Этой точки зрения в разных ее вариантах придерживались: И. Новиков [5, с. 1-10], Д. А. Клеменц [6, с. 155-159], А. М. Сагалаев [7, с. 4-5, 86-99] и др. На сегодняшний день ее продолжают развивать Н. В. Екеев [8, с. 6-21], В. К. Косьмин [9, с. 45-64], В. А. Клешев [10, с. 16].

Позже, в 1920—1930-е гг. и отчасти в начале 2000-х гг., преобладала точка зрения, трактавшая бурханизм как национально-освободительное движение. Синкретическая природа «белой веры» и ее буддийская основа рассматривались в рамках изучения социально-экономических аспектов противодействия коренного населения Алтая христианизации, русификации и землеустройтельной политике. Вместе с тем, авторы этого времени не могли уйти от упоминания роли буддизма в процессе формирования вероучения бурханизма, но рассматривали ее в контексте тяготения разных районов русского Алтая либо к Северо-Западной Монголии (и в целом к Цинскому Китаю), либо к России. Такой характер в 1920-е — 1930-е гг. имели работы Л. П. Мамета [11, с. 211-232], В. В. Мащенко [12, с. 18-20], А. Г. Данилина [13, с. 36-58], ранние труды Л. П. Потапова [14, с. 178-187], в наши дни — А. Н. Садового [15, с. 8-11], Н. А. Тадиевой [16, с. 39-40].

Нашлось место буддизму и в крайне идеологизированной концепции сущности «белой веры», доминировавшей в советской исторической науке на протяжении 1940—1980-х гг. Ее основоположником являлся Л. П. Потапов [117, с. 403-426]. Отдельные положения этой концепции разрабатывали П. Е. Тадиев [18] и С. А. Токарев [19,

с. 442]. Указанные авторы полагали (во многом с подачи официальной советской идеологии и антирелигиозной пропаганды), что по своей сути бурханизм являлся реакционно-сепаратистским движением прояпонской (или прокитайской) направленности, которое имело четко определенную цель — отторжение Алтая от России. Буддийские элементы «белой веры» не отрицались, но проповедников буддизма было принято считать проводниками интересов монгольского и китайского торгово-ростовщического капитала.

И, наконец, нельзя не упомянуть о точке зрения, которая появилась позже вышеуказанных. Она была сформулирована исследователем Л. И. Шерстовой. В данном случае бурханизм был представлен как основа формирования этноконфессиональной общности алтай-кижи [20].

Значительно меньше исследователи обращались к анализу возможного влияния на складывание бурханистского вероучения христианства (в форме православия). Поскольку деятели АДМ относились к бурханизму как сопернику-прозелиту [21, л. 2-5], о рассмотрении возможности хоть каких-нибудь заимствований в его вероучении из христианской догматики не могло быть и речи. В советский период времени на этот аспект «белой веры» также не обращали внимание. И только в наши дни данный вопрос в той или иной степени стал интересовать исследовательское сообщество. Примером этому служат статьи Д. В. Арзютова [22, с. 95-101] и Н. О. Тадиевой [23, с. 125-127]. Они акцентировали внимание на том, что помимо буддийских элементов, которые сыграли важное значение в оформлении бурханизма, христианские идеи могли также быть восприняты и в особой форме интерпретированы в новом вероучении алтайских инородцев в начале XX в.

И, наконец, о возможной исламской составляющей говорилось меньше всего. В данном случае примечательна газетная заметка Г. Н. Потанина, в которой исследователь отмечал, что «белая вера» была близка к мусульманству, поскольку отрицала сложные обряды и сосредотачивалась на поклонении единому Богу [24, с. 3].

Несмотря на обилие работ, рассматривающих влияние мировых религий на генезис бурханизма, следует констатировать, что зачастую отдельные аспекты сочетания и взаимодействия в рамках «белой веры» буддизма и православия остались за рамками изучения.

Цель данной статьи — проанализировать вероучение бурханизма с точки зрения влияния на формирование элементов его вероучения мировых религий (буддизма и христианства).

Ядром нового вероучения алтайских инородцев начала XX в. стал северный буддизм (ламаизм). Его незаметные (как могло показаться на первый взгляд) элементы вошли в тесное взаимодействие с анимистическими традициями. Однако сложившаяся этноконфессиональная ситуация коренным образом отличалась от всех предыдущих этапов распространения буддизма с юга на север Азии, начиная с VII в. На Алтае в рассматриваемый промежуток времени ламы не имели

возможность вести открытую проповедническую деятельность. Власти Российской империи, которые уже в XVIII в. были вынуждены признать свершившийся факт конфессионального лидерства ламаизма на территории юга Восточной Сибири, населенной преимущественно бурятами, теперь не собирались мириться с деятельностью адептов северного буддизма на юге Западной Сибири. Они всячески стремились пресекать попытки составить конкуренцию Русской православной церкви [25, с. 152-158]. В этих условиях, ламаистское духовенство Северо-Западной Монголии и их сторонники на Алтае активно способствовали, как представляется, развитию альтернативного типа процесса синкретизации.

В данном случае чрезвычайно важно было показать, что новая вера своими духовными корнями зиждется на традиционном мироощущении жителей Алтая, хотя и привносит в их жизнь новые элементы, являющиеся влиянием со стороны этносов Центральной Азии (в первую очередь, монголов). Чтобы получить поддержку алтайцев, бурханизму необходимо было исчерпывающе ответить на духовные запросы верующих, поскольку шаманизм не мог стать основой объединения для борьбы против проникновения и все большего закрепления русского населения на Алтае как в государственном, так и в конфессиональном плане, а также был чрезмерно расточительным, предполагая жертвоприношения животных в своей культовой практике.

Распространяясь на юге Восточной Сибири и монгольских ханствах, буддизм придерживался тактики включения местных духовных традиций в круг своих ритуальных действий. Существование и роль в жизни верующих локальных богов и духов не отрицалась, а наоборот использовалась для укрепления позиций буддизма. Они включались в пантеон, приобретая подчиненное положение по отношению к буддам, бодхисаттвам и т. д., и могли помочь верующему приблизится к пути спасения. Таким образом, прежние сверхъестественные существа сохраняли свое значение, и помогали укоренению буддизма.

В нашем случае буддизм имел дело не только с анимизмом и шаманизмом, но и столкнулся с очень сильным и опытным (в плане миссионерской деятельности) учением — с христианством в форме православия. Этим, наряду с другими факторами, могло объясняться то, что, вместо складывания локальной формы северного буддизма, сформировалось новое вероучение пробуддийской ориентации.

В структуре бурханистской догматики из буддийского вероучения была заимствована фигура главного божества «белой веры» — Бурхана. Это имя было ни одно столетие известно народам Центральной Азии. Именно так называли Будду и его изображения [26, с. 134]. Но стоит обратить внимание, что «белая вера» приписывала другие характеристики Бурхану, нежели Будде. Представлялось, что он покинул жителей Алтая около 200 лет назад и заповедовал почитать его как единого бога, однако люди отошли от предписанного и стали придерживаться многобожия [27, л. 53-53об].

Оираясь на описание бурханистского вероучения в исторических источниках начала XX в., можно также предположить, что наряду с буддийскими традициями в вероучении бурханизма проявились элементы христианства. Наиболее важной из них была идея монотеизма. Об этом одним из первых в своих работах сообщал А. В. Анохин [30, с. 166]. Безусловно, сложно говорить однозначно, что «белая вера» в полной мере восприняла постулат, типичный для христианской и исламской догматики, — существование одного единого Бога (хотя бы как в христианстве в трех ипостасях), однако в бурханизме прослеживалась тенденция в этом направлении. Таким богом стал Бурхан.

Стоит обратить внимание также и еще на один аспект. Классический буддизм и самое раннее его направление — «тхеравада» («малую колесницу», «узкий путь спасению»), как правило, в религиоведческом знании относят к нетеистическим религиям, то есть к учениям, не имеющим четко определенной фигуры бога (или богов). Их концепции предполагают возможность достижения конечной духовной цели (нирваны) посредством постепенного отказа от удовлетворения желаний разного порядка, а также приобретение сверхъестественных свойств существом по мере продвижения по срединному пути спасения. В отличие от этих религиозных направлений в традиции северного буддизма (ламаизма), сформировавшейся на основе идей махаяны и вардхраяны и впитавшей отдельные анимистические и шаманские представлениями народов Центральной Азии, в новое время отчетливо стала наблюдаться тенденция к персонификации сверхъестественных сил. В итоге, христианская монотеистическая идея в структуре учения «белой веры» была подкреплена тенденцией трансформации буддийского учения в сторону теистических представлений.

Другим предполагаемым воздействием христианского вероучения на мироощущение бурханистов стала идея скорого прихода мессии. В этом случае один из центральных догматов христианства (ожидание скорого явления верующим божественного посланника, который укажет праведникам истинный путь и покарает грешников) был содержательно наполнен специфическим восприятием этнической истории, в которой «золотым веком» стало считаться время пребывания предков алтайских этносов в составе Джунгарского (Оиратского) ханства (XVII — первой половине XVIII в.). Ввиду этого, мессианские чаяния в первую очередь были связаны с приходом Оирата (Оирот-хана), который представлял собой собирательный образ. Среди коренного населения Алтая-Саян в начале XX в. (алтай-кижи, телеутов) было также распространено ожидание явления иных легендарных личностей, например, Шуну (Шоно) [1, л. 295об-296] и Амурсаны (Амыр Сана) [9, с. 231]. Эти божественные посланники то воспринимались как единая сверхъестественная личность, то выступали как отдельные независимые персонажи мифологии. Примечательно, что их прототипами являлись реальные исторические власти — джунгарского времени.

Стоит также заметить, что христианство (а, по мнению Г. Н. Потанина, и мусульманство) также могло повлиять на формирование неприязненного отношения бурханизма к традиционным для юга Западной Сибири шаманизму и некоторым анимистическим дошаманским верованиям, которые были по своей сути политеизмом. Хотя «белая вера» в духовном плане многое переняла от исконных обычаяев коренного населения этого региона (*почтание духов огня, воды и т. д.*), шаманы и их ритуалы были подвергнуты порицанию и отвергнуты [31, л. 1-боб]. Их заменили символические обряды кропления молоком, поглаживания ленточек, воскурения можжевельника и т. д. Буддизм же, как показал опыт распространения этой религии в Тибете (в VII–XIV вв.), Монголии (в конце XVI–XVII в.) и на юге Восточной Сибири (в XVIII в.), наоборот активно впитывал местные обычай, нежели призывал новообращенных к их отрицанию.

Однако указанным тенденциям не удалось развиться в полной мере. Этому, на наш взгляд, способствовало несколько причин. Во-первых, формированию вероучения бурханизма препятствовали достаточно энергичные действия православных миссионеров, которые в 1904–1905 гг. постоянно нагнетали обстановку, обращая внимание губернских властей на мнимые (как часто выяснялось впоследствии) сепаратистские замыслы

иностранцев [1, л. 15-16]. Во-вторых, жесткие действия уездных полицейских чинов и местного русского крестьянства заставили часть иностранных отказать от поддержки новой веры [1, л. 278-279, 297об-299]. И, наконец, в-третьих, дальнейшая политика как царской администрации, так и, позже, гонения и репрессии большевиков, направленные против служителей культов и верующих, привели к фактическому вытеснению бурханистских элементов духовной культуры на уровень повседневно-бытовой обрядности [32, с. 67].

Подводя итог, следует сказать, что бурханизм стал уникальным явлением. Геополитическое положение Алтас-Саянского региона наряду с другими факторами (этническими процессами, государственной вероисповедной политикой и т. д.) определило то, что формирование «белой веры» шло в контакте соперничества, главным образом, буддизма и христианства. Это наложило отпечаток на вероучение бурханизма. На сегодняшний день, несмотря на то что рассматриваемая проблематика продолжает оставаться дискуссионной, а вопрос о степени влияния мировых религий является открытым, важно отметить, что альтернативный тип процесса синкретизации, протекавший в конце XIX — начале XX в. на юге Западной Сибири, стал уникальным примером синкретического синтеза духовных традиций Запада и Востока.

Библиографический список

1. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 12. Д. 688.
2. Там же. Ф. 11. Оп. 11. Д. 2.
3. Полное собрание законов Российской империи: Собр. 3-е. — Т. XXV: 1905. — СПб., 1908.
4. «Ведомости СПб. Градоначальства». 1905. 18 октября. № 221.
5. «Томские епархиальные ведомости». 1904. 15 сентября. № 18.
6. «Известия Императорского русского географического общества». 1905. Т. XL. Вып. 1.
7. Сагалаев, А. М. Мифология и верования алтайцев. Центрально-азиатские влияния / А. М. Сагалаев, отв.-ред. И. Н. Гемуев. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1984.
8. Екеев, Н. В. Движение бурханистов на Алтае в 1904–1905 гг. / Н. В. Екеев // Этнографическое обозрение. 2005. № 4.
9. Косьмин, В. К. Влияние монгольского буддизма на формирование и развитие бурханизма на Алтае / В. К. Косьмин // Этнографическое обозрение. 2005. № 4.
10. Клешев, В. А. Современная народная религия алтайцев: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук / Клешев В. А. — Томск, 2006.
11. Мамет, Л. П. К вопросу о сущности бурханизма / Л. П. Мамет // Революционный Восток. 1929. № 7.
12. Мащенко, В. Алтай на пути к безбожию (Ойратская автономная область) / В. Мащенко // Антирелигиозник. 1931. № 2.
13. Данилин, А. Г. Бурханизм (Из истории национально-освободительного движения в Горном Алтае) / А. Г. Данилин. — Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1993.
14. Потапов, Л. П. Очерк истории Ойротии. Алтайцы в период русской колонизации / Л. П. Потапов. — Новосибирск: ЗСКПТ, 1933.
15. Садовой, А. Н. Некоторые аспекты анализа бурханизма / А. Н. Садовой // Проблемы истории Кузбасса: Материалы научно-практической конференции. — Прокопьевск, 2002.
16. Тадина, Н. А. Этническая консолидация и преемственность поколений в осмыслинении бурханизма / Н. А. Тадина // Этнографическое обозрение. 2005. № 4.
17. Потапов, Л. П. Очерки по истории алтайцев / Под ред. С. А. Токарева. — Новосибирск: ОГИЗ, 1948.
18. Тадыев, П. Е. Реакционная сущность шаманизма и бурханизма / П. Е. Тадыев. — Горно-Алтайск: Горно-Алтайское книжное изд-во, 1955.
19. Токарев, С. А. Этнография народов СССР: исторические основы быта и культуры / С. А. Токарев. — М.: Изд-во МГУ, 1958.
20. Шерстова, Л. И. Алтай-кижи в конце XIX — начале XX вв. (История формирования этноконфессиональной общности): Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. 07.00.02 / Шерстова Людмила Ивановна. — Л., 1985. — 17 с.
21. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 164. Оп. 1. Д. 93.
22. Арзютов, Д. В. Бурханизм: североалтайская периферия / Д. В. Арзютов // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 г. / Отв. ред. Ю. К. Чистов, Е. А. Михайлова. — СПб.: МАЭ РАН, 2007.
23. Тадышева, Н. О. Проблемы христианизации алтайского народа (по материалам из фондов национального музея Республики Алтай им. А. В. Анохина) / Н. О. Тадышева // Алтай — Россия: через века в будущее: Материалы Всеросс. научно-практ. конференции, посвященной 250-летию вхождения алтайского народа в состав Российской государства. (16–19 мая 2006 г.) — Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. — Т. 1.
24. Потанин, Г. Н. В Чемальском тупике / Г. Н. Потанин // Сибирская жизнь. 1910. 29 июня. № 142.
25. Насонов, А. А. Особенности политики властей Российской империи в отношении буддийских проповедников

- на территории Русского Алтая в конце XIX — начале XX в. / А. А. Насонов // Государство, общество, церковь в истории России: Материалы IX Международной научной конференции (Иваново, 10–11 февраля 2010 г.): в 2-х ч. — Иваново: Изд-во ИвГУ, 2010. Ч. 2.
26. Шерстова, Л. И. Тайна долины Теренг / Л. И. Шерстова / Отв. ред. Н. В. Екеев. — Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1997.
27. ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 18.
28. Анохин, А. В. Бурханизм в Западном Алтае / А. В. Анохин // Сибирские огни. 1927. № 5.
29. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 135. Оп. 2. Д. 101.
30. Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера). Ф. 15. Оп. 1. Д. 12.
31. ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 85.
32. Сагалаев, А. М. Алтайцы: старая религия и «новая» идеология / А. М. Сагалаев // Народы Сибири: права и возможности / Отв. ред. А. П. Деревянко. — Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1997.

A. A. Nasonov

Кемеровский государственный университет
29.04.2010.

THE INFLUENCE OF BUDDHISM AND CHRISTIANITY ON BURKHANISM CREED FORMATION IN THE PROCESS OF SYNCRETISATION ON THE TERRITORY OF ALTAI-SAYAN (THE END OF 19TH — THE BEGINNING OF 20TH CENTURY)

In this article the influence of Buddhism and Christianity on burkhanism creed formation is considered. Also the significance of Buddhistic and Christian elements in the burkhanism dogma, pantheon and rituals development is appraised.

burkhanism, Buddhism, Christianity, process of syncretisation, Altai-Sayan

УДК 902

A. Ю. Юдина

К ВОПРОСУ О ДЕТСКОМ ЗДРАВООХРАНЕНИИ В Г. БИЙСКЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье на основе опубликованных материалов и архивных источников приводятся данные о функционировании детской городской больницы № 1 в 1941–1945 гг.

детская больница, заведующий, персонал, инфекционные заболевания, питание, инвентарь

Охрана здоровья материнства и детства была и остается одним из приоритетных направлений отечественной медицины. Здоровые дети сегодня — это здоровая страна завтра. Этот непреложный закон медицины соблюдался в СССР и в довоенное время. Однако с началом Великой Отечественной войны его выполнение заметно осложнилось. Дело в том, что теперь, когда началась война, надо было сначала отвоевать само право на завтрашний день. Поэтому-то все силы Советского государства были мобилизованы на защиту Отечества. Его защищать ушла и огромная армия медицинских работников, чтобы там, на полях сражений оказывать медицинскую помощь раненым воинам. В силу этого, медицинские учреждения тыла потеряли огромное число квалифицированных кадров. А медицинская помощь нужна была и в тылу. Нелегкие экономические условия, в которых жили взрослые и дети, постоянная тревога за своих, сражавшихся на фронтах Великой Отечественной, и огромные физические нагрузки непосильным бременем легли на плечи взрослых и еще более неподъемным грузом — на детские, которые еще не окрепли и продолжали расти и развиваться.

Эти невзгоды и заботы военного времени не обошли стороной и такой небольшой город, каким был Бийск в 1941 году, сеть детского здра-

воохранения которого была еще очень молодой. В этом можно удостовериться, ознакомившись со «Списком учреждений здравоохранения по городу Бийску», подлежащих паспортизации в 1941 году [1, л. 17]. Он же, в частности, сообщает, что в нашем городе в тот год функционировали детская амбулатория, две женские и детские консультации (№1 и №2), две молочные кухни (при консультациях), один Дом ребенка и сеть детских ясель (№1, №15, №2 текстильной фабрики, №3 льноткацкой фабрики, №4, №5 кирзавода, №6 маслозавода, №7 военведа, №8 лесозавода, №9 мясозавода, №10 сахарного завода и детские ясли ЧВТ (номер неразборчив). Можно предположить, что их номер был 15, поскольку, если обратиться к «Списку учреждений здравоохранения по городу Бийск» (по состоянию на 31.XII. 1939 г.), то ясли № 15 значатся за ЧВТ) [2, л. 2].

Установив сеть детских учреждений довоенного Бийска, попробуем, хотя бы кратко охарактеризовать ее и сказать пару слов о том или ином детском лечебном заведении, которые нам удалось выявить. Начнем этот разговор, как и положено, с детской городской больницы. Она, как свидетельствует документ, была образована в 1935 году, в доме №17 по улице Форштадской (но в дальнейшем она сменит несколько адресов — А. Ю.).

Ее заведующим был назначен врач Иннокентий Иннокентьевич Спицин.

Штат больницы был небольшим — всего 16 человек: врач, 2 фельдшера, 3 медсестры, 6 санитарок, заведующий хозяйством, повар, уборщица и сторож. И, если старший медицинский персонал оставался постоянным и нареканий не вызывал, то с младшим медицинским персоналом и обслуживающими работниками дело обстояло совсем иначе: с ним почти постоянно приходилось вести воспитательную работу, нередко увольнять (особенно быстро освобождалось место сторожа).

Прием детей в данное лечебное учреждение оговаривался целым рядом условий. Порукой тому — приказ №1 от 20 ноября 1935 года, в котором четко прописаны и «показания, и противопоказания по приему детей в детскую больницу». В соответствии с ним, в детскую больницу не принимались дети с острыми инфекционными болезнями (сыпной, брюшной, возвратный тифы, скарлатина, дифтерия, корь, краснуха, натуральная и ветряная оспа, коклюш, дизентерия), с туберкулезом легких, туберкулезом лимфатических желез, а также больные дети, страдающие одновременно энурезом, чесоткой, стригающим лишаем. Такое четкое разделение неудивительно: указанные заболевания требовали особого ухода за больными и специальных помещений для их размещения, которыми больница на тот период не располагала [3].

Но, несмотря на отдельные негативные моменты, к началу 1940-х гг. все в жизни этого небольшого лечебного учреждения благоприятствовало его росту и процветанию — коллектив сработался и, если можно так выразиться, «вшел в рабочую колею». Но все, по сути дела, разом рухнуло 22 июня 1941 года, т.е. с началом войны. Уже 25 июня в городе началась мобилизация медицинских работников в ряды Красной Армии. Коснулась она и детской больницы. Обратимся к «Книге приказов. Детской лечебно-профилактической амбулатории за период с 26 июля 1938 по 16 апреля 1946 года». В ней в приказе (№28) от 26 июня 1941 года записано: «С сего числа (т.е. с 26.06.1941 г. — А.Ю.) считать уволенным фельдшера Холкина Н. С. по случаю мобилизации в ряды РККА». Данная запись удостоверена расписью заведующего отделением. Однако, спустя два дня, последовал новый приказ (№30 от 28.06.1941 г.), который свидетельствовал об «освобождении фельдшера Холкина от призыва в ряды РККА до особого распоряжения» [4]. Надо полагать, что данный приказ был вызван тем, что власти понимали, чем грозит данному лечебному заведению мобилизация фельдшера на фронт. В

силу этого, он, похоже, и был оставлен. Это наше предположение подтверждается ходом дальнейших событий: 10 июля 1941 года фельдшер Николай Семенович Холкин принимает заведование Детской амбулаторией (приказ №33), а 7 сентября 1941 передал дела завхозу Петру Петровичу до назначения Горздравом нового заведующего амбулаторией, так как был мобилизован в РККА (приказ №53). Такие перемещения наблюдались не только на руководящей должности: был мобилизован бухгалтер Щербаков, врач Заполосская (в приказе фамилия неразборчива), заведующая детской профамбулаторией Розанова Ю., фельдшера Цепелева С. Д., Попова Д. А., Данелюк И. П. и др. [5].

Такие кадровые «перестановки», безусловно, сразу же сказались, причем, неблагоприятно как на оказании медицинской помощи детям, так и на ведении документации. Как ни странно, но с той и другой проблемой горздрав столкнулся одновременно: с одной стороны, почти некому было оказывать помощь больным пациентам, а с другой, — больнице, горздраву в целом, приходилось постоянно давать исчерпывающую информацию о состоянии медицинских учреждений города и т.д. Однако во многих лечебных учреждениях города, людей, ранее занимавшихся этим делом, уже не было, поскольку они были мобилизованы в армию. Поэтому новым людям приходилось учиться делать несколько дел одновременно, т.е. быть, как говорится, и швейцаром, и жнецом. Так, в это трудное время даже должность главного врача пришлось исполнять, некоторое время, фельдшеру.

Но наибольшие трудности для горздрава и лечебных учреждений представляли, что вполне понятно, проблемы материального характера. Больные дети, естественно, нуждались — для своего излечения — в благоприятных условиях, но их обеспечить было совсем не просто. Во-первых, дети нуждались в тепле. Эту задачу решали сами лечебные учреждения. На этот счет Бийский горисполком издал соответствующее постановление («О самозаготовке дров учреждениями и предприятиями города»). Выполняя его, детпрофамбулатория организовала из числа своих сотрудников бригады по заготовке дров. Некоторые из членов, в частности, «завхоз Кузнецов и рабочий Женихов работали на заготовке дров ежедневно». Собирались, как правило, к 9 часам у детамбулатории. «Неявка в вышеназначенные дни и часы рассматривалась как невыход на работу» [4]. Врачи и медицинские сестры, прекратив прием больных, по очереди выходили на заготовку дров, которые привозили сами на единственной лошади, которой располагала больница. На этой же лошади привозили в больницу и воду и др. Поэтому ее берегли «как зеницу ока». За халатное отношение к ней, виновные несли строгие взыскания. Именно таковое понес, как известует из приказа №72 (от 9 сентября 1941 г.), завхоз, по вине которого («небрежное отношение к лошади»), больница — с утра — осталась без воды [5].

Во-вторых, дети в больнице должны были быть сыты. Отсутствие продуктов в ней — это

было ЧП. Именно так была расценена 11 августа 1941 года их недостача на складе, оцененная в сумму 104 руб. 50 коп. Для сравнения скажем, что заработка плата санитарки составляла тогда 200 руб. Строго наказывалось и нерадивое отношение работников, ответственных за питание больных детей. Так, за повторное опоздание на работу помощник повар А. А. Манжосин был отдан в 1942 году под суд [6]. Но, несмотря на строгости военного времени, нарушения не прекращались, особенно «пропажа продуктов». В силу этого, кое-где была снижена норма выдачи хлеба, особенно, кормящим матерям. Именно за такой «проступок» (уменьшение порции хлеба на ужин матерям) в 1944 году понесли наказание няни и дежурная сестра [7]. Летом того же года взыскание понесла старшая сестра, не смогшая выяснить виновных в краже манной крупы [8]. Этот случай понудил руководство лечебного учреждения ужесточить учет продуктов питания, особенно молочных продуктов. «Приказываю, — гласил, к примеру, приказ №51 от 25 августа 1944 г., — строго придерживаться при раздаче пищи больным детям установленных норм. Ответственными за выполнение этого приказа являются няня по питанию и старшая сестра. Палатная сестра за полчаса до раздачи питания должна составить точный список кормящихся в данный час детей и количество требующейся им пищи» [8]. Только принятие таких жестких мер позволили положить конец пропаже продуктов. Правда, выяснить, почему пропадали продукты — по злому ли умыслу или из желания матерей или медсестер дать дополнительный кусочек более слабому ребенку, так и не удалось.

И, наконец, в-третьих, — дети должны были быть обеспечены бельем и другими необходимыми вещами. Особенно сложно было обеспечить больных мягким инвентарем. И эта трудность для военного времени не являлась секретом: его хищение в военное время было обычным делом всегда. Не стала исключением и Великая Отечественная война. Наряду с мягким инвентарем, участвились в лечебных учреждениях, в частности, в детской больнице, и другие хищения. Так, в 1942 году стали — пропадать вилки и белье. Это обстоятельство породило строгое проведение в ней инвентаризации (строго под роспись) и составление акта при порче имущества [9]. Для четкого их проведения в 1943 году в больнице была создана комиссия для инвентаризации. Еще большее «ужесточение контроля» произошло в 1944 году. В соответствии с приказом №27 от 19 мая 1944 г., была узаконена целая система учета белья. «За последнее время наблюдаются случаи пропажи белья. Для устранения этого недопустимого явления приказываю: 1) Сдавая и принимая смену, белье должно быть пересчитано и занесено в табель, где сменяющиеся няни расписываются; 2) Без ведома дежурной сестры или няни матери не имеют права уходить с территории больницы; 3) При уходе матерей с разрешения врача или сестры, дежурная няня должна проконтролировать уходящую. Зав. больницей» [10].

Подобные мелкие происшествия, не имеющие прямого отношения к лечебному процессу, иногда сменялись и серьезными событиями, способными нанести тяжелый вред здоровью детей. Об этом свидетельствует приказ №91 от 7 февраля 1942 года: «Несмотря на письменное предупреждение и неоднократные устные предупреждения нечистоты со двора не вывезены и двор не приведен в надлежащий порядок, поэтому завхоза т. Кузнецова П. П. ставлю на вид и предупреждаю, что если до 15/ II/ 42 двор детамбулатории не будет приведен в порядок, то на него за это возлагается ответственность. Читал П. Кузнецов. Зав детской амбулатории — подпись» [11]. Необходимо отметить, что детская амбулатория не являлась в вопросе санитарии исключением — к сожалению, неудовлетворительное санитарное состояние города было общей бедой. Отдать должное Петру Петровичу — подобные взыскания больше не повторялись.

Медики же продолжали работать. Город был поделен на 4 врачебных участка: «1 участок — врач Розенберг М. Я. — от лесозавода, гора, река, Биржево пер.; 2 участок — врачи Фридман Э. Л. и Горон С. А. — Биржевой, училищный, гора, река; 3 участок — врач Хассес З. М. — Училищный, Железнодорожный, река, ул. Шевченко (левая сторона); 4 участок — врач Вязовская — Большничный, Полярный, ул. Шевченко (правая сторона), гора» [Приказ №88]. Врачи не только оказывали медицинскую помощь, но и вели санитарно-просветительскую работу, следили за санитарным состоянием участка. Продолжалось и повышение квалификации медицинского персонала — так, Медсестра Лукина М. Е. уехала учиться в Новосибирский медицинский институт (Приказ №142 42 год).

Тяжелая работа сказывалась и на состоянии здоровья самих врачей — приказы о больничных листах не являются редкостью в этот период времени.

Но были и светлые моменты в работе — за хороший уход и внимательное отношение к больным к дню 1 мая в 1944 году получили благодарность с занесением в личное дело 18 сотрудников, а через год — в канун победы — 10 человек. Но любую «благодарность с занесением» переживает теплая память, оставленная этими людьми.

С глубоким уважением вспоминают в больнице Николая Семеновича Холкина — проработавшего в детской больнице 40 лет, квалифицированного фельдшера, имеющего орден «Знак почета», медали «За отвагу», «За победу над Германией» и «За доблестный труд». Стрельцова Анфиса Степановна проработала 24 года в должности старшей сестры поликлиники, общий стаж составляет 41 год, награждена медалями, в том числе «За доблестный труд в годы войны». В 1944 году в коллектив пришла и Лидия Петровна Глотова — чуткий, внимательный работник, постоянно повышающий свою квалификацию. 42 года проработала санитаркой в больнице Валентина Васильевна Кузнецова. Вот лишь немногие из тех имен, которые с уважением произносят в детской больнице №1 и сегодня.

Холкин Н. С.

Кузнецова В. В.

Приятно знать, что историю больницы продолжают писать и сегодня — праздничные альбомы с фотографиями людей, отдающих силы и время для того, чтобы дети города Бийска были здоровыми, будут переданы следующим поколениям.

Такую заботу сейчас можно встретить далеко не в каждом лечебном учреждении, поэтому хочется поблагодарить коллектив больницы и лично Наталью Григорьевну Жеребцову за предоставленные документы и фотографии.

Библиографический список:

-
1. Управление архивных дел Алтайского края (УАД АК). ФР — 726, оп. 1 д. 396, л. 17
 2. Там же, д. 387, л. 2
 3. Книга приказов. Детская больница 20/ XI/ 1935 — 15/II/ 1938 г.
 4. Книга приказов. Детская лечебная профамбулатория. 26/ VII/ 1938 — 16/ IV/ 1946.
 5. Книга приказов. Детская больница 20/ VI/ 1941 — 1/IV/ 1944
 6. Там же
 7. Книга приказов Бийской детской больницы 2/ IV/ 1944—31/ VIII/1947
 8. Там же
 9. Детская больница. Книга приказов. 20/ VII/ 1941 — 1/ IV/ 1944
 10. Книга приказов Бийской детской больницы 2/ IV/ 1944—31/ VIII/1947
 11. Книга приказов. Детская лечебная профамбулатория. 26/ VII/ 1938 — 16/ IV/ 1946.
 12. Книга приказов. Детская лечебная профамбулатория. 26/ VII/ 1938 — 16/ IV/ 1946.
-

Бийский государственный педагогическая академия им. В. М. Шукшина
Получено 11.04.2010.

A. Yu. Yudina

CHILDREN'S HEALTH PROTECTION IN THE TOWN BIYSK DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR
In the article, based on published materials and archives sources, the data about functioning of the town children's hospital № 1 are collected.

children's hospital, head physician, hospital staff, infectious diseases, nourishing, implements

РЕЦЕНЗИЯ

Н. С. Модоров, В. Г. Дацышен. *Народы Саяно-Алтая и Северо-Западной Монголии в борьбе с Цинской агрессией. 1644-1758 гг.* — Горно-Алтайск—Красноярск, 2009. — 140 с.

Перестройка и гласность, ставшие главной составляющей жизни советского общества конца 80-х — начала 90-х гг. прошлого столетия, изменили не только облик страны, но и оказали большую помощь исследователям. Дело в том, что в это время в СССР были рассекречены многие архивохранилища, а также сняты сроки давности с материалов закрытого хранения. Благодаря этой акции, историки получили возможность приступить к «планомерному «изучению тем и сюжетов, которые совсем еще недавно не могли исследоваться ими. Сказанное в полной мере относилось, справедливо подчеркнули авторы рецензируемой работы, и к документам, содержавшим информацию по истории взаимоотношений Русского государства со странами Центральной Азии в XVII — XVIII вв., в частности, с цинским Китаем.

Именно такого рода размыщления возникли у нас при первом знакомстве с небольшой по объему (140 с.) работой «Народы Саяно-Алтая и Северо-Западной Монголии в борьбе с цинской агрессией. 1644-1758 гг.», авторами которой являются известные отечественные востоковеды В.Г.Дацьшен и Н. С. Модоров. Главное внимание в ней, и это вполне оправданно, ими уделено характеристике взаимоотношений правителей Цинской империи со своими соседями в середине XVIII в.

Но, прежде чем говорить непосредственно о них, отметим вполне удачный прием, примененный авторами в своей работе. Чтобы всесторонне раскрыть взаимоотношение правителей цинского Китая со своими соседями в середине XVIII в., они в краткой, но доступной для широкого читателя форме показали, как небольшое родоплеменное объединение, выделившись из общей группы тунгусо-маньчжурских племен превратилось со временем в достаточно сильное государство, которое с первых дней своего существования начало проводить агрессивную внешнюю политику. Реализуя ее на деле, маньчжурское государство добилось вскорости подчинения своему влиянию всех соседних с ним государств и народов Восточной Азии. Добившись этого, оно вступило в борьбу с Минским Китаем, правители которого попали в середине 40-х гг. XVIII века в сложную для себя ситуацию, вызванную, с одной стороны, ослаблением, по Л. Н. Гумилеву, их «пассионарной энергетики», а с другой, — крестьянской войной, усугубившей и без того незавидное положение минских правителей в стране. Все это вместе взятое и позволило маньчжурам довольно легко устраниТЬ в 1644 году с престола монгольскую династию и установить господство маньчжурской династии Цин.

Встав у руля власти, она продолжила — во внешне-политическом плане — политику «китаецентризма», широко практиковавшейся ее предшественниками. В соответствии с ней, Китай, как известно, являл собой «центр Вселенной, а остальные все народы, населявшие планету, как и его периферию, а, следовательно, как неотъемлемую часть единого комплекса, именуемого «Поднебесной». Иначе говоря, все некитайские народы обязаны были, в соответствии с вышеназванной доктриной, подчиняться этому центру и беспрекословно принимать все его порядки и устанавливаемое последним мироустройство, которое обязательно для всех некитайских народов. И это, справедливо подмечают, авторы рецензируемой книги, что каждый из них имел свои

национальные особенности, обычаи и традиции, религиозные, социальные и этнические отличия от китайских «законодателей мод». Словом, последние безапелляционно предлагали принять «некитайцам» китайскую цивилизацию (со всеми ее морально-этическими и общественно-политическими институтами) как нечто идеальное и совершенное.

Однако «варвары» отвергли навязываемые Пекином «ценности». Потому-то и начал он силой подчинять их «своей воле». Так родилась, справедливо пишут авторы, рецензируемой работы, у цинских императоров по отношению к некитайским народам, в том числе и к народам Саяно-Алтая и Северо-Западной Монголии, политика агрессии. Но, реализуя свои внешнеполитические планы, правители Цинской империи в то же время старались всячески прикрыть свою агрессивность разного рода рассуждениями о «их миролюбии» и «высоком стремлении» объединить (для их же «блага») все народы в одну большую и единую семью. Как это происходило на самом деле, авторы убедительно показали на примере «заботы» Пекина о «благополучии» коренных народов Южного Алтая, Саянского нагорья и Северо-Западной Монголии. Рефренов этого объединительного процесса «варваров в одну единую семью» во главе с «Сыном Неба» стало почти вековое военное противостояние между Китаем и Джунгарским ханством. Особенно обострилось оно после смерти ойратского правителя Галдана-Цэрээна осенью 1745 года. Воспользовавшись вспыхнувшей с новой силой после нее междоусобной борьбой за ханский трон, Пекин, всеми средствами способствуя ее разжиганию, начал первоначально скрытую, а потом и открытую войну со своим извечным противником — Джунгарским ханством. Ослабленное внутренними катаклизмами, оно, естественно, не смогло оказать агрессору достойного сопротивления и было разгромлено. Это наглядно показано авторами рецензируемой книги. Опираясь на солидную источниковую базу, убедительно показана и негативная роль этой джунгаро-китайской войны для ближайших соседей ойратов, в частности, для коренных народов Саяно-Алтая и Северо-Западной Монголии.

Сокрушив своего соперника, цинский Китай, следуя своим давним внешнеполитическим принципам и руководствуясь «правом победителя», приступил, говоря современным языком, к «приватизации джунгарского наследства». Осуществив

ляя ее, он, опираясь на военную силу, начал также принуждать коренное население вышеуказанных регионов к принятию «цинского подданства». Однако эти действия Пекина, были негативно встречены «варварами», в том числе алтайцами, которые не только не пошли добровольно под «высокую руку Сына Неба», но и выразили горячее желание принять русскую протекцию». Столкнувшись с «упорным нежеланием алтайских варваров познать благо, даруемое им Сыном Неба», цинский император отдал приказ своим войскам «достойно наказать строптивцев» — поголовно уничтожить тех, которые откажутся добровольно принять «подданство его империи». Выполняя «высокое указание», маньчжуро-китайские отряды стали «огнем и мечом» увещевать алтайцев, чтобы они приняло китайское подданство. В этой, непростой для себя ситуации русское правительство сделало, наконец-то свой выбор: взвесив все «за» и «против», оно приняло «бывших зенгорцев» в свое подданство, спасши таким образом последних от физического уничтожения, что показано также убедительно.

Не продолжая больше разговор о достоинствах рецензируемой работы, сделаем лишь положенный в таких случаях заключительный вывод: задачи, которые поставили перед собой авторы вышеназванной книги, ими выполнены. Чтобы приведенный в книге материал был понятен читателю, авторы снабдили ее необходимым в таких случаях словарем.

И в заключение — одно замечание, реализация учет которого, на наш взгляд, только повысило бы «акции» рецензируемой работы: в главе III напрашивается параграф «Народы Южного Алтая перед цинским вторжением. 1745-1751 гг., который помог бы проследить их взаимоотношения с маньчжурами, уяснить подоплеку их появления в эти годы в данном регионе. Не лишена работа и «технических погрешностей» - опечаток, отсутствие (или «избыток») знаков пунктуации и т.д.

Однако высказанные замечания, не меняют общей оценки от рецензируемой работы, которой заслуживает труд, созданный В. Г. Дацышеном и Н. С. Модоровым.

*Н. Н. Алеврас
доктор исторических наук
(Челябинский государственный университет)*

ИНФОРМАЦИЯ

ДОКЛАД УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЗА 2009 ГОД

(Основные положения)

Главный фактор, определяющий содержание доклада Уполномоченного, — динамика развития правозащитной ситуации в стране. Не отклоняясь от своей основной — правозащитной — деятельности, обусловленной требованиями Федерального конституционного закона, Уполномоченный одновременно изучает положение с правами человека в стране через призму конкретных нарушений и недостатков. Информацию о них он черпает из обращений граждан, а в случаях, имеющих, по его мнению, особое общественное значение, из многих других источников. Уполномоченный видит одну из своих задач в том, чтобы обратить внимание общества и государства на реальные проблемы соблюдения прав человека, выявленные в процессе работы за год. Задача эта особенно актуальна, ибо значительное число нарушений прав человека в 2009 году имело системный и комплексный характер.

К системным, по мнению Уполномоченного, могут быть отнесены нарушения прав человека, порожденные изъянами в законодательстве или в устойчивой практике его применения. К комплексным — нарушения сразу нескольких прав человека одним действием государственного органа или должностного лица.

Ниже приводятся извлечения из Доклада Уполномоченного за 2009 год, содержащие основные проблемы и выводы. Полный текст Доклада опубликован в «Российской газете» и на официальном сайте Уполномоченного.

1. О количестве и тематике обращений граждан

В 2009 году к Уполномоченному поступило 54046 единиц входящей корреспонденции (обращений), из них жалоб — 32043 единицы.

Тематика жалоб в целом соответствовала тенденциям последних лет. Каждая вторая жалоба касалась нарушений личных прав человека. Внутри этой категории был замечен рост количества жалоб, связанных с неэффективностью судебной системы, нарушением права на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство. Увеличилось количество жалоб, связанных с условиями отбывания наказаний в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Нарушениям социально-экономических прав граждан посвящена каждая четвертая жалоба. Количество жалоб по проблемам охраны материнства и детства в отчетном году выросло на одну треть.

Доля жалоб на нарушение политических и культурных прав граждан осталась невысокой,

составив соответственно 1,6 и 0,6% от общего числа поступивших жалоб.

2. Право на труд

Многие работодатели идут на пересмотр в сторону ухудшения условий труда и минимизации оплаты труда своих работников. Получили распространение увольнения, связанные с сокращением численности или штата работников без соблюдения работодателем предусмотренных законом процедур. Правовые механизмы, призванные защитить работников, практически не работают. Отмечается пассивность и неэффективность деятельности профсоюзов в защите прав работников.

Неукоснительно выполнить все требования, необходимые для объявления забастовки, предусмотренные ст. 410 Трудового кодекса, практически невозможно. Конституционное право на забастовку неоправданно ограничено в законодательстве.

3. Право на социальное обеспечение и медицинскую помощь

Коэффициент пенсионного замещения заработной платы остается крайне низким и в среднем не превышает 28%. Этот показатель не дотягивает до стандартов, установленных Конвенцией №102 МОТ и Европейской Социальной Хартии, — 40% и 50-60% соответственно.

Для решения задачи зарабатывания достойной пенсии требуется определить общественно признанные критерии определения этой пенсии для работников с различной по размеру заработной платой. Необходимо законодательно установить как минимальный, так и максимальный размер пенсии по старости. Социальные же пенсии необходимо бы уже сейчас законодательно привязать к прожиточному минимуму.

Остро стоит проблема трудовой занятости инвалидов. **Финансирование государственных программ помощи инвалидам должно осуществляться в приоритетном порядке, а не по остаточному принципу.**

Конвенция ООН о правах инвалидов была подписана в сентябре 2008 года Российской Федерации, но до сих пор не ратифицирована.

4. Право собственности на имущество

Конституция Российской Федерации предполагает возможность принудительного изъятия имущества у собственника для государственных и муниципальных нужд при условии предварительного и равноценного возмещения.

* Материалы предоставлены Аппаратом Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации от 26 мая 2010 г.

Отсутствует четкая методология и критерии определения рыночной стоимости выкупаемого имущества. Решение данной проблемы видится в унификации порядка ее определения.

Ввиду размытости понятия «государственные и муниципальные нужды» решения об отчуждении собственности нередко принимаются без реальной в этом необходимости. Следует законодательно разработать четкие критерии определения понятия «государственные и муниципальные нужды».

Снос многоквартирных домов реализуется через заключение договоров (контрактов) с инвесторами предполагаемого строительства. Обязанности по расселению собственников жилых помещений выполняются инвесторами недобросовестно. Необходимо усилить контроль со стороны органов местного самоуправления и государственной власти за реализацией инвестиционных контрактов и исключить практику рассмотрения судами исков о прекращении права собственности и изъятии имущества, подаваемых частными инвесторами.

Процесс определения состава общего имущества в многоквартирном доме законодательно не регламентирован. Его следовало бы разработать и нормативно закрепить.

5. Политические права и свободы

Усилилась тенденция к подмене установленного российским законодательством уведомительного порядка проведения мирных собраний на фактически разрешительный. В правоприменительной практике появилось понятие «несогласованное мероприятие». Следует в этой связи напомнить о том, что **уведомительный порядок проведения публичных мероприятий не предполагает возможности «несогласования» органом власти уведомления об их проведении**.

Немало нареканий вызывает процедура досрочного голосования на местных выборах и практика голосования по открепительным удостоверениям. Обе процедуры следовало бы усовершенствовать, сделав бланки открепительных удостоверений документами строгой отчетности и максимально защитив их от подделок.

В связи с предложением Президента России отказаться от сбора подписей как механизма допуска политической партии к выборам можно бы подумать о возвращении к практике разумного денежного залога.

Имеет место плохая, политически ангажированная работа территориальных и участковых избирательных комиссий. Необходимо пересмотреть сложившуюся практику формирования участковых избирательных комиссий (возможно формировать их по аналогии процедуры, применяемой при отборе присяжных заседателей).

6. Право на свободу совести

Есть трудности с возвращением прежним владельцам или их историческим преемникам церковной собственности, выделением религиозным организациям участков для строительства культовых зданий. Регулярно происходят нападения

на служителей культа и верующих; их избиения и убийства.

Неправовые и ненаучные термины «секта», «тоталитарная секта» и др. прочно укоренились в массовых изданиях. Уполномоченный приветствует учреждение Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве России, деятельность которого поможет исключить конфессиональную ангажированность и непрофессионализм экспертных заключений.

Уполномоченный поддерживает проведение в ряде регионов эксперимента по преподаванию учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики». Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть, что в сфере духовного воспитания церковь с одной стороны, и многонациональное светское государство — с другой, не могут не преследовать отчасти разные цели. Главная цель государства — помочь своим гражданам научиться уважать веру других. При подведении итогов начинающегося эксперимента следовало бы, видимо, ответить на вопрос о том, выполнению какой из двух указанных выше целей он способствовал.

7. Права человека в сфере миграции и гражданства

Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, практически провалена. Вместо запланированных 300 тысяч соотечественников, в 2007–2009 годах в рамках программы в Россию прибыло чуть больше 15 тысяч человек.

Недостаточная продуманность государственной миграционной политики проявилась в 2009 году в решении об отмене упрощенного порядка приема в гражданство Российской Федерации бывших граждан СССР. Уполномоченный всегда выступал за то, чтобы сделать такой порядок постоянным.

Уполномоченный не раз обращался к проблеме изъятия российских паспортов у лиц, которым они были «выданы необоснованно». Позиция Уполномоченного состоит в том, что все проживающие в России бывшие граждане СССР, необоснованно получившие российские паспорта вследствие ошибок должностных лиц консульской, паспортно-визовой и миграционной служб, должны быть признаны гражданами Российской Федерации.

8. Права и законные интересы ребенка

Во многих регионах страны существуют трудности с выплатой пособий по уходу за ребенком, предоставлением льгот кормящим матерям, новорожденным и малолетним детям. Вместе с тем совершенно недопустимо пересматривать в сторону сокращения пакет предоставляемых льгот.

Решения, принимаемые судами в защиту детей, нередко не выполняются. Этому способствует наличие пробелов в законодательстве и отсутствие должного усердия в работе судебных приставов.

Все чаще возникают «международные» споры, связанные с детьми. Было бы целесообразным предоставить любому гражданину возможность получить консультацию по вопросам семейного законодательства страны, гражданином которой является его будущий супруг или супруга.

Органы власти многих субъектов Российской Федерации находят все новые предлоги для отказа в предоставлении жилья детям-сиротам. Следует рассмотреть вопрос о внесении в Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» изменений, которые исключили бы такую возможность.

9. Права военнослужащих и граждан, призванных на военную службу

Проблемы обеспечения прав военнослужащих по-прежнему остаются острыми. Среди них: неуставные отношения; злоупотребление служебным положением; привлечение к работам, не обусловленным исполнением обязанностей военной службы; проблемы, связанные с расформированием военно-медицинских учреждений и др.

Имеют место за держки с предоставлением жилья, увольняемым со службы военнослужащим. Низка эффективность системы государственных жилищных сертификатов. Из-за разницы между рыночными ценами на жилье и номинальной стоимостью сертификата, приобрести на него жилье без доплаты зачастую невозможно. Государство должно предоставлять военнослужащим реальное жилье, централизованно закупая его у застройщика, или полностью оплачивать его индивидуальное приобретение в форме субсидии.

Новая проблема — принуждение военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, к подписанию контракта. Необходимо полностью запретить подписание контрактов с военнослужащими по призыву до истечения срока их службы.

10. Права человека в местах принудительного содержания

Сохраняется проблема переполненности мест лишения свободы. Заслуживает поддержки предложения Минюста и ФСИН России постепенно перевести значительную часть осужденных за менее тяжкие преступления в колонии-поселения.

Размер денежных средств, которые могут быть израсходованы осужденными на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости, ранее рассчитывался из базовой суммы минимальной оплаты труда, составляющей сто рублей. После неоднократных обращений Уполномоченного в 2009 году в ряд статей УИК РФ были внесены изменения, согласно которым размер разрешенных к расходованию осужденными денежных средств определен фиксироваными суммами.

Неблагополучным остается положение с обеспечением права на труд лиц, осужденных к лишению свободы. Почти половина осужденных при

поступлении в исправительные учреждения не имеют профессиональных и трудовых навыков. Практикуется использование труда лиц, содержащихся в местах лишения свободы, без оплаты. Это очень серьезное нарушение прав человека, особенно нетерпимое в условиях ограничения его свободы.

Исполнение ч. 1 ст. 118 УИК РФ влечет за собой лишение осужденного права на длительное свидание и после выхода из штрафного изолятора. Следует дополнить ч. 1 ст. 118 УИК РФ положением о том, что дисциплинарное наказание в виде водворения осужденного в штрафной изолятор приостанавливается на время длительного свидания, установленного для него в порядке очередности.

В 2007 году в ст. 73 УИК РФ были внесены изменения, позволяющие направлять осужденных для отбывания наказания в любой субъект РФ. Следует восстановить ст. 73 УИК РФ в прежней редакции, предусматривавшей направление осужденных для отбывания наказания в исправительные учреждения по месту их жительства или осуждения или в ближайшие исправительные учреждения в других субъектах РФ.

11. Право на жизнь, достоинство, свободу, личную неприкосновенность и уважение личной жизни

Как известно, Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, предусматривающий полную отмену смертной казни, подписан Россией, но до сих пор не ратифицирован. 19 ноября 2009 года было вынесено Определение Конституционного Суда Российской Федерации, в котором указано, что в настоящее время положения Уголовного кодекса РФ о смертной казни не могут применяться, поскольку сложившееся в нашей стране правовое регулирование права на жизнь ясно устанавливает запрет на назначение смертной казни и исполнение ранее вынесенных смертных приговоров. Приветствуя это решение Конституционного Суда Российской Федерации, Уполномоченный считает необходимым ратифицировать упомянутый Протокол №6. При этом Уполномоченный исходит из того, что, подписав Протокол №6, Россия должна в полном объеме выполнять вытекающие из этого обязательства и до его предстоящей ратификации.

Требует анализа практика ликвидации членов незаконных вооруженных формирований в ходе боевых столкновений. Обстоятельства ликвидации редко подвергаются открытому и гласному исследованию в рамках состязательной процедуры, что создает возможности для злоупотреблений законом. Проверка обстоятельств в ликвидации членов НВФ должна носить максимально транспарентный характер с обязательным участием защитника, имеющего доступ ко всем материалам дела.

Вопросы административного задержания нуждаются в особом внимании контролирующих органов, которым стоило бы разобраться, например, в необоснованно узком толковании самого понятия «задержание», используемом в настоя-

щее время. Не признавая факт «задержания» во всех случаях ограничения свободы гражданина РФ, государство отказывает в праве обжаловать свои действия в судебном порядке.

Подавляющее большинство сотрудников милиции воспринимает проверку документов как свое неотъемлемое и ничем не ограниченное право. Установление личности человека есть вторжение в его частную жизнь и согласно закону может иметь место лишь в строго определенных случаях.

Важным шагом в деле обеспечения права человека на личную жизнь является Федеральный закон «О персональных данных». Вместе с тем многие его нормы работают неважно: неясность в их толковании, в определении целей обработки данных, отсутствие широкой информированности граждан о предоставленных им правах и др.

Практика применения законодательства о защите жизни, достоинства, неприкосновенности частной жизни в России еще не сформирована. Необходимо обратить внимание на изучение опыта Европейского Суда по правам человека, который вынес ряд прецедентных постановлений в этой области.

12. Право на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство

Нарушения права на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство встречаются практически на всех стадиях судебного процесса.

Требуют внимания вопросы обеспечения гласности и открытости судопроизводства. Практика принятия ведомственных нормативных актов, не-правомерно обуславливающих фотосъемку и видеозапись разрешением председателя суда, а не судьи, председательствующего в судебном заседании, является серьезным нарушением.

Судопроизводство в России не вполне отвечает международным стандартам справедливости судебного разбирательства. Европейский Суд по правам человека все чаще устанавливает нарушение права на судебную защиту, равно как и на справедливое судебное разбирательство.

В сфере исполнительного производства сохраняются немалые проблемы, связанные с длительностью неисполнения судебных решений. Порядок выплаты государством компенсации за нарушение права на судебную защиту нуждается в правовом регулировании.

13. Право на эффективную государственную защиту

Государственные органы, призванные защищать права граждан, нередко сами их нарушают. Используя дискретность своих полномочий, должностные лица искусно подменяют процедуры проверки по обращениям граждан, принимая в итоге «законные» решения об отказах, когда защита прав заявителя даже не начиналась. Также используется механизм бесконечных отмен ранее вынесенных решений с их последующим повторным принятием. Проверка по любому обращению граждан должна носить комплексный характер.

Остро стоит проблема эффективности государственной защиты граждан от незаконных посягательств на их жизнь и здоровье со стороны сотрудников правоохранительных органов. Действующее уголовно-процессуальное законодательство распространяет презумпцию невиновности на сотрудников милиции. Вследствие этого на жертвы их произвола зачастую ложится обязанность доказывать наличие в действиях сотрудников правоохранительных органов состава преступления. Следует расширить перечень решений и действий государственных органов и должностных лиц, которые подлежат обжалованию в рамках гражданского процесса.

Применяемая в настоящее время система показателей эффективности работы правоохранительных органов небезупречна. Оценка эффективности их работы должна опираться на мнение граждан.

14. Совершенствование законодательства о правах и свободах человека и гражданина

Уполномоченный правом законодательной инициативы не наделен. Деятельность по совершенствованию законодательства осуществляется им через обращение к субъектам права законодательной инициативы.

В 2009 году Уполномоченный направил субъектам права законодательной инициативы 42 предложения о совершенствовании законодательства, 15 правовых заключений на проекты федеральных законов на предмет их соответствия Конституции Российской Федерации, общепризнанным принципам и нормам международного права, 7 заключений на обращения судей Конституционного Суда по вопросам конституционности положений отдельных федеральных законов.

15. Взаимодействие с российскими и международными правозащитными структурами

Пункт 1 ст. 5 ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» носит диспозитивный характер и предусматривает возможность учреждения должности уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации. Уполномоченные по правам человека действуют в 51 субъекте Федерации, в 10 субъектах России приняты законы, но сами уполномоченные не назначены.

Взаимодействие с уполномоченными по правам человека в субъектах РФ осуществляется в рамках Координационного Совета. (в 2009 году КС проводился дважды)

Взаимодействие с общественными объединениями осуществляется в рамках работы Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека. Также Уполномоченный принимал к рассмотрению оперативную информацию от НПО о фактах нарушения прав и свобод человека.

В целях защиты прав российских граждан за рубежом, а также для обмена опытом государственной правозащитной работы Уполномоченный осуществляет взаимодействие с национальными учреждениями по защите прав человека более чем в 50 стран мира.

16. Защита прав граждан России за рубежом

Во взаимодействии с компетентными органами осуществлялась защита прав российских граждан, находящихся за рубежом.

В 2009 году в поле зрения Уполномоченного все чаще оказывались конфликты между гражданами России, состоявшими ранее в браке с гражданами других государств; вопросы соблюдения прав российских моряков торгового флота; проблемы обеспечения прав граждан России, постоянно проживающих в Туркмении.

Отдельные государственные органы нашей страны зачастую проявляли недостаточную принципиальность в работе на этом важном направлении.

17. Вопросы взаимодействия с Европейским Судом по правам человека

Уполномоченный приветствует ратификацию в России Протокола № 14 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, предусматривающего реформирование Европейского Суда по правам человека.

В настоящее время сотрудничество с ЕСПЧ ограничено более или менее своевременной выплатой материальной компенсации, которую Европейский Суд своими решениями назначает заявителям из России. Верховный Суд Российской Федерации пока не выработал четкого механизма реализации своих собственных рекомендаций о необходимости учета решений Европейского Суда при отправлении правосудия во всех российских судах общей юрисдикции. В результате решения Европейского Суда в качестве источника совершенствования российской правоприменительной практики остаются по большому счету невостребованными судебными и иными органами. По данным МИД России, до 40 % поступающих в Европейских Суд «российских жалоб» подаются в связи с неисполнением решений российских судов. **Весьма актуальным представляется доведение до сведения всех российских судов информации о важнейших решениях Европейского Суда по делам, не касающимся жалоб из России.**

18. О награждении медалью Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации

В целях поощрения подвижнической деятельности в области защиты прав и свобод человека

учреждена медаль Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации «Спешите делать добро». Награждение производится 10 декабря — в день принятия Всеобщей Декларации прав человека.

Среди награжденных двое погибших в минувшем году правозащитников — это Наталья Эстемирова (Чечня) и Макшарип Аушев (Ингушетия).

Итоги деятельности Уполномоченного в отчетном году неопровергимо свидетельствуют о том, что в деле обеспечения прав и свобод человека у России как государства и как общества имеются огромные резервы для самосовершенствования. Ключей же к этому два: эффективная обратная связь между обществом и государством, а также строгое, беспристрастное и невыборочное исполнение всех процедур, предусмотренных действующим законодательством. Используя механизм обратной связи, государство узнает о запросах и претензиях общества к своей работе. А строго, беспристрастно и невыборочно исполняя законодательство, обеспечивает всем своим гражданам право эти запросы формулировать и высказывать без страха и сомнений.

Обратная связь между обществом и государством как будто начинает налаживаться. Впрочем, говорить об этом с уверенностью не приходится, ибо накопленный груз взаимного непонимания еще очень велик, и примеров демонстративного пренебрежения различных властей и к закону, и к мнению граждан своей страны по-прежнему немало.

Проблемы возникают со строгим и беспристрастным исполнением действующего законодательства. Едва ли не с любыми законами можно жить, если они применяются ко всем членам общества одинаково. При соблюдении этого условия излишне строгие или откровенно абсурдные законы долго не протянут. Они будут или отменены, или откорректированы. Напротив, при несоблюдении того же условия даже самый хороший закон превращается в инструмент произвола и нарушения прав человека.

Информационное письмо

Сибирское отделение Российской Академии Наук
Новосибирский государственный университет

Совет научной молодёжи
Института истории

объявляет о проведении
региональной молодёжной научной конференции:

**Исторические исследования
в Сибири: проблемы
и перспективы**

Конференция состоится **24–25 августа 2010 г.**
в Новосибирском Академгородке (Институт истории СО РАН)

К участию приглашаются исследователи в возрасте не старше 35 лет (по состоянию на 31 декабря 2010 г.).

Развёрнутые материалы необходимо подать в срок до **1 августа 2010 г.**

Прошедшие отбор статьи будут размещены на Интернет-странице СНМ для ознакомления с ними потенциальных участников и гостей конференции.

Работы авторов, принявших участие в конференции, будут опубликованы в сборнике материалов научного форума. Заочное участие не предусматривается.

Требования к оформлению статей: объём до 0,5 а.л. (20 тыс. знаков, включая пробелы, с учётом сносок), сноски автоматические, гарнитура Times New Roman, кегль 10, одинарный интервал.

Оргкомитет оставляет за собой право отклонения материалов, не соответствующих научным стандартам или техническим требованиям.

Предполагается провести **секционные заседания** по следующим исследовательским направлениям: 1) зарубежная история, 2) отечественная история с древнейших времен до первой половины XIX в., 3) отечественная история второй половины XIX — начала XX века, 4) отечественная история с 1917 по 1953 гг., 5) отечественная история второй половины XX — начала XXI в.

Одновременно со статьёй подаётся **заявка**, в которой указываются: 1) фамилия, имя, отчество автора; 2) дата рождения; 3) учёная степень и звание; 4) место работы и должность; 5) адрес электронный для переписки; 6) адрес электронный для публикации в сведениях об авторе; 7) адрес почтовый (включая индекс); 8) телефоны; 9) потребность в бронировании гостиницы/общежития; 10) наличие необходимости в цифровом проекторе.

Председатель оргкомитета: Романов Роман Евгеньевич, к.и.н. Института истории СО РАН.

Ответственный секретарь: Пивоваров Никита Юрьевич, аспирант Института истории СО РАН.

Тел.: 8-913-749-79-72 (Р.Е. Романов); 8-913-487-8752 (Н.Ю. Пивоваров).

Эл. почта: istkonf@gmail.com (в теме письма указывайте название конференции).

Почтовый адрес: 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8, Институт истории СО РАН, к. 309.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ
в журнале «МИР ЕВРАЗИИ»

Авторы представляют статьи на русском языке объемом от 0,5 до 1 авторского листа (20 — 40 тыс. знаков). Объем сообщений, рецензий, заметок не должен превышать 0,2 авторского листа (8 тыс. знаков).

Рукопись должна быть отредактирована, сопровождена рецензией доктора (кандидата) исторических наук. Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной экспертной оценки.

Статью необходимо печатать в редакторе MS WORD 6-7, формате А4, шрифтом 12 пт. (Times New Roman), межстрочный интервал — 1,5; отступ от сторон листа 2,5 см. Статья оформляется следующим образом:

- Ф.И.О. автора (авторов), название статьи заглавными буквами и аннотация на английском языке (до 300 знаков);
- УДК;
- Ф.И.О. автора (авторов), название статьи заглавными буквами и аннотация на русском языке (до 300 знаков).
- Ключевые слова (на русском и английском языках)
- Примеры в тексте статьи оформляются курсивом.
- Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют сквозную нумерацию.
- Все таблицы и рисунки (черно-белые) должны быть встроены в текст статьи.
- Библиографический список (в порядке цитирования) оформлять по ГОСТ 7.1.-2004. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. Например, [1, с. 25-27].
- В конце статьи указывается дата ее отправки в редакцию.

Статья (бумажный вариант и электронный вариант на диске) вместе с заявкой и рецензией, должна быть выслана обычной почтой на адрес редакции или электронной почтой по адресу (E-mail: mns@gasu.ru. Файлы необходимо именовать согласно фамилии первого автора, например «Завьялов, Самара». Нельзя в одном файле помещать несколько статей. В разделе «Тема» указывать «В редакцию журнала». За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несет автор (авторы) статьи. Поступившие в редакцию материалы возврата не подлежат.

После экспертизы статья может быть отклонена, послана автору на доработку или рекомендована к публикации.

Материалы, не соответствующие данным требованиям, к публикации приниматься не будут.

Статьи аспирантов публикуются бесплатно.

МАТЕРИАЛЫ И РЕЦЕНЗИИ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ: 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленина, 1 Университет, Редакция международного журнала «Мир Евразии» Главному редактору.

Контактные телефоны: 8 (388-22) 2-62-33, 2-68-15. Факс: 8 (388-22) 2-67-35. E-mail: mns@gasu.ru

Образец оформления статьи

Sidorenko D.I. Realization the decree SNK «About separating of church from State and of school from church» on the Altay (1917-1921). In the article, on the basis of documentary sources for the first time introduced into scientific turn the religious policy of Soviet power on the Altay in 1920-1930 years.

Key words: revolution, church, decree, requisition, religious organizations, repression, board of justice, liquidation commission.

УДК 902

Д.И. Сидоренко

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА АЛТАЕ В 1920-1923 ГГ.

В статье на основе впервые вводимых в научный оборот документальных источников анализируется конфессиональная политика Советской власти на Алтае в 1920-1930 гг.».

Ключевые слова: революция, церковь, декрет, реквизиция, религиозные организации, репрессия, коллегия юстиции, ликвидационная комиссия.

Претворение в жизнь нормативных актов Советской власти, касавшихся религиозных объединений, началось на Алтае только в начале 1920 г. Существовавшие же здесь (с декабря 1917 по июнь 1918 г.) ее органы власти вопросами конфессиональной политики практически не занимались [1, с. 86,88]. Это был результат ТЕКСТ...

Библиографический список

1. Будегчиева, Т.Б. Горловое пение в системе народной культуры тувинцев / Т.Б. Будегчиева // Мелодии «Хоомея» / Материалы I Международного симпозиума «Хоомей-92». — Кызыл: Изд-во КГУ, 1994.
и т.д.